

ISSN: 2949-284X

IP: ТЕОРИЯ

Сетевой
научный журнал

И ПРАКТИКА

№ 1 (13). 2026

Издания

**ФГБОУ ВО Российской государственной академии интеллектуальной
собственности**

**Журнал ВАК
«Копирайт»**

**Журнал РГАИС
«Альманах»**

**Журнал РГАИС
«Государственное
управление и
политика»**

**Издательский дом
РГАИС**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Панченко В.Ю., Лисицкая С.А.* «Законодательство заходящего солнца» как вид правового эксперимента 4 – 18
- Лыков А.Ю.* Рациональный конструктивный патриотизм как универсальный элемент содержания прогрессивного политико-правового идеала 19 – 30

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

- Ващенко В.С.* Правовая охрана служебных секретов производства (ноу-хау) с помощью технологий искусственного интеллекта 31 – 42
- Мартынов М.Д.* Авторско-правовая охрана неконвенциональных произведений: постановка научной проблемы 43 – 55
- Маханькова Е.Н.* Институт продления срока действия евразийских и российских патентов на изобретения: постановка научной проблемы 56 – 66
- Сергеева Н.Ю.* Защита интеллектуальных прав в эпоху жизнеспособных инноваций роль эстоппеля в условиях недостаточности правового регулирования 67 – 76
- Арнаутов В.Д.* Ответственность владельцев цифровых платформ при нарушении договорных обязательств и интеллектуальных прав постановка научной проблемы 77 – 89

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

- Иванов С.В.* Научно-техническое творчество и интеллектуальная собственность несовершеннолетних как основа технологического суверенитета России 90 – 103
- Манкевич Ю.В.* Эволюция изменений в международной классификации товаров и услуг, связанных с искусственным интеллектом и развитием робототехники 104 – 122

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Соколов А.П., Садыкова А.И.* Современные проблемы обеспечения продовольственной безопасности России 123 – 131

ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИЙ

- Самосват А.С.* Развитие инициативного изобретательства в инновационной деятельности организаций 132 – 141

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- Ипполитов С.С.* Издательская отрасль Китайской народной республики: правовая основа функционирования и развития 142 – 163

Научная статья

УДК 340.13

«Законодательство заходящего солнца» как вид правового эксперимента

Владислав Юрьевич Панченко¹, Снежана Александровна Лисицкая²

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Доктор юридических наук, профессор

panchenkovlad@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3303-2941>

² Московский государственный лингвистический университет

Стажер-исследователь

lisitskaia134@gmail.com

^{1,2} Москва, Россия

Аннотация. Исследован феномен «законодательства заходящего солнца» (sunset legislation) сквозь призму теории правового эксперимента. На основе доктринальных подходов к пониманию правового эксперимента, сформулированных в трудах российских и зарубежных ученых, обосновано, что механизм автоматического прекращения действия нормативных актов обладает всеми сущностными признаками экспериментального правового режима. Рассмотрены теоретические модели, объясняющие функциональное назначение sunset legislation (теория «хорошего правительства», теория политических преимуществ, теория ренты, теория выравнивания предпочтений), показан его потенциал как инструмента стабилизации законодательства и предупреждения юридических препятствий в реализации прав и законных интересов. Особое внимание обращено на опыт внедрения элементов sunset legislation в российскую правовую систему и на перспективы его дальнейшего развития. Сделан вывод о двойственной природе данного

института, который, с одной стороны, способствует актуализации и оптимизации нормативного массива, а с другой – требует взвешенного подхода ввиду организационных и финансовых издержек.

Ключевые слова: законодательство заходящего солнца, правовой эксперимент, правотворчество, оценка эффективности, юридические препятствия, теория государства и права.

Для цитирования: Панченко В.Ю. «Законодательство заходящего солнца» как вид правового эксперимента / В.Ю. Панченко, С.А. Лисицкая // IP: теория и практика. 2026. № 1.

Original article

"Sunset legislation" as a type of legal experiment

Vladislav Yu. Panchenko¹, Snezhana A. Lisitskaya²

¹All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Russian State Academy of Intellectual Property, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Doctor of Law, Professor

panchenkovlad@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3303-2941>

²Moscow State Linguistic University,

Research Intern

lisitskaia134@gmail.com

^{1,2} Moscow, Russia

Abstract. The article examines the phenomenon of "sunset legislation" through the prism of the theory of legal experiment. Based on doctrinal approaches to the understanding of legal experiment formulated in the works of Russian and foreign scholars, it is substantiated that the mechanism of automatic termination of normative acts possesses all the essential features of an experimental legal regime. Theoretical models explaining the functional purpose of sunset legislation (the "good government" theory, the theory of political advantages, the rent theory, the preference alignment theory) are considered, and its potential as a tool for stabilizing legislation and preventing legal obstacles in the realization of rights and legitimate interests is shown. Particular attention is paid to the experience of introducing

elements of sunset legislation into the Russian legal system and the prospects for its further development. A conclusion is drawn about the dual nature of this institution, which, on the one hand, contributes to the actualization and optimization of the regulatory framework, and on the other hand, requires a balanced approach due to organizational and financial costs.

Keywords: sunset legislation, legal experiment, law-making, efficiency assessment, stability of legislation, deregulation, legal obstacles.

For citation: Panchenko V.Yu., Lisitskaya S.A. "Sunset legislation" as a type of legal experiment // IP: theory and practice. 2026. No. 1.

Введение

В условиях динамично развивающихся общественных отношений и усложнения системы правового регулирования особую актуальность приобретает поиск эффективных инструментов, позволяющих своевременно обновлять законодательство, устранять устаревшие и малоэффективные нормы, а также прогнозировать последствия правотворческих решений. Одним из таких инструментов, получивших широкое распространение в странах англосаксонской правовой семьи и начинающих осваиваться в России, является так называемое «законодательство заходящего солнца» (sunset legislation). Данный правовой механизм предполагает установление в нормативном правовом акте или в отношении деятельности государственного органа определенного срока действия, по истечении которого они автоматически утрачивают силу, если законодатель не примет решение об их продлении или обновлении. Sunset legislation представляет собой сложный и многогранный феномен, который может быть осмыслен с различных теоретико-правовых позиций. Наиболее продуктивным представляется его рассмотрение в контексте учения о правовом эксперименте, который в узком смысле представляет собой апробацию изменений в правовой жизни, когда результат зависит именно от юридических условий, а предметом выступает правовая деятельность, где в качестве средств используются правовые средства [1, с. 132]. Sunset legislation в полной мере отвечает этим критериям, поскольку создает временный, локальный (в темпоральном смысле) режим

функционирования нормативных правовых предписаний, позволяющий оценить их эффективность и принять обоснованное решение о дальнейшей судьбе. Обоснованию «законодательства заходящего солнца» как особого вида правового эксперимента, выявлению его признаков, функционального потенциала и пределов применимости, в том числе в условиях российской правовой системы посвящено настоящее сочинение.

Методы

Методологическую основу исследования составляет диалектический подход, позволяющий исследовать правовые явления в их развитии и взаимосвязи, выявлять противоречия между потребностью в стабильности законодательства и необходимостью его своевременного обновления. В качестве общенаучных методов познания использованы анализ и синтез, позволившие выделить сущностные признаки sunset legislation и обобщить эмпирический материал о его применении. Сравнительно-правовой метод применен для сопоставления опыта США, где данный институт функционирует длительное время, и начальных этапов его внедрения в России. Структурно-функциональный подход дал возможность рассмотреть sunset legislation как элемент механизма правового регулирования, выполняющий определенные функции (контрольную, оптимизационную, стабилизационную). Метод правового моделирования использован для определения возможных направлений развития российского законодательства в данной сфере.

Основное исследование

В современной юридической науке сложилось несколько подходов к пониманию правового эксперимента. В широком смысле под ним понимают любые социальные (экономические, организационные и т.п.) эксперименты, которые облачаются в правовую форму и регулируются правом [1, с. 132]. В

юридическом смысле правовой эксперимент это организованная компетентными органами апробация предполагаемых законодательных нововведений в ограниченном масштабе для проверки их эффективности, полезности и экономичности, а также для отработки оптимальных вариантов будущих правотворческих решений общего действия [2, с. 14].

И.Б. Чагин, развивая инструментальный подход, акцентирует внимание на способности правотворческого эксперимента выступать в качестве юридической технологии, позволяющей в определенный период времени осуществлять наблюдение за выбором субъектами права стратегий поведения и устанавливать каузальные связи между состоянием общественных отношений и экспериментальными правовыми нормами [3, с. 20]. Это особенно важно в контексте предупреждения противоправных деяний, поскольку эксперимент дает возможность выявить «способствующие условия», заложенные в самом содержании нормативного правового акта.

Правовой эксперимент характеризуется следующими существенными признаками: целенаправленность и программируемость – эксперимент проводится для проверки заранее сформулированной гипотезы; временный и локальный характер – действие экспериментальных норм ограничено во времени и/или пространстве; наличие «обратной связи» – обязательный мониторинг результатов и их сравнение с контрольной группой (или эталоном); особый субъектный состав – инициатором выступает компетентный правотворческий орган; нацеленность на совершенствование правового регулирования – эксперимент не самоцель, а средство оптимизации правовой системы.

Термин *sunset legislation* (буквально «законодательство заходящего солнца») вошел в широкий оборот во второй половине XX в., хотя отдельные исторические примеры использования временных законов известны с древности. Современный облик этот институт приобрел в США, где, начиная с 1970-х гг. многие штаты приняли законы, предусматривающие периодический пересмотр действия нормативных актов и автоматическое

прекращение деятельности регулирующих органов [4, с. 3]. Суть механизма проста: при принятии закона или создании органа в самом нормативном акте или в общем законе о «закатном» пересмотре устанавливается срок (обычно от 4 до 12 лет), по истечении которого акт или орган прекращают существование, если только законодательным органом не будет принято специальное решение о продлении. Процедура пересмотра, как правило, включает несколько этапов: сбор и анализ информации о действии акта, подготовку отчета с рекомендациями, обсуждение в профильных комитетах и голосование по вопросу о продлении, внесении изменений, консолидации с другими актами или ликвидации [4, с. 5–6].

И.А. Усенков, обобщая зарубежный опыт, выделяет четыре основных теоретических модели, объясняющих предназначение sunset legislation: 1) теория «хорошего правительства» как инструмент необходима для своевременного удаления из правовой системы балласта – неэффективных, устаревших или вредных норм; 2) теория политических преимуществ как идея периодического пересмотра популярна среди избирателей, что делает ее привлекательной для политиков; 3) теория ренты – законодательные комитеты, контролирующие процесс пересмотра, получают дополнительные рычаги влияния и возможность извлекать политическую ренту; 4) теория выравнивания предпочтений усиливает роль законодательной власти в контроле над исполнительной, которая доминирует в повседневном применении законов. Именно эта теория, по мнению ряда исследователей, наилучшим образом объясняет реальную практику применения «закатных» положений в США [5, с. 386].

Представленный анализ позволяет с уверенностью отнести sunset legislation к категории правовых экспериментов, однако с учетом определенной специфики. В отличие от классического правотворческого эксперимента, который обычно проводится на ограниченной территории или в отношении ограниченного круга лиц (например, пилотные проекты по созданию государственной системы бесплатной юридической помощи или

внедрению элементов ювенальной юстиции [1, с. 133–134]), sunset legislation имеет темпоральный характер. Экспериментальным здесь является не столько пространство, сколько время: закон принимается как «временный» и по истечении срока должен доказать свою необходимость.

Близким по сути является институт временных законов (temporary legislation), который подробно исследуется в зарубежной литературе: временное законодательство может служить инструментом экспериментального управления (experimentalist governance), позволяя тестировать политико-правовые решения в условиях неопределенности [6, с. 192–219]. Однако sunset legislation в его классическом американском варианте шире: оно может применяться не только к отдельным законам, но и к агентствам, и носит систематический, а не разовый характер. Таким образом, sunset legislation – это особый вид правового эксперимента, характеризующийся следующими признаками: всеобщность или широкий охват (может распространяться на множество актов и органов); периодичность (пересмотр проводится регулярно, по графику); автоматизм прекращения (закон отменяется без специального решения об отмене, если не принято решение о продлении); ярко выраженная контрольно-надзорная функция (служит механизмом сдержек и противовесов).

Как уже отмечалось, первой, ключевой, функцией sunset legislation в американской практике признается выравнивание баланса между законодательной и исполнительной ветвями власти. После принятия закона инициатива в его реализации переходит к исполнительным органам, которые обладают значительной свободой усмотрения. Законодатель же зачастую лишен эффективных инструментов оперативного контроля. «Закатный» механизм возвращает законодателей в игру: для продления действия закона исполнительная власть обязана предоставить развернутый отчет о его работе, доказать его эффективность и полезность [5, с. 386]. Это стимулирует более ответственное отношение к исполнению законов и повышает прозрачность государственного управления.

Вторая важнейшая функция – «очищение» законодательного массива от устаревших и неэффективных норм. Нормативные акты имеют свойство накапливаться, даже утратив актуальность. Их отмена в ручном режиме требует значительных усилий и политической воли. Sunset legislation решает эту проблему автоматически: не продлен вовремя – значит, отменен. Это стимул для законодателя регулярно проводить ревизию нормативной правовой базы.

В российской практике близким аналогом можно считать правило, установленное Федеральным законом от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (далее – Закон № 247-ФЗ), согласно которому нормативные акты органов исполнительной власти, содержащие обязательные требования, принимаются на срок не более шести лет и подлежат пересмотру по истечении этого срока. Как справедливо полагает И.А. Усенков, данное нововведение основано именно на теории «хорошего правительства» и направлено на борьбу с избыточным регулированием [5, с. 387].

В литературе обращается внимание на еще один важный, хотя и редко обсуждаемый, эффект sunset legislation – стабилизацию законодательства. Парадоксальным образом механизм, предназначенный для прекращения действия законов, может способствовать их большей устойчивости. И.А. Усенков объясняет это следующим образом [5, с. 387]: наличие фиксированного срока действия снижает стимулы к досрочной отмене или изменению акта: проще дождаться планового пересмотра; законодатель и заинтересованные стороны получают четкий горизонт планирования; постепенно формируется традиция, при которой внеочередные изменения начинают восприниматься как отклонение от нормы. Кроме этого, «пакетное» продление группы актов, срок действия которых истекает одновременно, сокращает количество законодательных актов об отмене и изменении, что упрощает правовой массив и делает его более обозримым. Тем самым sunset

legislation вносит вклад в упорядочение и стабильность системы формальных источников права.

Вопрос об эффективности sunset legislation не имеет однозначного ответа. Эмпирические исследования, проводившиеся в США, дают противоречивые результаты. Одни авторы указывают на значительную экономию бюджетных средств: например, исследование Mercatus Center показало, что за 30 лет применения «закатных» законов в штатах экономия составила \$783,7, а на каждый доллар, затраченный на проведение пересмотра, было сэкономлено \$27 [5, с. 386]. Другие исследователи, напротив, не обнаруживают статистически значимой разницы в расходах на душу населения между штатами, имеющими и не имеющими sunset legislation.

Сложность оценки связана с методологическими проблемами: как корректно измерить «выгоду» от отмены или изменения закона? Как отделить эффект sunset legislation от других факторов, влияющих на качество регулирования? По-видимому, экономическая эффективность наиболее высока на начальных этапах внедрения, когда происходит массовое удаление устаревших правовых норм. В дальнейшем, когда система входит в режим регулярного обновления, отдача снижается, а издержки на проведение пересмотров остаются.

Критики sunset legislation обращают внимание на следующие недостатки: высокие административные издержки – проведение полноценной оценки каждого акта требует времени, квалифицированных кадров и финансирования; формальный подход – существует риск, что пересмотр будет проводиться поверхностно, а решения о продлении станут автоматическими; неопределенность для субъектов права – субъекты предпринимательской и иной деятельности, рассчитывающие на стабильность условий, могут столкнуться с неожиданным прекращением действия важных для них норм; политическая ангажированность – процедура пересмотра может использоваться для сведения политических счетов или лоббирования узкогрупповых интересов.

Как отмечает И.А. Усенков, анализ показывает, что, несмотря на все пересмотры, изменения остаются незначительными, а сам процесс является дорогостоящим [5, с. 386], что ставит под вопрос целесообразность повсеместного внедрения sunset legislation без учета конкретных условий.

Как уже упоминалось, первым шагом к использованию элементов sunset legislation в России стало Закона № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». Его статья 3 устанавливает предельный срок действия нормативных актов правительства и федеральных органов исполнительной власти, содержащих обязательные требования, – не более шести лет. По истечении этого срока акт может быть продлен только по результатам оценки его применения. Данное решение представляется прогрессивным и свидетельствует о том, что российский законодатель осознает проблему «регуляторной гильотины» и ищет цивилизованные пути ее решения. Однако, как справедливо замечает И.А. Усенков, этот механизм пока не затрагивает законодательные акты (федеральные законы) и не предусматривает участия представительных органов в процедуре продления [5, с. 387]. Следовательно, говорить о полноценной реализации теории выравнивания предпочтений в России пока преждевременно. Механизм ориентирован скорее на оптимизацию подзаконного регулирования, что само по себе важно, но не исчерпывает потенциала sunset legislation.

В перспективе возможна постановка вопроса о распространении «закатных» положений на отдельные виды федеральных законов (например, экспериментальных, временных, регулирующих новые сферы общественных отношений), а также о внедрении регулярного пересмотра деятельности отдельных государственных органов. При этом крайне важно учитывать зарубежный опыт, как позитивный, так и негативный, чтобы избежать формализма и неоправданных затрат.

Особый интерес представляет потенциал sunset legislation в контексте более широких задач правовой политики, в частности, предупреждения

юридических препятствий в реализации прав и законных интересов, и профилактики противоправных деяний.

И.Б. Чагин в своем исследовании убедительно показывает, что сами нормы права могут создавать условия, способствующие совершению противоправных деяний. Он приводит пример с законодательством о кредитной кооперации, которое, будучи формально соблюдаемым, может использоваться для извлечения необоснованной прибыли в ущерб интересам пайщиков [3, с. 20]. Норма права, задуманная для защиты интересов граждан, в силу недостаточно продуманного механизма реализации превращается в инструмент злоупотреблений.

Правотворческий эксперимент, по мнению автора, является эффективным инструментом выявления подобных «способствующих условий» еще на стадии апробации нормативного акта [3, с. 21]. Sunset legislation в этом контексте может играть роль постоянно действующего экспериментального фильтра. Периодический пересмотр закона позволяет не только оценить его формальную эффективность (достижение целей), но и выявить неожиданные негативные последствия, включая появление новых возможностей для правонарушений. Если закон порождает устойчивую практику злоупотреблений, это может стать основанием для отказа в его продлении или внесения в него изменений.

Одним из ключевых свойств правового эксперимента является наличие эталона – модели правового регулирования, обеспечивающей беспрепятственную реализацию прав и законных интересов [1, с. 135]. Применительно к sunset legislation этот эталон можно сформулировать следующим образом: нормативный правовой акт или деятельность органа должны продлеваться только в том случае, если они действительно необходимы для защиты публичных интересов и не создают необоснованных препятствий для реализации прав граждан и организаций.

Таким образом, процедура «закатного» пересмотра становится не просто бюрократической формальностью, а механизмом содержательной

оценки регуляторного воздействия с позиций прав и свобод человека. Это корреспондирует с идеей «умного регулирования» (smart regulation), которое должно быть не только эффективным с экономической точки зрения, но и социально оправданным, не обременяющим субъектов права излишними ограничениями [7, с. 3].

Вместе с тем важно осознавать пределы использования sunset legislation в профилактических целях. Как верно отмечает И.Б. Чагин, правотворческий эксперимент не является панацеей и не может применяться повсеместно из-за финансовых затрат и темпов развития общества [3, с. 22]. То же самое относится и к sunset legislation. Распространение «закатных» положений на все без исключения законы приведет к колоссальной нагрузке на законодательный аппарат и суды, породит правовую неопределенность и может дискредитировать саму идею.

Представляется, что оптимальной сферой применения sunset legislation являются: акты, регулирующие новые, быстро меняющиеся общественные отношения (например, в сфере информационных технологий); акты, наделяющие исполнительные органы широкими дискреционными полномочиями; акты, создающие новые административные процедуры и обременения для бизнеса и граждан; деятельность органов, эффективность которой вызывает сомнения или которая дублирует функции других структур.

В этих сферах периодический пересмотр действительно способен стать действенным инструментом недопущения юридических препятствий и своевременной «настройки» правового механизма.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, «законодательство заходящего солнца» (sunset legislation) по своей правовой природе является особой разновидностью правового

эксперимента и отвечает основным признакам экспериментального правового режима: временный характер, наличие обратной связи, направленность на совершенствование регулирования. Специфика sunset legislation заключается в его темпоральной природе (срок действия устанавливается для самого акта) и систематическом характере пересмотра.

Во-вторых, функциональный потенциал sunset legislation многогранен. Помимо очевидных задач «расчистки» законодательства от устаревших правовых норм и усиления парламентского контроля над исполнительной властью он выполняет важную латентную функцию стабилизации правовой системы, снижая количество внеочередных изменений и создавая горизонты планирования для субъектов права.

В-третьих, эффективность sunset legislation не является бесспорной и зависит от качества проведения оценочных процедур, политической воли, уровня развития правовой культуры и многих других факторов. Механическое заимствование американского опыта без учета особенностей национальной правовой системы и сложившихся традиций разделения властей может привести к формализации процесса и неоправданным затратам.

В-четвертых, российский опыт внедрения элементов sunset legislation (в частности, упомянутый выше Федеральный закон № 247-ФЗ) следует оценить как позитивный, но крайне осторожный шаг. Он направлен на оптимизацию подзаконного нормотворчества, но не затрагивает законодательный уровень и не решает проблемы баланса властей. Дальнейшее развитие этого института возможно, но требует тщательной проработки, учета зарубежной практики и постепенного, «пилотного» внедрения в отдельных сферах.

В-пятых, в контексте более широких задач правовой политики sunset legislation может служить важным инструментом предупреждения юридических препятствий в реализации прав и законных интересов, а также выявления условий, способствующих совершению противоправных деяний. Периодический пересмотр позволяет оценить реальное действие закона, его

социальные последствия и своевременно скорректировать выявленные недостатки.

Таким образом, «законодательство заходящего солнца» представляет собой сложный и перспективный правовой инструмент, сочетающий в себе свойства эксперимента, контрольного механизма и средства оптимизации регулирования. Его грамотное и взвешенное применение способно повысить качество законодательства и эффективность государственного управления, однако требует высокой правовой культуры и ответственного подхода со стороны всех участников правотворческого и правоприменительного процессов.

Список источников

1. Панченко В.Ю., Краснова В.А. Правовой эксперимент как средство недопущения юридических препятствий в реализации прав и законных интересов / В.Ю. Панченко, В.А. Краснова // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 8 (87). – С. 131–135.
2. Ельцов В.Н. Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности: дис. ... канд. юрид. наук / В.Н. Ельцов. – Тамбов, 2009. – 198 с.
3. Чагин И.Б. Правотворческий эксперимент как инструмент предупреждения условий, способствующих совершению противоправных деяний: теоретико-правовой анализ / И.Б. Чагин // Пролог: журнал о праве. – 2023. – № 1. – С. 17–24.
4. Baugus B., Bose F. Sunset Legislation in the States: Balancing the Legislature and the Executive. – Arlington, VA: Mercatus Center at George Mason University, 2015. – 36 p.
5. Усенков И.А. «Sunset legislation» как способ повышения стабильности законодательства / И.А. Усенков // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 385–387.
6. Bar-Siman-Tov I. Temporary Legislation, Better Regulation and Experimentalist Governance: An Empirical Study // Regulation & Governance. – 2018. – Vol. 12, iss. 2. – P. 192–219.
7. Купряшин Г.Л. Концепция «умного регулирования»: зарубежный опыт и возможности применения в государственном управлении России / Г.Л.

Купряшин // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2013. – № 2. – С. 3–20.

References

1. Panchenko V.Yu., Krasnova V.A. Legal experiment as a means of preventing legal obstacles in the realization of rights and legitimate interests. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2015, No. 8 (87), pp. 131–135 (in Russ.).
2. Eltsov V.N. Legal experiment in modern Russia: problems of efficiency. Cand. Diss. Tambov, 2009. 198 p. (in Russ.).
3. Chagin I.B. Law-making experiment as a tool for the prevention of conditions conducive to illegal acts: theoretical and legal analysis. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Law Journal*, 2023. No. 1, pp. 17–24 (in Russ.).
4. Baugus B., Bose F. Sunset Legislation in the States: Balancing the Legislature and the Executive. Arlington, VA, Mercatus Center at George Mason University, 2015. 36 p.
5. Usenkov I.A. "Sunset legislation" as a way to increase the stability of legislation. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technique*, 2023. No. 17, pp. 385–387 (in Russ.).
6. Bar-Siman-Tov I. Temporary Legislation, Better Regulation and Experimentalist Governance: An Empirical Study. *Regulation & Governance*, 2018. Vol. 12, iss. 2, pp. 192–219.
7. Kupryashin G.L. The concept of "smart regulation": foreign experience and possibilities of application in public administration in Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) = Moscow University Bulletin. Series 21. Public administration*, 2013. No. 2, pp. 3–20 (in Russ.).

Статья поступила 27.02.2026, принята к публикации: 07.03.2026.

© Панченко В.Ю., Лисицкая С.А., 2026

Научная статья

УДК 340.12

Рациональный конструктивный патриотизм как универсальный элемент содержания прогрессивного политико-правового идеала

Андрей Юрьевич Лыков,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права

lykov.science@gmail.com

Аннотация. Исходя из историко-правовых, антропологических и социологических данных обосновано, что рациональный конструктивный патриотизм, понимаемый как осознанная любовь к родине, основанная на знании объективных закономерностей сохранения и развития государства, выступает универсальным элементом любого прогрессивного политико-правового идеала. Выявлена связь патриотического сознания с правосознанием и правовой культурой, в том числе с их деформациями (слепой патриотизм, космополитизм, правовая апатия), показана необходимость включения данного феномена в теоретические модели правовой политики и практику правового воспитания. Установлено взаимодействие рационального конструктивного патриотизма с иными универсальными принципами прогрессивного политико-правового идеала (обеспечение воспроизводства населения, продуктивного труда, самообеспечения государства, мирного сосуществования).

Ключевые слова: рациональный конструктивный патриотизм, политико-правовой идеал, правосознание, правовая культура, солидарность, государственная идентичность, универсальные принципы, правовая политика.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Культурное наследие и культурные ценности на евразийском пространстве: правовая охрана и правовая защита интеллектуальных прав» (1-ГЗ-2026).

Для цитирования: Лыков А.Ю. Рациональный конструктивный патриотизм как универсальный элемент содержания прогрессивного политико-правового идеала // IP: теория и практика. – 2026. – № 1 (13).

Original article

Rational constructive patriotism as a universal element of a progressive political and legal ideal

Andrey Yu. Lykov,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Lecturer, Department of Civil and Business Law

lykov.science@gmail.com

Abstract. The article examines the phenomenon of rational constructive patriotism in the context of the formation of a progressive political and legal ideal. Based on the analysis of historical, legal, anthropological and sociological data, it is substantiated that patriotism, understood as a conscious love for the motherland, based on knowledge of the objective laws of preservation and development of the state, is a universal element of any progressive political and legal ideal. The evolution of ideas about patriotism from archaic forms of solidarity (kinship, totemism, myths of origin) to modern concepts of constructive patriotism is considered. The connection of patriotic consciousness with legal consciousness and legal culture is revealed, possible deformations (blind patriotism, cosmopolitanism, legal apathy) are analyzed. It is substantiated that rational constructive patriotism serves as a mechanism for implementing the universal principles of a progressive political and legal ideal (ensuring population reproduction, productive labor, state self-sufficiency, peaceful coexistence). The conclusion is drawn about the need to include this phenomenon in theoretical models of legal policy and the practice of legal education.

Keywords: rational constructive patriotism, political and legal ideal, legal consciousness, legal culture, solidarity, state identity, universal principles, legal policy.

Financing: The study was carried out within the framework of the research project «Cultural Heritage and Cultural Values in the Eurasian Space: Legal Protection and Legal Enforcement of Intellectual Rights» (1-GZ-2026).

For citation: Lykov A.Yu. Rational constructive patriotism as a universal element of a progressive political and legal ideal // IP: theory and practice. 2026. No. 3 (13).

Введение

В современном мире, характеризующемся процессами глобализации, культурной интеграции и одновременно ростом националистических настроений, для государств, стремящихся к сохранению своего суверенитета

и прогрессивного развития, важно не просто декларировать любовь к родине, но и наполнять это понятие рациональным содержанием, соответствующим интересам всех членов общества и власти. Этим обусловлена актуальность теоретического осмысления феномена патриотизма в связи с политико-правовым идеалом, который понимается как образ желаемого состояния государства и права, играет ключевую роль в определении векторов правовой политики. Однако далеко не всякий политико-правовой идеал является прогрессивным. Прогрессивность политико-правового идеала, как следует из современных исследований, определяется его соответствием объективным закономерностям социальной эволюции, способностью обеспечивать долговременное сохранение и развитие государства. В этом контексте патриотизм, понимаемый не как слепая преданность граждан, а как осознанное, рациональное отношение их к отечеству, основанное на знании этих закономерностей, может рассматриваться в качестве универсального компонента любого прогрессивного политико-правового идеала. Этим обусловлена цель настоящей статьи, состоящая в обосновании места и роли рационального конструктивного патриотизма в структуре прогрессивного политико-правового идеала, выявлении его связи с правосознанием и правовой культурой, а также значения для реализации других универсальных принципов политико-правового идеала.

Методы

Методологическую основу исследования составляет диалектический подход, позволяющий рассматривать патриотизм в развитии, единстве и борьбе противоположных тенденций (индивидуального и общего, рационального и эмоционального). Историко-правовой метод применен для анализа эволюции представлений о патриотизме и солидарности в различных типах обществ – от догосударственных до современных национальных государств. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить различные модели патриотического воспитания и их отражение в правовых системах. Антропологический подход (с опорой на данные этнографии и истории

первобытного общества) дал возможность реконструировать ранние формы коллективной идентичности, послужившие прообразом патриотизма. Системный метод использован для включения патриотизма в структуру прогрессивного политико-правового идеала и выявления его связей с другими принципами в содержании прогрессивного политико-правового идеала.

Основное исследование

Еще в догосударственных политически организованных обществах люди осознавали необходимость сплочения для выживания и успешной конкуренции с другими группами, поскольку выжить можно было только будучи включенным в то или иное объединение людей. Как убедительно показано С.А. Дробышевским на основании антропологических исследований, обеспечение социальной сплоченности (солидарности) служило инструментом интеграции, преодолевающим конфликты, угрожавшие распадом. В этих обществах применялись различные идеи для распространения чувства «эгоистического интереса» индивида на все сообщество. К их числу относились представления о всеобщем родстве (классификационное родство), когда все члены группы объявлялись родственниками, даже если реальные генеалогические связи отсутствовали; тотемизм – вера в родственную связь между членами общества и определенным видом животных, растений или иных природных феноменов, сопровождавшийся ритуалами и церемониями, выполняющими функцию «социальной интеграции» и создающими ощущение единства [1; 2]. Представления, объединяющие индивидов в политическое целое на основе распространения на него естественных для человека привязанностей – к семье, роду, общим символам и истории, в том или ином виде присутствующие во всех политических организациях общества, следует рассматривать как исторические формы патриотизма, каждая из которых адекватна уровню развития человечества и решает задачу сохранения и развития последних.

В современной науке принято различать два типа патриотической привязанности: слепой и конструктивной. Согласно исследованию Р.Т. Шаца,

Э. Стауба и Х. Лавина, слепой патриотизм (*blind patriotism*) характеризуется безоговорочной позитивной оценкой своей страны, непоколебимой преданностью и нетерпимостью к критике. Он основан на эмоциональной привязанности, не подвергаемой рефлексии, и часто сочетается с некритичным принятием официальной политики, враждебностью к «чужакам» и неспособностью видеть недостатки собственного государства [3].

Конструктивный патриотизм (*constructive patriotism*), напротив, предполагает привязанность к стране, которая сопровождается поддержкой критики и постановкой вопросов относительно существующих групповых практик, направленных на позитивные изменения. Конструктивный патриот любит свою родину, но эта любовь не ослепляет его; он готов указывать на ошибки, стремится к улучшению, участвует в общественной жизни, руководствуясь не только эмоциями, но и рациональным пониманием интересов страны [3].

Поскольку конструктивный патриотизм включает элемент рациональности (осознанное стремление к улучшению), то для целей моделирования прогрессивного политико-правового идеала необходимо говорить о рациональном конструктивном патриотизме, тем самым акцентируя внимание не только на готовности к критике и изменениям существующей политико-правовой реальности, но и на осознании объективных закономерностей функционирования государства, научном знании о том, какие условия действительно необходимы для его сохранения и прогресса. В этом смысле рациональный конструктивный патриотизм противостоит не только слепому патриотизму, но и космополитизму, отрицающему значение государственных границ и национальной идентичности.

К числу универсальных принципов как требований к государственной политике и правовому регулированию, следование которым необходимо для долговременного сохранения и развития любого государственно

организованного общества и которые должны быть включены в содержание прогрессивного политико-правового идеала любого государства, следует отнести: обеспечение условий воспроизводства людей – носителей государственной идентичности; обеспечение условий для продуктивной трудовой деятельности, раскрывающей человеческие способности; самообеспечение государства; мирное состояние социальных взаимодействий; правильное установление и реализация сувереном коренных и долговременных интересов всех членов государства.

Рациональный конструктивный патриотизм, будучи явлением общественного сознания, проявляющимся в поведении, должен включать в свое содержание эти принципы.

Принцип воспроизводства населения требует не только стимулирования рождаемости, но и проведения политики государственной культурной кооптации – целенаправленного принятия в государство новых членов на основе их лояльности доминирующим ценностям. Рациональный патриотизм предполагает понимание того, что сохранение государствообразующей культуры и идентичности – условие выживания государства. Это не ксенофобия, а осознанное отношение к сохранению «своего» в противоположность «чужому», присущее человеческой психике и наблюдаемое еще в архаических обществах (различение «своих» и «чужих» (родственников и чужаков) – основа социальной организации) [4]. Рациональный конструктивный патриотизм может поддерживать разумную миграционную политику, направленную на интеграцию, но не на размывание государственной идентичности.

Рациональный конструктивный патриотизм включает осознание необходимости добросовестно трудиться, повышать свою квалификацию, создавать все то, что укрепляет интеллектуальную, экономическую и иную мощь государства, и одновременно требует от государства создания условий для реализации свободы труда (как минимум, недопущение препятствий, делающих более выгодной переезд квалифицированных кадров в другие

государства) и исключения социального иждивенчества трудоспособных людей.

Рациональный конструктивный патриотизм предполагает понимание необходимости самообеспечения государства (стратегической самодостаточности), т.е. способности государства поддерживать свой суверенитет и уровень жизни за счет внутренних ресурсов. Не отрицая международное разделение труда и кооперацию, рациональный конструктивный патриотизм требует такого осознанного подхода, чтобы государство не оказалось в ресурсной зависимости от других государств, так или иначе находящихся с ним в конкуренции, и выражается в приоритете национальных интересов при принятии экономических решений, в понимании того, что полная зависимость от внешних отношений несет риски для существования государства.

Рациональный конструктивный патриотизм не может не разделять принцип мирного сосуществования, поскольку война никогда не может быть целью, а в долгосрочной перспективе, так или иначе, угрожает государствам-участникам. Однако рациональный конструктивный патриотизм всегда включает готовность к защите своего государства в случае агрессии.

Рациональный конструктивный патриотизм на уровне политической элиты предусматривает правильное установление сувереном коренных интересов всех членов государства, от которого зависит, будет ли политика способствовать реализации остальных перечисленных принципов. Лица, принимающие политические решения, должны ставить долговременные интересы государства выше узкогрупповых, клановых или личных, осознавать свою ответственность за сохранение государства как целостности и действовать не из сиюминутной выгоды. На уровне правящего класса требуется идентификация себя с государством, восприятие его как продолжения собственного «я» и демонстрация такой идентификации в повседневной деятельности на личном примере.

Отсюда видно, что рациональный конструктивный патриотизм должен охватывать все уровни функционирования государства – от индивидуального поведения до стратегических решений суверена, выступая тем связующим звеном, которое превращает совокупность индивидов в политическую нацию, способную к совместному действию и преодолению внутренних и внешних вызовов.

Рациональный конструктивный патриотизм имеет глубокую связь с правосознанием и правовой культурой личности и общества. Патриотические установки не существуют в «вакууме», они всегда опосредованы отношением человека к праву, закону и государственным институтам. Рациональный конструктивный патриотизм выступает как желательная норма проявления индивидуального и общественного правосознания в условиях эффективно функционирующей правовой системы, когда государство демонстрирует свою способность обеспечивать реализацию указанных универсальных принципов прогрессивного политико-правового идеала. В ситуациях же несовершенства правового регулирования, его несоответствия коренным и долговременным интересам большинства людей получают распространение адаптивные стратегии поведения, правовая апатия – состояние отчуждения от государства, неверие в возможность позитивных изменений правовыми средствами и, как следствие, уход в частную жизнь, минимизация социальной и политической активности [5]. Массовое распространение такого явления служит для государства важнейшим сигналом, индикатором «провалов» в политико-правовом курсе и свидетельствует о том, что провозглашаемые идеалы расходятся с практикой, а политическая элита утрачивает способность правильно определять и реализовывать коренные интересы всех членов общества. В этом смысле наличие или отсутствие рационального конструктивного патриотизма является не просто морально-этической характеристикой граждан, но и показателем качества самого государственного управления и его соответствия объективным требованиям социального развития.

Рассмотрение патриотизма в контексте общих задач государственного строительства позволяет по-новому взглянуть на его функциональную роль.

В структуре прогрессивного политико-правового идеала рациональный конструктивный патриотизм выполняет ключевую функцию субъективного механизма реализации универсального содержания прогрессивного политико-правового идеала, включающего принципы, отражающие фундаментальные закономерности сохранения и развития государства, о которых речь шла выше и которые, будучи объективными требованиями реальности, могут оставаться лишь абстрактными теоретическими конструкциями, если они не будут восприняты и не начнут воплощаться в повседневной деятельности людей и в стратегических решениях правящей элиты.

Именно рациональный конструктивный патриотизм и выступает той субъективной, эмоционально-чувственной силой, которая способна перевести эти объективные требования в политико-правовую реальность. Он формирует своеобразный «коллективный эгоизм», такую солидарность, которая является необходимой психологической предпосылкой добровольного и привычного подчинения большинства подданных суверену, без чего, согласно определению Д. Остина, невозможно существование самого государства.

Сложная и многоаспектная задача формирования рационального конструктивного патриотизма не может быть решена стихийно или исключительно средствами идеологического внушения. Она требует целенаправленной, научно обоснованной правовой политики государства, которая должна быть направлена на создание условий, в которых рациональность (понимание своих долговременных интересов) и конструктивность (готовность к участию) становятся для гражданина выгодной и естественной стратегией. Как верно отмечает В.М. Сырых, «сколько бы ни трубила советская пропагандистская машина о гуманном и справедливом праве, о необходимости неукоснительного исполнения действующих законов, советский народ ей не очень верил. Его непосредственная реальная жизнь преподносила сюрпризы прямо

противоположного свойства. Граждане на собственном опыте неоднократно убеждались в наличии безнаказанного нарушения советских законов властью имущими, бюрократизма, невозможности защиты нарушенных прав, отсутствия товаров народного потребления. Проверка населением на собственном опыте способности действующих законов проводится и в настоящее время, в условиях рыночных отношений и далеко не все действующие нормы права находят у него поддержку и одобрение» [6]. Только при таком правовом регулировании, которое защищает свободу и собственность, стимулирует труд, становится возможным полное раскрытие человеческих способностей на благо всего государственно организованного общества, что и является как универсальным содержанием прогрессивного политико-правового идеала, так и основой для рационального конструктивного патриотизма.

Заключение

Исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, патриотизм как социально-политический феномен имеет глубокие исторические корни, восходящие к архаическим формам солидарности – родству, тотемизму, мифам происхождения, органическим метафорам, которые выполняют функцию интеграции и сплочения коллектива, обеспечивая его выживание и развитие.

Во-вторых, развитие дифференциации патриотизма на «слепой» и «конструктивный» приводит к понятию рационального конструктивного патриотизма, который предполагает осознанную привязанность к родине, основанную на знании объективных закономерностей функционирования государства и готовности к участию в его совершенствовании в рамках закона.

В-третьих, рациональный конструктивный патриотизм тесно связан с правосознанием, правовой культурой и правомерным поведением и может трансформироваться в адаптивные стратегии (правовую апатию) при несовершенстве функционирования правовой системы. Массовый же характер

апатичного поведения должен служить сигналом для государства о необходимости изменения государственной политики.

В-четвертых, в структуре прогрессивного политико-правового идеала рациональный конструктивный патриотизм выполняет функцию субъективного механизма реализации иных принципов универсального содержания прогрессивного политико-правового идеала, способствуя их переходу из области абстрактных требований в плоскость повседневного поведения граждан и стратегических политических решений правящей элиты.

В-пятых, формирование рационального конструктивного патриотизма требует целенаправленной правовой политики, включающей не только правовое просвещение, но и реальное улучшение благосостояния граждан.

Список источников

1. Дробышевский С.А. Идеи для обеспечения сплоченности догосударственного политически организованного общества / С.А. Дробышевский // Проблемы теории и истории государства и права: материалы заседаний одноименного студенческого научного кружка под руководством д.ю.н., проф. С.А. Дробышевского в 2014 г. / под ред. д.ю.н., проф. С.А. Дробышевского и к.ю.н., доц. Т.В. Протопоповой. – Красноярск: Центр информации, 2015. – С. 4–12.
2. Дробышевский С.А. История политических и правовых учений: основные классические идеи / С.А. Дробышевский. – Москва: Норма, 2011. – 592 с.
3. Schatz R.T. On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism // *Political Psychology*. – 1999. – Vol. 20. – P. 151–174.
4. Douglas O. A Solomon Islands Society. – Cambridge: Harvard University Press, 1955. – 350 p.
5. Панченко В.Ю. Деформации правосознания, правовой культуры и адаптивное поведение в правовой жизни: о критериях разграничения в контексте диалектики интересов / В.Ю. Панченко, Л.А. Петручак // *IP: теория и практика*. – 2025. – № 4. – С. 19–31.
6. Сырых В.М. Основы материалистической теории права. В 4 т. Т. 1. Объективное право и формы его выражения / В.М. Сырых. – Москва: Юрлитинформ, 2022. – 568 с.

References

1. Drobyshevskiy S.A. Ideas for ensuring the cohesion of a pre-state politically organized society. problems of theory and history of state and law: proceedings of the meetings of the student scientific circle of the same name under the leadership of Doctor of Law, Professor S.A. Drobyshevsky in 2014 / edited by Doctor of Law, professor S.A. Drobyshevsky. Drobyshevsky and Candidate of Law, Associate Professor T.V. Protopopova. Krasnoyarsk: *Information Center Publ.* 2015. Pp. 4–12 (in Russ.).
2. Drobyshevskiy S.A. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: osnovnyye klassicheskiye idei = History of political and legal doctrines: basic classical ideas.* Moscow: *Norma Publ.*, 2011. 592 p. (in Russ.).
3. Schatz R.T., E. Staub, H. Lavine On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism. *Political Psychology*, 1999, vol. 20, pp. 151–174.
4. Douglas O. A Solomon Islands Society. Cambridge, Harvard University Press, 1955. 350 p.
5. Panchenko V.Yu., Petruchak L.A. Public management, head of culture and adaptive leadership in the main life: on the critical distribution of interests in the analysis of directionality. *IP: teoriya i praktika = IP: theory and practice.* 2025. No. 4, pp. 19–31 (in Russ.).
6. Syrykh V.M. Fundamentals of the materialistic theory of law. In 4 vols. Vol. 1. Objective law and the forms of its expression. Moscow. *Yurlitinform Publ.* 2022. 568 p. (in Russ.).

Статья поступила 10.03.2026, принята к публикации: 18.03.2026.

© ЛЫКОВ А.Ю., 2026

ЧАСТНО ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК 349

Правовая охрана служебных секретов производства (ноу-хау) с помощью технологий искусственного интеллекта

Владислав Сергеевич Ващенко,

Российская государственная академия

интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Аспирант

vladser2001@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0003-5175-3838>

Аннотация. В статье исследуется трансформация парадигмы гражданско-правовой охраны служебных секретов производства (ноу-хау) под влиянием технологий искусственного интеллекта. Актуальность статьи обусловлена нарастающим несоответствием между традиционными правовыми механизмами защиты конфиденциальной информации и коммерческой тайны, основанными на договорных и деликтных конструкциях, и новыми технологическими рисками, которые искусственный интеллект не только создает, но и помогает нивелировать. В статье обосновывается научная проблема недостаточности теоретической проработки гражданско-правового статуса «интеллектуального агента» в охране секретов производства и формулируются варианты ее решения, включая концепцию «разумных мер охраны с использованием ИИ» и предложения по модификации договорных конструкций. В заключение предлагаются рекомендации по интеграции искусственного интеллекта в систему охраны ноу-хау, где требуется не только внедрение технических, но и доктринальных правовых инноваций, направленных на признание и регламентацию новых цифровых реалий в рамках гражданского оборота.

Ключевые слова: служебный секрет производства, ноу-хау, искусственный интеллект, гражданско-правовая охрана, коммерческая тайна, разумные меры охраны, правовой режим информации, деликтная ответственность, договор о неразглашении.

Для цитирования: Ващенко В.С. Правовая охрана служебных секретов производства (ноу-хау) с помощью технологий искусственного интеллекта / В.С. Ващенко // IP: теория и практика. – 2026. – № 1 (13).

Original article

Legal protection of service-related production secrets (know-how) using artificial intelligence technologies

Vladislav S. Vashchenko,

Russian State Academy

of Intellectual Property, Moscow, Russia

Postgraduate Student

vladser2001@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0003-5175-3838>

Abstract. The article examines the transformation of the civil law protection paradigm for service-related production secrets (know-how) under the influence of artificial intelligence (hereinafter — AI) technologies. The relevance of the article stems from the growing gap between traditional legal mechanisms for protecting confidential information and trade secrets, which are based on contractual and tortious constructs, and the new technological risks that AI not only creates but also helps to mitigate. The article step-by-step substantiates the scientific problem of insufficient theoretical development of the civil law status of an "intelligent agent" in the protection of secrets and formulates options for its solution, including the concept of "reasonable protection measures using AI" and proposals for modifying contractual structures. In conclusion, recommendations are proposed for integrating AI into the know-how protection system, which requires not only the introduction of technical but also doctrinal legal innovations aimed at recognizing and regulating new digital realities within the framework of civil turnover.

Keywords: service-related production secret, know-how, artificial intelligence, civil law protection, trade secret, reasonable protection measures, legal regime of information, tort liability, non-disclosure agreement.

For citation: Vashchenko V.S. Legal protection of service-related production secrets (know-how) using artificial intelligence technologies // IP: Theory and Practice. 2026. No. 1 (13).

Введение

В современной цифровой экономике, где информация является ключевым стратегическим активом, служебные секреты производства (ноу-хау) занимают особое место. Их ценность напрямую зависит от сохранения конфиденциальности. Российское гражданское законодательство (ст. 1465 ГК РФ) предоставляет охрану ноу-хау при условии, что обладатель принял разумные меры для сохранения его секретности¹. Однако сама концепция «разумных мер» претерпевает трансформацию в эпоху цифровизации и широкого внедрения технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). В связи с чем целью статьи является выявление системных противоречий в действующем правовом регулировании и обоснование необходимости разработки специальных гражданско-правовых подходов к использованию ИИ как инструмента охраны ноу-хау.

Методы

Для достижения поставленной цели в исследовании применялся комплекс общенаучных и частнонаучных методов: общенаучные (анализ, синтез, абстрагирования, логический, восхождения от абстрактного к конкретному, аналогия, индукция, дедукция), специально-юридические (формально-юридический, толкования правовых норм, структурно-функциональный, межотраслевой).

Основное исследование

Существующие затруднения решения практической задачи, стоящей перед организацией-обладателем ноу-хау, обосновываются таким образом, что это приводит к возникновению вопроса: как эффективно и юридически безопасно интегрировать системы ИИ в комплекс мер по охране конфиденциальной информации? Согласно действующему законодательству, а именно п. 1 ст. 16 Федерального закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496; Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства РФ, 09.08.2004, № 32, ст. 3283.

«защита информации представляет собой принятие правовых, организационных и технических мер...»². Данный перечень мер направлен на три основных вектора:

1. Обеспечение защиты информации от:

– несанкционированного доступа, уничтожения, изменения, блокировки, копирования, передачи, распространения и иных противоправных действий;

– неправомерного доступа, уничтожения, модификации, блокирования, несанкционированного копирования, разглашения, распространения или иного незаконного использования;

– любых противоправных действий, включая неправомерный доступ, уничтожение, искажение, блокирование, несанкционированного копирование, предоставление третьим лицам, распространение.

2. Соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа:

– поддержание режима конфиденциальности для информации ограниченного распространения;

– обеспечение сохранности конфиденциальных сведений, доступ к которым ограничен;

– неразглашение информации, отнесенной к ограниченному доступу.

3. Реализация права на доступ к информации:

– осуществление права на получение информации;

– обеспечение возможности доступа к сведениям;

– гарантирование реализации правомочия по доступу к информации.

Данные интегративные затруднения носят двуединый характер.

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

С одной стороны, это технические и организационные меры. В данном аспекте возникает неясность, какой уровень технологической сложности будет признан судом «разумной мерой» для конкретного бизнеса (малого, среднего, крупного). Будет ли достаточно системы логирования доступа (процесс записи информации о действиях пользователей и системных событиях для последующего анализа, аудита и устранения проблем), или же от организаций ожидают внедрения предиктивной аналитики, т.е. использования исторических данных, статистических алгоритмов и машинного обучения для прогнозирования будущих событий? Отсутствие таких правовых критериев ведет к правовой неопределенности и риску признания мер недостаточными в случае возможного правового спора в переговорном формате, претензионном и последующем судебном порядке, для разграничения технических и организационных мер по защите ноу-хау.

С другой стороны, можно отметить второй затруднительный аспект – правовой. Использование ИИ порождает новые юридические факты, не укладывающиеся в традиционные конструкции. Например, если ИИ-система, программа для ЭВМ на основе ИИ, анализируя поведение сотрудника, автоматически (без команды должностного лица) ограничивает ему доступ к данным, классифицируя его действия как подозрительные или нарушающие процедурный порядок, можно ли говорить о законности такого одностороннего применения ограничительных мер для контроля действий сотрудников или контрагентов? Кто несет ответственность, если алгоритм ИИ выдал «ложноположительное» срабатывание и причинил убытки сотруднику или контрагенту? Как доказывать в суде, что утечка информации была предотвращена именно благодаря «решению», принятому ИИ, т.к. в настоящий момент искусственный интеллект не обладает правосубъектностью и не имеет воли для принятия такого решения. Анализируя имеющиеся научные знания, можно отметить три основных направления, каждое из которых в отдельности не дает ответа на поставленную проблему, но имеет доктринальное подкрепление.

В цивилистической доктрине охраны ноу-хау (труды В.А. Дозорцева, Э.П. Гаврилова, И.С. Мухамедшина, Н.В. Нестеровой) детально проработаны понятие, признаки, договорные конструкции, деликтная ответственность. Однако в этих работах природа ИИ рассматривается в лучшем случае как один из многих технических инструментов наряду с шифрованием [1–4]. Пока еще не исследованы качественные изменения, которые вносит предиктивная и автономная природа ИИ в понятия «доступ», «разглашение», «неосторожность».

Правовая доктрина в сфере ИИ фокусируется на макропроблемах: правосубъектности роботов, ответственности за вред, причиненный автономными системами, авторском праве на произведения, созданные ИИ. Вопросы охраны информации с помощью ИИ, т.е. ИИ как инструмента правоприменения, остаются на периферии научного интереса.

Исследования по информационному праву и правовой информатике касаются в основном вопросов защиты персональных данных и государственной тайны, где режимы регулирования жестко формализованы. Гибкий гражданско-правовой режим коммерческой тайны, где «разумность мер» определяется обстоятельствами конкретного случая, остается без внимания в контексте ИИ.

В монографии современного исследователя Д.В. Бахтеева «Искусственный интеллект: этико-правовые основы» затрагиваются аспекты общетеоретических основ исследования искусственного интеллекта, технологических основ ИИ, этико-правовых основ позиционирования систем искусственного интеллекта в обществе и рассмотрения его как объекта правового регулирования с точки зрения публичных отраслей права [5].

Таким образом, цивилисты не погружаются в технологические особенности ИИ, а специалисты по праву ИИ не фокусируются на специфике охраны ноу-хау. Нет комплексной работы, которая синтезировала бы эти направления для решения конкретной правовой задачи.

На основе выявленных затруднений и анализа состояния научного знания можно сформулировать противоречие между объективной социально-экономической потребностью в использовании автономных и предиктивных систем искусственного интеллекта для обеспечения эффективной охраны служебных секретов производства (как нового стандарта «разумных мер») и неадаптированностью традиционного гражданско-правового инструментария (норм о договорах, деликтах, доказывании), который не учитывает специфику ИИ как активного, обучаемого и потенциально непрозрачного «агента» в правоотношениях по охране конфиденциальной информации.

Это противоречие проявляется в нескольких аспектах.

Правовой режим. Возникают противоречия между динамичным, алгоритмически определяемым доступом к данным в системе с ИИ и статичными способами определения круга лиц (путем содержащегося в локальных актах организации перечня), имеющих доступ.

В аспекте ответственности возникает противоречие между коллективным, «сетевым» характером причинения вреда при сбое или злонамеренном использовании ИИ-системы (разработчик, интегратор, оператор, пользователь) и индивидуальными подходами к установлению вины в гражданском праве.

В процедуре доказывания возникает противоречие между «черным ящиком» сложных нейросетей и объяснением того, как алгоритм принимает решения, когда их трудно интерпретировать.

В обоснование разработки и постановки научной проблемы выявленное противоречие позволяет сформулировать научную проблему, которая заключается в отсутствии целостной гражданско-правовой концепции, определяющей статус, условия правомерного применения и границы ответственности при использовании технологий искусственного интеллекта в качестве средства охраны служебных секретов производства (ноу-хау) в рамках российской правовой системы.

Постановку данной проблемы можно представить следующим алгоритмом:

1. Констатация факта, где технологии ИИ активно внедряются бизнесом для защиты информации, включая ноу-хау.

2. Выявление аномалии, где действующее гражданское законодательство не содержит специальных норм, регулирующих использование. Правовые последствия его применения неочевидны и спорны.

3. Формулировка конкретного проблемного вопроса: каким образом институты гражданского права (вещные, обязательственные, исключительные права, деликты) должны быть интерпретированы или модифицированы, чтобы адекватно регулировать отношения, возникающие в связи с охраной ноу-хау с помощью ИИ?

4. Декомпозиция проблемы на подпроблемы, а именно правовая квалификация принятия решения системой действий (бездействия) автономной ИИ-системы в контексте нарушения режима коммерческой тайны; определение содержания и минимальных стандартов «разумных мер охраны с использованием ИИ»; распределение рисков и ответственности между субъектами (владелец ноу-хау, разработчик ИИ, интегратор, сотрудник) при сбое или вредоносном использовании системы; доказывание факта принятия достаточных мер охраны в спорах, связанных с ИИ.

Можно иметь основания полагать, что решение сформулированной научной проблемы разрешается не путем изменений в федеральные законы, регулирующие ИИ и правовые отношения в области ноу-хау, а за счет целенаправленной адаптации существующего гражданско-правового инструментария через доктринальное толкование и точечные законодательные поправки или же договорные конструкции.

Можно обратить внимание на следующие варианты решения.

Вариант 1. Доктринальное развитие концепции «разумных мер охраны». Для этого необходимо выработать в науке и закрепить в руководящих разъяснениях Верховного Суда РФ принцип технологической нейтральности

и соразмерности. «Разумность мер» должна оцениваться не по факту использования конкретной технологии ИИ, а по ее способности адекватно противостоять актуальным угрозам для конкретного вида информации с учетом размера и отрасли компании. Это позволит судам гибко подходить к оценке, избегая как избыточных требований к малому бизнесу, так и неоправданной снисходительности к высокотехнологичным корпорациям.

Вариант 2. Модификация договорного регулирования. Следует включить в трудовые договоры и соглашения о конфиденциальности (NDA) специальные «ИИ-оговорки». Необходимо явным образом информировать контрагента и сотрудника о применении систем мониторинга и анализа на базе ИИ, целях их использования и основных принципах работы (принцип *transparency-by-design*/спроектированная приватность). Принцип означает, что защита данных должна быть заложена на самых ранних этапах разработки информационных систем и бизнес-процессов. Это не дополнительная опция или поздняя доработка, а неотъемлемая часть изначальной концепции программы для ЭВМ.

Следует подготовить с помощью локально-нормативных актов или соглашений процедуру, которая будет определять порядок обжалования автоматических решений системы, например, блокировки доступа сотруднику или контрагенту, и оценки оснований для привлечения их к дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности; прописывать распределение ответственности между сторонами в случае, если утечка произошла вследствие сбоя алгоритма, за который отвечает одна из сторон, обладатель ноу-хау или третье лицо в лице разработчика программного обеспечения.

Вариант 3. Развитие деликтных конструкций. Полагаем, что может возникнуть правовой аспект, где требуется адаптация норм о причинении вреда (гл. 59 ГК РФ) к ситуации, когда вред причинен в результате функционирования ИИ-системы охраны. Целесообразно рассмотреть введение механизма воздействия на владельца системы. Если он докажет, что вред (например, ложное обвинение сотрудника или контрагента) наступил

вследствие вины разработчика или иного лица, ответственного за функционирование данной системы, он сможет предъявить регрессное требование. Это стимулирует владельцев ноу-хау к выбору надежных и сертифицированных решений.

Вариант 4. Создание стандартов «доверенного ИИ» для охраны секретов производства. На уровне регулирующих органов (Минцифры и Роскомнадзор) совместно с бизнес- и научным сообществом могут быть разработаны рекомендательные стандарты по архитектуре мягкого права, алгоритмической прозрачности explainable ИИ. Данный подход к созданию систем искусственного интеллекта предполагает создание организационных и технических мер, позволяющих должностным лицам понимать и проверять, как именно ИИ приходит к своим выводам. Следование таким стандартам будет служить весомым доказательством принятия «разумных мер» в суде.

Наиболее эффективным представляется комплексный подход, сочетающий все четыре варианта. Доктрина задаст общие принципы, договоры обеспечат конкретику в отношениях, деликтное право распределит риски, а стандарты сформируют технологический базис для исполнения правовых норм.

Результаты исследования позволяют утверждать, что интеграция технологий искусственного интеллекта в процессы охраны служебных секретов производства не является лишь техническим усовершенствованием. Это вызов, требующий глубокого переосмысления ряда устоявшихся гражданско-правовых категорий. Выявленное противоречие между технологической необходимостью и правовой неопределенностью носит системный характер и не может быть разрешено только в рамках существующей правоприменительной практики.

Необходимость дальнейшего научного исследования данной темы обусловлена следующими факторами.

Опережающий характер развития технологий приводит к тому, что право рискует постоянно отставать от практики, вырабатывая решения

постфактум, после масштабных инцидентов. Потенциальное исследование позволяет смоделировать риски и предложить новые правовые механизмы.

Также компании, инвестирующие в дорогостоящие ИИ-системы защиты, нуждаются в понятных правовых рамках, т.к. отсутствие таковых сдерживает инновации и создает правовые риски, обесценивающие сами инвестиции.

Актуальный глобальный контекст приводит к конкуренции в сфере высоких технологий и делает защиту ноу-хау вопросом технологической безопасности, т.к. развитие адекватного правового сопровождения для самых современных средств защиты становится стратегической задачей.

Заключение

Таким образом, дальнейшая научная разработка предложенных вариантов решения (разработка модельных положений для договоров, проектов поправок в федеральное законодательство, детализация стандартов «разумных мер с использованием ИИ») является не только академически значимой, но и практически востребованной. Это исследование будет способствовать формированию гармоничного правового поля, где инновационные технологии будут реализовывать свой потенциал для охраны ключевых активов цифровой экономики, не создавая при этом непреодолимых правовых рисков для участников отношений.

Список источников

1. Гаврилов Э.П. Гражданско-правовая защита и охрана секретов производства и коммерческой тайны / Э.П. Гаврилов // Хозяйство и право. – 2014. – №. 7. – С. 41–56.
2. Дозорцев В.А. Понятие секрета производства (ноу-хау) / В.А. Дозорцев // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2001. – №. 8. – С. 105–119.
3. Мухамедшин И.С. Основы правовой охраны интеллектуальной собственности по законодательству Российской Федерации // Вестник Северо-

Восточного федерального университета имени МК Аммосова. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. Серия «Общественные науки. Social science». – 2021. – № 3. – С. 5–10.

4. Нестерова Н.В. Служебное ноу-хау: проблемы взаимоотношений работника и работодателя // Копирайт (Вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2016. – №. 4. – С. 64–77.

5. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: Монография. – Москва: Проспект, 2021.

References

1. Gavrilov E.P. Civil law protection and protection of production secrets and trade secrets. *Economy and law*. 2014. No. 7. Pp. 41–56 (in Russ.).

2. Dozortsev V.A. The concept of the secret of production (know-how). *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2001. No. 8. Pp. 105–119 (in Russ.).

3. Mukhamedshin I.S. Fundamentals of legal protection of intellectual property under the legislation of the Russian Federation. *Vestnik of North-Eastern Federal University=Bulletin of the Northeastern Federal University named after MK Ammosov*. The series Social Sciences. Social science. 2021. No. 3. Pp. 5–10 (in Russ.).

4. Nesterova N.V. Service know-how: problems of employee-employer relations. *Copyright. Bulletin of the Russian Academy of Intellectual Property*. 2016. No. 4. Pp. 64–77 (in Russ.).

5. Bakhteev D.V. Artificial intelligence: ethical and legal foundations. The monograph. *Prospekt Publishing House*, 2021 (in Russ.).

Статья поступила 27.12.2025, принята к публикации: 25.02.2026.

© Ващенко В.С., 2025

Научная статья
УДК 347.78

**Авторско-правовая охрана неконвенциональных произведений:
постановка научной проблемы**

Максим Денисович Мартынов,
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия
Аспирант
Martynov.Maxim44@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0003-3898-6776>

Аннотация. Неконвенциональные произведения – художественная инсталляция, перформанс и хэппенинг – представляют собой реально существующие феномены культурной жизни общества, появившиеся еще во второй половине XX в. преимущественно в западных странах, а чуть позже и в СССР, в качестве оппозиционных академическим искусствам творческих практик. К началу XXI в. данные объекты постепенно институционализировались и стали достаточно популярными видами искусства.

В рамках настоящей статьи автором обозначается выявленная научная проблема, которая заключается в наличии неопределенности в вопросе авторско-правовой охраны указанных произведений. Проведен анализ обнаруженного противоречия и предложена стратегия его разрешения.

Ключевые слова: неконвенциональные произведения, авторское право, объект авторского права, инсталляция, перформанс, хэппенинг.

Для цитирования: Мартынов М.Д. Авторско-правовая охрана неконвенциональных произведений: постановка научной проблемы // IP: теория и практика. – 2026. – № 1 (13).

Original article

**Copyright protection of unconventional works: setting a scientific
problem**

Maxim D. Martynov,

Russian State Academy
of Intellectual Property, Moscow, Russia
Postgraduate Student
Martynov.Maxim44@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0003-3898-6776>

Abstract. Unconventional works represent real-life phenomena of the cultural life of society, which appeared in the second half of the 20th century mainly in Western countries, and a little later in the USSR as creative practices opposed to academic arts. At the turn of the 21st century, these objects were gradually institutionalized and became quite popular art forms.

Within the framework of this article, the author identifies the identified scientific problem, which consists in the presence of uncertainty in the issue of copyright protection of unconventional works - art installations, performances and happenings. The analysis of the discovered contradiction is carried out and a strategy for its resolution.

Key words: unconventional works, copyright, object of copyright, installation, performance, happening.

For citation: Martynov M.D. Copyright Protection of Unconventional Works: setting a scientific problem // IP: theory and practice. – 2026. – No. 1 (13).

Введение

На сегодняшний день часть IV Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ¹) содержит открытый перечень охраняемых объектов авторского права, среди которых преобладают произведения. Законодатель не раскрывает принцип включения тех или иных категорий произведений в ст. 1259 ГК РФ, делая акцент только на обязательном творческом характере объектов², однако, принимая во внимание многообразие видов творческих результатов, распространяет ее действие на так называемые «и другие произведения». Под «другими произведениями» понимаются такие результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД), которые, во-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Верховного Суда РФ. 2019. № 6. С. 3–26.

первых, не названы в ст. 1259 ГК РФ; во-вторых, по каким-то признакам их нельзя отнести к поименованным категориям произведений. Неконвенциональные произведения – художественная инсталляция, перформанс и хэппенинг – также отдельно не выделяются в законе, и могут быть охвачены как широким абстрактным понятием «другие произведения», так и относиться к произведениям искусства [1, с. 32; 2, с. 45]. То есть они оказываются под общим режимом авторско-правовой охраны. Более того, отсутствие глубокого понимания их специфики в отечественном юридическом сообществе как самобытных направлений творчества предопределяет необоснованную квалификацию таких произведений по внешним характеристикам в качестве произведений архитектуры, скульптуры и т.д. Это свидетельствует о формальном подходе в вопросе охраны инсталляции, перформанса и хэппенинга, игнорирующем теоретические разработки в других научных дисциплинах – искусствоведении, культурологии, философии, предметом которых долгое время являются рассматриваемые в этой работе объекты. На основе изучения работ специалистов в данных областях знания можно сделать вывод, что заслуживает внимания точка зрения о выделении неконвенциональных произведений в независимую группу РИД из-за имеющихся серьезных сущностных различий с классическими видами произведений [1, с. 64; 3, с. 69; 4, с. 336; 5, с. 15]. Подобное видение инсталляции, перформанса и хэппенинга постепенно проникает в зарубежные правовые системы, о чем говорит появление научно-юридических работ, рассматривающих вопросы регулирования таких объектов. Поскольку в отечественной юридической доктрине авторско-правовая охрана неконвенциональных произведений детально не рассматривается, вследствие чего возникает слабая научная проработанность данного вопроса, необходимо провести глубокое междисциплинарное исследование.

Методы

В ходе написания работы задействованы во взаимосвязи несколько методов, в том числе диалектический, общенаучные – структурно-функциональный, логические (анализ, дедукция, индукция, обобщение), формально-юридический.

Основное исследование

Прежде чем приступить непосредственно к постановке научной проблемы, стоит начать с определения самого понятия «научная проблема». Под ним обычно понимается форма научного знания, содержание которой составляет то, что еще не познано человеком, но нужно познать и что содержит противоречие. И.Л. Честнов подчеркивает, что проблема это «знание о незнании», т.е. осознание неудовлетворительного состояния дел в какой-либо области. Проблема – это «осознание противоречия между имеющимся и необходимым, желательным состоянием знания в соответствующей области» [6, с. 83]. Е.В. Ленько в своей работе под «научной проблемой» имеет в виду выявление отсутствия нужных знаний [7, с. 82]. То есть знание о том, какими именно знаниями, необходимыми для развития науки и практики, конкретная отрасль науки не располагает на данный момент времени. Поэтому решение проблемы своим итогом имеет получение научных сведений, которые раньше не были добыты. С поиска и обнаружения проблемы начинается любое научное исследование, и наличие таковой в некой области знания обуславливает актуальность выбранной для изучения темы.

Формулировка темы данного исследования уже содержит указание на искомую научную проблему фундаментального характера, которая формулируется в основном вопросе – в каком виде возможно осуществить авторско-правовую охрану неконвенциональных произведений? Противоречие в этом случае состоит в том, что неконвенциональные произведения являются полноценными видами РИД и на данный момент времени прошли процесс институционализации в обществе, однако будучи объективными феноменами социально-культурной действительности их

природа остается непознанной наукой права. Поскольку правовая сущность этих объектов не исследована, выстроить теоретические положения их авторско-правовой охраны представляется затруднительным. Создание обоснованной теоретической базы нужно, в первую очередь, для осуществления практического регулирования неконвенциональных произведений законом.

Исходной предпосылкой для возникновения обозначенной выше проблемы выступает несоответствие онтологических и аксиологических свойств инсталляции, перформанса и хэппенинга господствующей в континентальном авторском праве концепции охраны формы произведения, а не его содержания. Пункт 5 ст. 1259 ГК РФ прямо указывает, что идеи не охраняются. Многие правоведы также подчеркивают целесообразность данного подхода и не подвергают его сомнению, например, доктор юридических наук А.П. Сергеев констатирует: «В соответствии с европейской традицией автор идеи не является автором в юридическом смысле. Автором признается лицо, которое воплощает идею в художественную форму, т.е. создает произведение со всеми его атрибутами: сюжетом, художественными образами, персонажами и т.д.» [8]. Неохраноспособность идей представляет собой серьезное препятствие для авторско-правовой охраны неконвенциональных произведений, для которых именно содержательная концепция является более существенным элементом их сущности, чем форма объективизации. В случае с перформансом и сайт-специфичными инсталляциями (от англ. *site-specific* – «специфическое место») произведением является не сам материальный объект (или не только он), а художественная концепция, реализуемая в конкретном месте и в конкретное время в соответствии с замыслом автора. Тем не менее, не посягая на общепризнанный принцип охраноспособности, стоит отметить, что в сложившейся научной парадигме решение проблемы авторско-правовой охраны неконвенциональных произведений все-таки возможно через более глубокое изучение их формы выражения.

Объективизация инсталляции, перформанса и хэппенинга происходит различными способами (например, «минимальные» и «максимальные» инсталляции [1, с. 94]) и средствами (например, могут быть задействованы свет, звук, время, техническое оборудование, композиция вещей, использоваться последовательность действий самого художника в определенном контексте и месте с наличием или без наличия других участников) и, как следствие, порождает многообразие их видов – мультимедийные, звуковые, световые, интерактивные, перформативные, натуральные (лэнд-арт) инсталляции; неинституциональные и институциональные перформансы, имеющие разветвленную типологию [9, с. 108]; публичные и интерьерные, наблюдательные и вовлекающие хэппенинги [10, с. 190] и т.д. На данный момент какой-либо универсальной технологии или системы знаков для рассматриваемых в настоящей работе РИД не существует. Вследствие чего возникает затруднение, связанное с идентификацией этих объектов по форме, т.к. зачастую во внешних признаках неконвенциональных произведений либо не усматривают произведение как таковое вообще, либо относят к сходным категориям. Соответственно, и авторско-правовая охрана инсталляции, перформанса и хэппенинга в такой ситуации не будет иметь никаких специальных положений, правил, учитывающих их сущностную специфику, отмечаемую в неюридических научных работах [11; 1, с. 88].

Кроме того, некоторые виды неконвенциональных произведений обладают такими свойствами, как темпоральность (от лат. *tempora* – «времена») и сайт-специфичность, которые важно учитывать при авторско-правовой охране таких объектов. Однако в данный момент времени эти признаки не изучены юридической наукой и никаким образом не отражены в действующем российском законодательстве. Без понимания темпоральной и сайт-специфичной составляющей сущности неконвенциональных произведений появляется риск ошибочного подхода при осуществлении и защиты интеллектуальных прав на них. В этой части проблематики авторско-

правовой охраны инсталляции, перформанса и хэппенинга поставлены следующие вопросы:

1. Что подразумевается под понятиями «темпоральность», «сайт-специфичность» и какую правовую роль подобные свойства имеют в контексте изучаемой темы?
2. Какая существует корреляция между темпоральностью и сроком действия интеллектуальных прав на неконвенциональные произведения?
3. Возможна ли эффективная защита интеллектуальных прав автора неконвенционального произведения темпорального характера?
4. Каким образом юридически зафиксировать темпоральность и сайт-специфичность данных объектов?

Вышеуказанные вопросы могут быть разрешены, если рассматривать темпоральность и сайт-специфичность как элементы охраноспособной формы выражения неконвенциональных произведений, которые подчеркивают их правовую сущность как особых объектов авторского права. В этом отношении учет неких особенностей произведений при их правовом регулировании не нов, что прослеживается в российском законодательстве, устанавливающем специальные правомочия автора. Так, согласно ст. 1292 ГК РФ, автор произведения изобразительного искусства может направить требование собственнику оригинала такого произведения о предоставлении доступа с целью ее воспроизведения (право доступа). Кроме того, в ст. 1293 ГК РФ за автором такого произведения устанавливается право следования – получение вознаграждения с каждой перепродажи оригинала при соблюдении определенных законом условиях. Дополнительный способ использования закрепляется за автором произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства в ст. 1294 ГК РФ, заключающийся в разработке документации для строительства и реализации проектов соответствующих произведений, а также автор имеет право авторского контроля за созданием документации для строительства и право авторского надзора за процессом реализации своего проекта. Особо внимание уделено и регламентации

действий пользователя программы для ЭВМ и базы данных (ст. 1280 ГК РФ), которые также охраняются нормами авторского права. В отношении аудиовизуальных произведений законом также предусмотрено право авторов на вознаграждение за свободное воспроизведение таких объектов в личных целях (ст. 1245 ГК РФ). Создание подобных правил *sui generis* (от лат., что означает «своеобразный», «в единственном числе») в авторско-правовой охране позволяет учитывать специфику тех или иных объектов и обеспечивать в полной мере защиту интеллектуальных прав и интересов авторов.

Для цели формирования теоретических основ авторско-правовой охраны неконвенциональных произведений также важно определить содержание и структуру правоотношений, чьим объектом выступают инсталляции, перформансы и хэппенинги. В этой связи нужно выяснить:

1. Какие виды правоотношений по поводу неконвенциональных произведений возможны?
2. Какие лица входят в субъектный состав таких правоотношений?
3. Какие права и обязанности возникают у таких субъектов при создании и использовании неконвенциональных произведений?
4. В чем состоят особенности статики и динамики данных правоотношений?

Ключевое место здесь занимают договорные модели правоотношений, которые будут опираться на уже существующие конструкции в сфере интеллектуальной собственности, вроде лицензии или договора отчуждения исключительного права. Но поскольку субъектный состав достаточно широкий, то потенциально возможны и качественно новые соглашения, например, с исполнителями перформанса. Также ключевыми пунктами договорных правоотношений станут документирование и архивирование, ответственность сторон, правила поведения посетителей выставки, условия экспонирования инсталляции и проведения перформанса и хэппенинга. При этом необходимо соблюсти баланс между интересами автора, конкретной институции (музея, галереи и т.д.) и публичным порядком.

Совокупность интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (далее – РИД/СИ) включает в себя исключительное право, имеющее характер имущественного. Именно оно позволяет своему обладателю использовать и распоряжаться объектом интеллектуальных прав по своему усмотрению, а также запрещать третьим лицам предпринимать какие-либо действия по отношению к нему. Поскольку РИД/СИ нематериальны, в гражданском обороте участвует исключительное право. Также есть личные неимущественные права, как, например, право авторства, и иные права, имеющие двойственную природу и выделяемые из-за этого в отдельную категорию – к примеру, ранее названное в настоящей работе право следования. Интеллектуальные права возникают и на неконвенциональные произведения, однако их объем и порядок осуществления вызывают вопросы в контексте формы выражения таких объектов. Здесь целесообразным видится зафиксировать следующие аспекты, требующие изучения:

1. Каковы возможные способы использования инсталляции, перформанса и хэппенинга?
2. Каков срок действия интеллектуальных прав на них?
3. Реализуемо ли правомочие запрета в случае неконвенциональных произведений?
4. Каковы границы права на неприкосновенность неконвенционального произведения?
5. Можно ли выделить для таких произведений специфические интеллектуальные права и какие?

Авторско-правовая охрана предполагает также механизм защиты интеллектуальных прав на произведения, включая и неконвенциональные. ГК РФ подробно описывает способы защиты, но в то же время пока отсутствует четкое представление, в какой степени они применимы в отношении инсталляции, перформанса и хэппенинга. Сущностные особенности данных объектов и сложность их фиксации определяют

необходимость в совершенствовании имеющегося порядка защиты интеллектуальных прав. Круг вопросов в этой связи можно сформулировать следующим образом:

1. Существует ли принципиальная возможность установить тождество или сходство двух неконвенциональных произведений в случае спора между авторами?
2. Какие доказательства допустимы в судебном процессе, например свидетельские показания, и каким образом их предоставлять?
3. Отражают ли задокументированные материалы инсталляции, перформанса и хэппенинга форму оригинала для целей судебной оценки?
4. Какие способы защиты будут наиболее эффективны?

Изучение поставленных вопросов поможет в выработке комплексного механизма, который превратит эфемерное или пространственное произведение искусства в защищаемый актив.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что авторско-правовая охрана неконвенциональных произведений – таких как инсталляция, перформанс и хэппенинг – представляет собой сформировавшуюся, но находящуюся в состоянии постоянного развития научную и правоприменительную проблему. Ее актуальность обусловлена глубинным противоречием между постулатом континентального авторского права об охране только формы произведения, и динамичной, процессуальной, часто эфемерной природой актуальных художественных практик, чье внутреннее содержание выступает на первый план. Подобная дилемма не осталась незамеченной и в юридической научной среде. Так, Н.В. Щербак пишет: «Сегодня идея в среде искусствоведов и творцов становится выше формы, в то время как авторское право идеи не охраняет» [12, с. 271]. Поэтому перспективы решения видятся в проведении полноценного диссертационного исследования, которое затронет, в частности:

1. Изучение сущности нековенциональных произведений, что позволит выделить характерные для них юридически значимые признаки в целях авторско-правовой охраны.
2. Формулирование понятийного аппарата для неконвенциональных произведений различного типа.
3. Выявление видов и структуры правоотношений, складывающихся по поводу таких объектов.
4. Определение проблемных вопросов, которые могут возникнуть при осуществлении защиты прав и интересов авторов таких произведений.
5. Разработку специализированных методических рекомендаций и типовых договоров для институций (музеев, галерей) и авторов.
6. Адаптацию международного опыта с акцентом на страны с развитым арт-рынком и с учетом российской правовой специфики.

Список источников

1. Макеева С.О. Становление инсталляции в искусстве Запада и России второй половины XX века: дисс. ... канд. иск.: 17.00.04. – Москва, 2021. 538 с.
2. Уваров В.Д. Перформанс как неотъемлемое связующее художественное выражение в современном мире. Дизайн и искусство – стратегия проектной культуры XXI века (ДИСК-2016): сборник материалов Всероссийской научной конференции молодых исследователей / В.Д. Уваров, Л.М. Новикова. Том Часть 3. – 2016.
3. Орлова А.М. Российская инсталляция как эстетический феномен / А.М. Орлова: дисс. ...канд. филос. н. [Государственный институт искусствознания Министерства культуры Российской Федерации]. – Москва, 2020. – 303 с.
4. Gemma Argüello Manresa Towards a Philosophy of Installation Art // The Journal of Aesthetics and Art Criticism, Vol. 78, No. 3 (SUMMER 2020), pp. 333-338. URL: <https://www.jstor.org/stable/48584833> (дата обращения: 22.12.2025).
5. Sherri Irvin Installation Art and Performance: A Shared Ontology In Christy Mag Uidhir, Art & Abstract Objects. Oxford University Press. Pp. 242–262 (2013).

6. Честнов И.Л. Методология и методика научного исследования: учебное пособие / И.Л. Честнов. – Санкт-Петербург: СанктПетербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 124 с.
7. Ленько Е.В. Формулирование и решение научной проблемы в докторской диссертации / Е.В. Ленько // ПКиК. – 2009. – №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formulirovanie-i-reshenie-nauchnoy-problemy-v-doktorskoj-dissertatsii> (дата обращения: 22.12.2025).
8. Сергеев А.П. Об охране идей в российском авторском праве / А.П. Сергеев // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2020. – № 12. – С. 9–13. URL: https://www.patentinfo.ru/issue/12p_20.html (дата обращения: 22.12.2025).
9. Антонян М.А. Особенности рецепции перформанса: на материале работы Марины Абрамович: дисс. ...канд. культурологии [Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2015. – 239 с.
10. Kaprow Allan ed *Assemblages, Environments & Happenings* (1966); Schölte & Wharton. URL: https://monoskop.org/File:Kaprow_Allan_ed_Assemblages_Environments_and_Happenings_1966.pdf (дата обращения: 22.12.2025).
11. Федосеева И. Перформансы и художественное творчество в современной культуре // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performansy-i-hudozhestvennoe-tvorchestvo-v-sovremennoy-kulture> (дата обращения: 25.02.2025).
12. Щербак Н.В. Авторские и смежные права в системе интеллектуальных прав: дисс. ... д.ю.н.: 12.00.03. – Москва, 2022. – 509 с.

References

1. Makeeva S.O. The formation of installation in the art of the West and Russia in the second half of the 20th century: diss. ...PhD of Law: 17.00.04. Moscow, 2021. 538 p. (in Russ.).
2. Uvarov V.D., Novikova L.M. Performance as an integral binding artistic expression in the modern world. Design and art – a strategy of project culture of the XXI century (DISC-2016) collection of materials of the All-Russian Scientific Conference of young researchers. Vol. Part 3. 2016 (in Russ.).
3. Orlova A.M. Russian installation as an aesthetic phenomenon: Dissertation for the degree of PhD of Philosophical Sciences. State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. Moscow, 2020. 303 p. (in Russ.).

4. Gemma Argüello Manresa Towards a Philosophy of Installation Art// The Journal of Aesthetics and Art Criticism, Vol. 78, No. 3 (SUMMER 2020), pp. 333-338. URL: <https://www.jstor.org/stable/48584833> (date of access: 12/22/2025).
5. Sherri Irvin Installation Art and Performance: A Shared Ontology In Christy Mag Uidhir, Art & Abstract Objects. Oxford University Press. Pp. 242–262 (2013).
6. Chestnov I.L. Methodology and methodology of scientific research: a textbook / I. L. Chestnov. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2018. 124 p. (in Russ.).
7. Lyenko E.V. Formulation and solution of a scientific problem in a doctoral dissertation. *PKiK*. 2009. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formulirovanie-i-reshenie-nauchnoy-problemy-v-doktorskoy-dissertatsii> (date of access: 12/22/2025) (in Russ.).
8. Sergeev A.P. On the protection of ideas in Russian copyright. Patents and licenses. Intellectual property rights. 2020. No. 12. Pp. 9–13. URL: https://www.patentinfo.ru/issue/12p_20.html (date of access: 12/22/2025) (in Russ.).
9. Antonyan M.A. Features of performance reception: based on the work of Marina Abramovich. Dissertation for the degree of PhD of Cultural Studies / Lomonosov Moscow State University, Moscow, 2015. 239 p. (in Russ.).
10. Kaprow Allan ed Assemblages, Environments & Happenings (1966); Schölte & Wharton. URL: https://monoskop.org/File:kaprow_alli_ed_assemblages_environments_and_happenings_1966.pdf (date of access: 12/22/2025).
11. Fedoseeva I. Performances and artistic creativity in modern culture // International. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kul'tury = Journal of Cultural Studies*. 2015. No. 3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performansy-i-hudozhestvennoe-tvorchestvo-v-sovremennoy-kulture> (date of access: 02/25/2025) (in Russ.).
12. Shcherbak N.V. Copyright and related rights in the intellectual property rights system: dissertation, PhD: 12.00.03. Moscow, 2022. 509 p. (in Russ.).

Статья поступила 10.03.2026, принята к публикации: 19.03.2026.

© Мартынов М.Д., 2026

Научная статья

УДК 347.77

**Институт продления срока действия евразийских и российских патентов
на изобретения: постановка научной проблемы**

Елена Николаевна Маханькова,

Евразийское патентное ведомство Евразийской патентной организации,
Москва, Россия

Заместитель начальника Центра мониторинга качества

e.makhankova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению научных проблем института продления срока действия патентов на изобретения. Установлена целесообразность исследования правовой природы исключительного права в контексте продления срока его действия. Кроме того, обоснована необходимость комплексного исследования ключевых проблем, возникающих при осуществлении продления срока действия евразийских патентов на территории государств – участников Евразийской патентной конвенции, включая Российскую Федерацию.

Ключевые слова: продление срока действия патента, исключительное право, российский и евразийский патенты на изобретения.

Для цитирования: Маханькова Е.Н. Продление срока действия евразийских и российских патентов на изобретения: постановка научной проблемы / Е.Н. Маханькова // IP: теория и практика. – 2026. – № 1 (13).

Original article

**Extension of the term of Eurasian and Russian patents for inventions:
defining the research challenge**

Elena N. Makhankova,

Deputy Head, Quality Monitoring Center,

Eurasian Patent Office, Moscow, Russia

e.makhankova@yandex.ru

Abstract. The article focuses on identifying the scholarly challenges within the framework of patent term extension (PTE) of inventions. The author demonstrates the pertinence of researching the legal nature of exclusive right in the context of PTE. Furthermore, the article substantiates the necessity for a comprehensive study of the key problems arising within the extension of the Eurasian patents' validity

across the jurisdictions of the Eurasian Patent Convention member states, including the Russian Federation.

Key words: patent term extension, exclusive right, Russian and Eurasian patents for inventions.

For citation: Makhankova E.N. Extension of the term of Eurasian and Russian patents for inventions: defining the research challenge // IP: Theory and Practice. 2026. No.1(13).

Введение

Законодательства многих стран мира, включая Российскую Федерацию, предусматривают продление срока действия правовой охраны изобретений, относящихся к области здравоохранения и сельского хозяйства, требующих длительных и дорогостоящих испытаний до получения необходимых разрешений, выдаваемых уполномоченными органами. Это рассматривается как важный компенсаторный механизм для правообладателя, поскольку до получения соответствующих разрешений разработанный продукт не может быть введен в гражданский оборот. В то же время почти половина установленного законом срока правовой охраны может приходиться на доведение химического вещества до стадии коммерческого продукта [1].

Институт продления срока действия патента представляется как один из наиболее спорных правовых институтов, поскольку предусматривает продление патентной монополии (срока действия исключительного права) на продукты, имеющие критическое значение для обеспечения здоровья и продовольственной безопасности населения. В профессиональном сообществе на протяжении всего времени существования этого института в России (с 2003 г.) и в евразийском пространстве нет однозначного к нему отношения: имеются как противники, так и сторонники.

В существующих геополитических условиях Россией взят курс на развитие собственной фармацевтической промышленности и импортозамещение в данной сфере, что отражено в Стратегии развития фармацевтической промышленности до 2030 года, принятой Правительством

Российской Федерации¹. Указанная стратегия направлена, в том числе, на увеличение выпуска российских аналогов (дженериков) оригинальных лекарственных препаратов. В этой связи существующие правовые механизмы, позволяющие продлевать срок действия исключительного права на оригинальные лекарственные препараты, принадлежащие в большинстве своем иностранным фармацевтическим компаниям, вызывают в профессиональном сообществе новую волну критики, поскольку не позволяют выпускать дженерики на рынок.

Вместе с тем государство обязано обеспечить баланс между интересами общества, насыщая рынок доступными препаратами, и правообладателями (компаниями-оригинаторами), сохраняя за ними монополию, позволяющую возместить все затраты по выводу инновационных фармацевтических продуктов на рынок.

Таким образом, исследование института продления срока действия патента и удостоверенного им исключительного права представляется своевременным и актуальным для российской науки и практики.

Целью исследования является разработка и обоснование научных и прикладных положений, формирующих целостное теоретическое представление об институте продления срока действия исключительного права на изобретение.

Методы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (диалектический метод, исторический и формально-логический методы), а также частнонаучные методы (формально-юридический и сравнительно-правовой, историко-правовой и метод правового моделирования). Формально-логический метод используется для изучения общих закономерностей регулирования общественных отношений, складывающихся по поводу продления срока действия исключительного

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 07.06.2023 № 1495-Р «Об утверждении стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года».

права на изобретение. Историко-правовой метод будет применен в исследовании правового становления и развития института продления срока действия исключительного права на изобретение. Сравнительно-правовой метод используется для исследования правового регулирования данного института в других государствах и выявления наиболее успешных подходов. Метод правового моделирования применяется при формулировании предложений практического характера по совершенствованию законодательства в исследуемой сфере.

Основное исследование

В силу содержания ст. 1346 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее – ГК РФ) на территории России в одинаковой мере действуют российские и евразийские патенты на изобретения. Кроме того, продление срока действия исключительного права на изобретение по российским и евразийским патентам на территории России осуществляется на основании одинаковых условий³.

При продлении срока действия исключительного права на изобретение в России выдается дополнительный патент с новой формулой изобретения, «содержащей совокупность признаков запатентованного изобретения, характеризующую продукт, на применение которого получено разрешение» (ст. 1363 ГК РФ). То есть формула дополнительного патента полностью характеризует продукт, на который выдано разрешение на применение.

Подзаконным актом⁴ установлено, что изобретение по дополнительному патенту должно быть идентично лекарственному средству, на которое выдано

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая), принятый Государственной Думой 24 ноября 2006 г., с изменениями, внесенными Федеральным законом от 22.07.2024 № 190-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/10164072/7d7b9c31284350c257ca3649122f627b/> (дата обращения: 01.01.2025).

³ Правило 16(5) Патентной инструкции к Евразийской патентной конвенции, 9 сентября 1994 г., Москва (ред. от 9-10.09.2024) (часть I): Официальный сайт Евразийской патентной организации. URL: <https://www.eapo.org/documents/voprosy-pravovoj-ohrany-izobretenij/patentnaya-instrukcija-k-evrazijskoj-patentnoj-konvenczii/> (дата обращения: 01.01.2025).

⁴ Порядок выдачи и действия дополнительного патента на изобретение, продления срока действия патента на изобретение, утвержденный Приказом Минэкономразвития от 03.11.2015 № 809.

регистрационное удостоверение. При выдаче дополнительного патента формула основного патента полностью «перекраивается», формируя новый объем прав, что подтверждается разъяснениями федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности⁵.

Таким образом, объем исключительного права, удостоверенного основным патентом, не совпадает с объемом исключительного права, удостоверенного дополнительным патентом. Вместе с тем в п. 2 ст. 1363 ГК РФ однозначно указано, что «срок действия исключительного права на соответствующее изобретение и удостоверяющего это право патента продлевается», т.е. закрепляется возможность продления уже существующего исключительного права. Представляется, что возникающий «новый объем прав» не является аналогом «продления исключительного права».

Выдача дополнительного патента с новой формулой изобретения и новым объемом правовой охраны позволяет ряду исследователей [2, 3, 4] прийти к заключению о возникновении, пусть и производного, но нового исключительного права после окончания основного срока действия патента.

Таким образом, закрепленный в России механизм продления срока действия исключительного права на изобретение путем выдачи дополнительного патента порождает правовую коллизию, которая заключается в искажении правовой сущности института продления. Продление не может осуществляться путем формирования чего-то нового. Патент удостоверяет факт наличия монополии у правообладателя в определенном объеме. Этот объем определяется формулой изобретения (описание изобретения и чертежи используются для толкования формулы изобретения). Именно формула изобретения фиксирует юридические границы монополии. Выдача дополнительного патента с измененным, пусть и ограниченным, объемом, формирует новые юридические границы. Это

⁵ Рекомендации по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по продлению срока действия исключительного права на изобретение и удостоверяющего это право патента. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/documents/rec_pcd_po/download (дата обращения: 01.01.2025).

позволяет говорить о возникновении иной монополии, хотя и производной. Указанное противоречит закрепленной в законе правовой возможности продления монополии.

В соответствии со ст. 1363 ГК РФ формула дополнительного патента должна характеризовать продукт, на который получено разрешение на применение (лекарственного средства, пестицида или агрохимиката).

Согласно п. 8 Порядка выдачи и действия дополнительного патента⁶ формула изобретения характеризует продукт, на применение которого получено разрешение, если имеет место идентичность между заявленным активным веществом (фармацевтической композицией) и продуктом, на применение которого получено разрешение. Таким образом, имеет место правовое противоречие, т.к. устанавливается фактически знак равенства между двумя неравнозначными понятиями: «характеризующий» и «идентичный». Изобретение характеризует лекарственное средство, только если оно ему идентично.

Указанное противоречие очевидным образом следует из определений: так, «характеризовать» означает «дать характеристику, определение чего-нибудь, описать»⁷, при этом «идентичный – это тождественный, полностью совпадающий»⁸. Представляется бесспорным утверждение того, что идентичность возможна только при полном совпадении во всех элементах, что не требуется при характеризовании.

Из положений ст. 1363 ГК РФ не следует требование об идентичности. Тем более, что в формуле изобретения признаки могут быть выражены обобщенно, в том числе на уровне функции или в виде интервала значений.

⁶ Порядок выдачи и действия дополнительного патента на изобретение, продление срока действия патента на изобретение, утвержденный приказом Министерства экономического развития России от 03.11.2015 № 809. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191190/667a3fa326b4fde25dc79a101380b16717174ac5/ (дата обращения: 01.01.2025).

⁷ Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=83343> (дата обращения: 01.01.2025).

⁸ Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9453> (дата обращения: 03.01.2025).

Такое изобретение, описанное с помощью обобщенных признаков, будет характеризовать продукт (на применение которого получено разрешение), но не будет ему идентично, т.к. не совпадет во всех элементах. Таким образом, закон позволяет продлить срок действия исключительного права на такое изобретение, а толкование понятия через идентичность – нет.

Следовательно, усматривается противоречие – отсутствует теоретическое базовое правовое определение отнесения изобретения к лекарственному средству (пестициду, агрохимикату), что и позволило осуществить подмену понятия «характеризующий» на «идентичный».

В литературе [5] высказано мнение о том, что при решении вопроса о том, характеризует ли изобретение продукт, на который выдано разрешение, следует применять аналогию нормы, определяющей установление факта нарушения исключительного права на изобретение (ст. 1358 ГК РФ). То есть следует исходить из того, что изобретение в формуле изобретения характеризует продукт, если они совпадают во всех признаках, причем признак может быть выражен эквивалентным понятием.

Таким образом, представляется необходимым сформулировать и закрепить правовое определение понятия «характеризующий».

Как было указано выше, срок действия евразийских патентов на территории России продлевается на тех же условиях, что и срок действия российских патентов. Правовое противоречие заключается в том, что, несмотря на нормативное закрепление национального режима продления евразийских патентов в России, продление срока действия этих патентов осуществляется иным образом. Евразийским законодательством не предусмотрена выдача дополнительного патента при продлении срока действия исключительного права на изобретение в России. Согласно существующему порядку⁹ при положительном решении о продлении срока

⁹ Порядок продления срока действия евразийского патента на изобретения, утвержденный приказом Евразийского патентного ведомства от 05.03.2009 № 8 (с изменениями и дополнениями). URL: <https://www.eapo.org/documents/voprosy-pravovoj-ohrany-izobret> Заключение enij/poryadok-prodleniya-sroka-dejstviya-evrazijskogo-patenta-na-izobretenie/ (дата обращения: 01.01.2025).

действия евразийского патента на изобретение выдается свидетельство дополнительной охраны.

При этом свидетельство дополнительной охраны по правовой сути нельзя приравнять к дополнительному патенту, поскольку новая формула изобретения не составляется, формула основного патента не перекраивается. В свидетельстве указываются международное непатентованное наименование лекарственного средства, послужившего основанием к продлению срока действия патента на изобретение, а также пункты формулы изобретения, относящиеся к этому лекарственному средству и подлежащие продлению. То есть свидетельство о дополнительной охране не удостоверяет новый объем прав. Представляется, что такой механизм наиболее полно соответствует правовой природе продления срока действия исключительного права, закрепленного в ст. 1363 ГК РФ.

Согласно евразийской патентной системе, евразийский патент – это единый патент, действующий на территории всех государств – участников Евразийской патентной конвенции (далее – ЕАПК), включая Россию, в одинаковом объеме. Единый характер евразийского патента существует вплоть до продления его срока в каждом государстве, поскольку оно осуществляется только в тех государствах, где продлеваются национальные патенты. Продление осуществляется по национальным условиям. Представляется, что установление национального режима для продления евразийских патентов приводит к утрате этого единого характера евразийского патента.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи:

- проанализировать положения законодательства государств – участников ЕАПК, включая Российскую Федерацию, регулирующие продление срока действия патента на изобретение;
- определить правовую природу исключительного права за пределами основного срока действия патента на изобретение;

– выявить проблемы, возникающие при продлении срока действия патента на изобретение в Российской Федерации;

– выработать предложения о возможных путях развития и совершенствования института продления срока действия патентов на изобретения в российском и евразийском законодательстве.

Исследование правовой природы исключительного права при продлении срока действия патента на изобретение поможет обосновать возможное противоречие, возникающее при выдаче дополнительного патента, содержащего новый объем прав. Представляется, что механизм продления срока действия исключительного права путем выдачи дополнительного патента не в полной мере соответствует самому понятию продления срока действия исключительного права. В этой связи в будущем исследовании предполагается предложить и обосновать изменение механизма продления срока действия российских патентов путем замены дополнительного патента на свидетельство дополнительной охраны. Свидетельство дополнительной охраны содержит указание на ту часть формулы первоначального патента, в отношении которой осуществляется продление, но не формирует новый объем прав, который предполагает дополнительный патент.

Изучение вопросов, связанных с продлением срока действия евразийских патентов на территории государств – участников ЕАПК предполагает возможность обоснования отказа от национального принципа продления евразийских патентов на территории этих государств. Будущее исследование направлено, в том числе, на разработку единой концепции продления срока действия евразийских патентов на территории всех государств – участников ЕАПК (в которых существует институт продления), что обеспечит дальнейшее существование «единого характера» евразийского патента.

Заключение

Таким образом, исследование института продления срока действия патента на изобретение представляется особо актуальным в современных

реалиях сложности обеспечения баланса между монополией правообладателей на лекарственные препараты и интересами общества. Установлена целесообразность исследования правовой природы исключительного права при продлении срока действия патента на изобретение. Кроме того, обоснована необходимость комплексного исследования продления срока действия евразийских патентов на территории государств – участников ЕАПК, включая Российскую Федерацию.

Список источников

1. Семенова Е.А. Фармацевтические патентные споры: болезни правоприменительной практики и обеспечительные меры как лекарство / Е.А. Семенова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2024. Декабрь. – № 4 (46). – С. 93–110. DOI: 10.58741/23134852_2024_4_10.
2. Пиличева А.В. Лекарственные средства как объекты патентных прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Пиличева Анна Владимировна. – Москва, 2015. – 222 с.
3. Латынцев А.В. Особенности пролонгации патентной охраны в отношении лекарственных средств / А.В. Латынцев // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2024. Декабрь. – № 4 (46). – С. 85–92. DOI: 10.58741/23134852_2024_4_10.
4. Балашова А.И. Сроки в патентном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Балашова Анна Игоревна. – Москва, 2024. – 318 с.
5. Назина Е.Е. Дополнительный патент на изобретение: возможности и проблемы // Патентный поверенный. – 2017. – № 1. – С. 35–42.

References

1. Semenova E.A. Pharmaceutical patent disputes: Illnesses of Judicial Practice and Preliminary Injunctions as a Cure. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam = Journal of the Intellectual Property Rights Court*. 2024. December. No. 4(46). P. 93–110 (in Russ.). DOI: 10.58741/23134852_2024_4_10.
2. Pylicheva A.V. Pharmaceuticals as patentable subject matter. Diss ... PhD in Jurisprudence. Thesis. 12.00.03 / Pylicheva Anna Vladimirovna. – Moscow. 2015. 222 p. (in Russ.).
3. Latyntsev A.V. Features of prolongation of patent protection in relation to a medicinal product. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam = Journal of the Intellectual Property Rights Court*. 2024. December. No. 4 (46). P. 85–92 (In Russ.). DOI: 10.58741/23134852_2024_4_9.

4. Balashova A.I. Terms in patent law. Diss ... PhD in Jurisprudence. Thesis. 12.00.03 / Balashova Anna Igorevna. Moscow. 2024. 318 p. (In Russ.).

5. Nazina E.Ye. Additional invention patents: possibilities and problems. // *Patentny' Poverenny' = Patent Attorney*. 2017. No. 1. P. 35–42 (In Russ.).

Статья поступила 27.12.2025, принята к публикации: 24.02.2026.

© Маханькова Е.Н., 2026

Научная статья

УДК 347.77

**Защита интеллектуальных прав в эпоху жизнеспособных инноваций:
роль эстоппеля в условиях недостаточности правового регулирования**

Наталья Юрьевна Сергеева,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры Гражданского и предпринимательского права

NSkafedra@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>

Аннотация. Статья посвящена определению роли принципа/правила эстоппеля при рассмотрении дел о защите прав на охраняемую интеллектуальную собственность в эпоху жизнеспособных инноваций. Обращаясь к понятию, природе и задачам данного принципа, автор демонстрирует, как он помогает преодолеть пробелы действующего гражданского законодательства в условиях несовершенства правовых норм.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, интеллектуальные права, инновации, эстоппель, защита.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Правовое обеспечение и экономическое содействие жизнеспособности инноваций в условиях современных интеграционных процессов» (6-ГЗ-2025).

Для цитирования: Сергеева Н.Ю. Защита интеллектуальных прав в эпоху жизнеспособных инноваций: роль эстоппеля в условиях недостаточности правового регулирования / Н.Ю. Сергеева // IP: теория и практика. № 1 (13). 2026.

Original article

**Protecting Intellectual Rights in the Age of Viable Innovation: The Role of
Estoppel in the Face of Insufficient Legal Regulation**

Natalia Yu. Sergeeva,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Associate Professor of the Department of Civil and Business Law

PhD in Law, Associate Professor,

NSkafedra@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>

Abstract. The article is devoted to determining the role of estoppel (a rule or principle) in the consideration of cases on the protection of rights to protected intellectual property in the era of viable innovations. By addressing the concept and nature of this principle, the author demonstrates how it helps to overcome the gaps in current civil legislation in the context of imperfect legal norms.

Keywords: intellectual property, intellectual property rights, innovation, estoppel, protection.

Funding: The study was carried out as part of the research project "Legal Support and Economic Assistance for the Viability of Innovations in the Context of Modern Integration Processes" (6-GZ-2025).

For citation: Sergeeva N.Yu. Protection of Intellectual Rights in the Era of Viable Innovations: The Role of Estoppel in the Context of Insufficient Legal Regulation // IP: Theory and Practice. No. 1 (13). 2026.

Введение

В настоящее время Россия, как никогда, нуждается в полноценном импортозамещении, успех которого во многом определяется уровнем инновационного прогресса. В этой связи приобретает огромное значение правовое регулирование, обеспечивающее полноценную защиту интеллектуальных прав, возникающих на жизнеспособные инновационные продукты, получившие статус охраняемой интеллектуальной собственности. Между тем практика показывает, что существующего правового поля, которое отвечало бы данному запросу общества, сегодня явно недостаточно, в связи с чем у судов нередко возникает потребность в использовании дополнительных механизмов с целью эффективного разрешения имеющихся конфликтов между участниками гражданских правоотношений.

Настоящее исследование будет посвящено определению роли эстоппеля (правило, принцип) при рассмотрении дел о защите прав на охраняемую интеллектуальную собственность в эпоху жизнеспособных инноваций.

Указанный принцип пришел в действующее законодательство из стран англосаксонской правовой системы и есть ничто иное, как частное проявление принципа добросовестности участников гражданских правоотношений. Обратившись к понятию и природе данного принципа, автор продемонстрирует, как он помогает преодолеть пробелы действующего гражданского законодательства в условиях несовершенства правовых норм.

Однако начать следует с самого принципа добросовестности, общие положения о котором введены в ГК РФ Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Названным нормативным актом, помимо самого принципа, была также введена презумпция добросовестных действий участников гражданских правоотношений и установлено правило о применении способов защиты гражданских прав в случае их заведомо недобросовестного осуществления (злоупотребления правом).

Методы

При исследовании применялись методы анализа и сравнения; сравнения различных теоретических взглядов защиты прав на интеллектуальную собственность.

Основное исследование

Принцип добросовестности как один из механизмов восполнения законодательных пробелов. Пункты 3 и 4 ст. 1 ГК РФ гласят: «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного поведения». При этом добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются (п. 5 ст. 10 ГК РФ). Относительно применения способов защиты гражданских прав в случае злоупотребления правом из п. 2 ст. 10 ГК РФ следует, что «суд, арбитражный суд или третейский суд с учетом характера и последствий

допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом».

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указывается на то, что поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное уклонение участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались... При этом, если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны ([п. 2 ст. 10](#) ГК РФ)¹. При этом, как следует из правовой позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, сформулированной в п. 5 Обзора практики применения арбитражными судами ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации², непосредственной целью санкции ст. 10 ГК РФ является не наказание лица, злоупотребившего правом, а защита прав лица, потерпевшего от этого злоупотребления.

Отметим, что в настоящее время упомянутые статьи ГК РФ широко применяются на практике, поскольку являются одним из наиболее востребованных механизмов восполнения законодательных пробелов. Не

¹ Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.01.2026).

² Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.11.2008 № 127 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.01.2026).

менее значимым с указанных позиций является и упомянутое выше частное проявление принципа добросовестности – правило эстоппеля, который мы предлагаем рассмотреть в свете нередкого обращения к нему Суда по интеллектуальным правам (далее – Суд, СИП) при рассмотрении споров о защите нарушенных интеллектуальных прав.

Эстоппель как правовой механизм, направленный на обеспечение последовательного поведения участников гражданских правоотношений. Доктрина эстоппеля сегодня – объект пристального внимания. Ученые и практики высказывают многочисленные мнения о его правовой сущности и необходимости более тщательного ее определения в действующем законодательстве [1]. Указанное правило (принцип) имеет двойственную правовую природу и может выступать как в материально-правовом, так и в процессуальном аспектах. В настоящей статье мы ограничимся первым.

В Российской Федерации названное правило включено в нормы гражданского законодательства о недействительных сделках (п. 2, п. 5 ст. 166 ГК РФ, п. 3 ст. 173.1 ГК РФ), а также в общие положения о договоре (п. 2 ст. 431.1, п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 450.1 ГК РФ). Смысл приведенных положений, следующий: участник гражданского оборота должен осуществлять последовательные, а не противоречивые действия, иначе он может лишиться права на защиту. Более никаких положений, где бы прямо упоминалось указанное правило, ГК РФ не содержит, равно как и не располагает его дефиницией.

Между тем достаточно подробно о понятии, природе и задачах данного правила (принципа) рассуждают суды и, в частности, СИП. Так, обращаясь к вопросу о его понятии, в некоторых решениях можно встретить следующую формулировку: «Принцип эстоппель можно определить, как запрет ссылаться на обстоятельства, которые ранее признавались стороной бесспорными,

исходя из ее действий и заверений»³. Из других судебных актов следует, что: «В общем виде эстоппель (estoppel) можно определить, как правовой механизм, направленный на обеспечение последовательного поведения участников правоотношений. При этом при применении эстоппеля важно учитывать, что само по себе противоречивое поведение стороны не является упречным (противоправным или недобросовестным). Недобросовестным признается только такое противоречивое поведение стороны, которое подрывает разумное доверие другой стороны и влечет явную несправедливость. Главная задача принципа эстоппель заключается в том, чтобы воспрепятствовать стороне получить преимущества и выгоду, как следствие своей непоследовательности в поведении в ущерб другой стороне, которая добросовестным образом положила на определенную юридическую ситуацию, созданную первой стороной... Эстоппель должен защищать только добросовестное лицо, т.е. лицо, доверие которого к поведению другой стороны было разумным и обоснованным, и призван содействовать обеспечению юридической безопасности субъектов права, направлен на защиту добросовестной стороны. Защита доверия как таковая является ключевым аспектом при оценке противоречивого поведения лица при применении принципа эстоппель»⁴. Главная задача данного принципа, отмечает СИП, «не допустить, чтобы вследствие непоследовательности в своем поведении сторона получила выгоду в ущерб другой стороне, которая добросовестным образом положила на определенную юридическую ситуацию, созданную первой стороной»⁵.

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.08.2019 № С01-553/2017 по делу № А 41-63610/2016; Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 20.12.2018 по делу № СИП-127/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Решение суда по интеллектуальным правам от 10.02.2005 по делу № СИП-1087/2024. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d0f660d1-c1f3-4eba-8cc9-8a05ea88b7dd/bc4e6601-e50c-4527-b80e-507578e97d5a/SIP-1087-2024_20250218_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 13.01.2026).

⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.08.2019 № С01-553/2017 по делу № А 41-63610/2016; Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 20.12.2018 по делу № СИП-127/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.01.2026).

Подводя промежуточный итог сказанному, сделаем следующий общий вывод: под эстоппелем следует понимать эффективный правовой инструмент, направленный на обеспечение последовательности в поведении субъектов гражданских правоотношений, который можно определить, как запрет ссылаться на обстоятельства, признаваемые ранее стороной бесспорными, исходя из ее действий и заверений. С одной стороны, эстоппель содействует юридической безопасности субъекта, а с другой, служит гарантом стабильности гражданских правоотношений.

Роль эстоппеля в условиях недостаточности правового регулирования отношений, возникающих в сфере защиты прав на интеллектуальную собственность. Как уже было отмечено ранее, обеспечение защиты прав на жизнеспособные инновационные продукты сегодня приоритет для Российской Федерации. При этом не секрет, что наиболее значимыми объектами в свете сказанного являются изобретения, создание которых представляет собой сложный интеллектуальный процесс, по завершении которого полученные на него права должны быть гарантированно защищены.

Казалось бы, защиту прав в этой связи должен обеспечивать полученный правоустанавливающий документ – патент, под которым в доктрине понимается: «... имущество, оформленное в виде выданного уполномоченным органом официального документа государственного образца на бумажном или электронном носителе, который удостоверяет наличие у патентообладателя исключительного права на зарегистрированный результат интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере; содержит описание этого результата в соответствии с определенными критериями; устанавливает запрет всем участникам гражданского оборота использовать объект интеллектуальных прав без надлежащего разрешения патентообладателей или уполномоченных государственных органов; обладает экономическим потенциалом, обеспечивающим коммерческий эффект, который зависит от распоряжения исключительным правом, определяющим способ использования объекта охраны, а также позволяет удовлетворять

общественные потребности, не противоречащие принципам гуманности и морали» [2]. Между тем, несмотря на то, что патент удостоверяет три юридических факта: приоритет изобретения, авторство на указанный объект и исключительное право, практика показывает, что его наличие не всегда является той самой гарантией.

Яркими примерами сказанному являются в настоящее время судебные споры *в сфере служебных изобретений* – стратегически важных объектов патентного права, от создания которых во многом зависит возможность Российской Федерации противостоять, в том числе, санкционному давлению. И здесь, представляется, действующее законодательство должно максимально удовлетворять интересы граждан, которые должны быть мотивированы не только на их создание, но и на достойное вознаграждение за свой труд. Правоприменительная практика, однако, демонстрирует недостаточность правового регулирования в данной сфере правоотношений, что нередко оборачивается для их субъектов необходимостью отстаивать свои интересы в суде. Так, в некоторых случаях авторы (работники) запатентованных служебных объектов сталкиваются с необходимостью доказывать действительность патентов, полученных работодателями, а затем (с целью ухода от выплаты авторского вознаграждения) ими же и оспоренных по мотивам неслужебного характера [3]. В других ситуациях сами авторы изобретений спорят со служебным характером созданных ими ранее изобретений, чем вынуждают работодателей доказывать обратное [4]. При этом из вынесенных по данным делам решений следует, что во всех этих случаях та или иная сторона пользуется пробелами главы 72 ГК РФ с целью обойти закон и получить необоснованные преимущества из-за его несовершенства. Примечательно, однако, что решить проблему недостаточности правового регулирования нередко удается путем обращения

Суда именно к доктрине эстоппеля⁶, помогающей эффективно пресечь недобросовестное поведение участников гражданских правоотношений.

Заключение

Подводя итог сказанному, выделим главное:

1. В условиях беспрецедентного санкционного давления приобретает огромное значение правовое регулирование, гарантирующее полноценную защиту интеллектуальных прав создателей (правообладателей) инновационных продуктов. Вместе с тем практика СИП показывает, что существующего правового поля, которое бы отвечало данному запросу общества, сегодня недостаточно, что порождает проблему недобросовестного поведения участников гражданских правоотношений, нередко использующих имеющиеся законодательные пробелы.

2. Одним из наиболее эффективных механизмов, существующих в практике Суда по интеллектуальным правам, является правило эстоппель – правовой инструмент, направленный на обеспечение последовательности в поведении субъектов гражданских правоотношений. Являясь частным проявлением принципа добросовестности, указанное правило, с одной стороны, состоит в содействии юридической безопасности субъектов, а с другой, – служит гарантией стабильности гражданских правоотношений.

3. Наличие подобного рода практики, однако, является безусловным сигналом о необходимости модернизации действующих положений ГК РФ, которые в настоящее время недостаточно гарантируют защиту интеллектуальных прав создателей жизнеспособных инновационных продуктов. Имеющиеся механизмы такой защиты должны максимально исключать обращение судов к общим принципам гражданского права, что,

⁶ См. подробнее: Решение Суда по интеллектуальным правам города Москвы от 08.08.2025 по делу № СИП-1407/2024. Картоoteca арбитражных дел [Офиц. сайт]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 24.09.2025); решение Суда по интеллектуальным правам от 06.06.2024 по делу № СИП-198/2024; решение Суда по интеллектуальным правам от 28.06.2024 по делу № СИП-199/2024; решение Суда по интеллектуальным правам от 09.08.2024 по делу № СИП-200/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.09.2025) и др.

безусловно, повлияет на удовлетворенность общества существующим законодательством об интеллектуальных правах и станет дополнительной мотивацией на создание новых перспективных разработок.

Список источников

1. Коваленко А.А. Доктрина «эстоппель» в контексте принципа добросовестности в судебной практике Российской Федерации / А.А. Коваленко // Юрист. – 2023. – № 3. – С. 55–60.

2. Будяков О.Е. Патенты, охраняющие интеллектуальные права, и их функции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Будяков Олег Евгеньевич. – Москва. – 2017. – С. 12.

3. Сергеева Н.Ю. Если правообладатель не изобретатель, или как защитить права работника (автора) от действий недобросовестного работодателя / Н.Ю. Сергеева // Труды по интеллектуальной собственности (ТИС). – 2025. – № 4. – С. 79–87.

4. Сергеева Н.Ю. Эстоппель против недобросовестного поведения в сфере служебных изобретений / Н.Ю. Сергеева // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2025. – № 6. – С. 22–28.

References

1. Kovalenko A.A. The doctrine of "estoppel" in the context of the principle of good faith in the judicial practice of the Russian Federation. *Yurist= Lawyer*. 2023. № 3. P. 55–60 (in Russ.).

2. Budyakov O.E. *Patenty, ohranyayushhie intellektual'ny'e prava, i ix funkcii=Patents protecting intellectual property rights and their functions: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03 / Budyakov Oleg Evgen'evich. – Moscow, 2017. P. 12 (in Russ.).*

3. Sergeeva N.Yu. If the copyright holder is not an inventor, or how to protect the rights of an employee (author) from the actions of an unscrupulous employer. *Trudy` po Intellektual`noj Sobstvennosti (TIS)=Works on Intellectual Property (TIS)*. 2025. № 4. P. 79–87 (in Russ.).

4. Sergeeva N.Yu. Estoppel against unfair behavior in the field of service inventions *Intellektual`naya sobstvennost`. Promy`shlennaya sobstvennost`=Intellectual property. Industrial property*. 2025. № 6. P. 22–28 (in Russ.).

Статья поступила 13.01.2025, принята к публикации: 24.02.2026.

© Сергеева Н.Ю., 2026

Научная статья

УДК 347.4

Ответственность владельцев цифровых платформ при нарушении договорных обязательств и интеллектуальных прав: постановка научной проблемы

Владислав Дмитриевич Арнаутов,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Аспирант

vdarnautov@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0009-6660-8258>

Аннотация. Статья посвящена постановке научной проблемы при рассмотрении ответственности владельцев цифровых платформ при нарушении договорных обязательств и интеллектуальных прав. В статье анализируются существующие правовые пробелы в регулировании деятельности платформ, отсутствие четких механизмов привлечения их к ответственности за действия продавцов (исполнителей) и пользователей, размещающих контент с нарушениями. На основе проведенного исследования обосновывается возможность решения поставленной научной проблемы с помощью введения субсидиарной ответственности владельцев цифровых платформ перед потребителями за нарушения обязательств продавцами (исполнителями) при условии соблюдения выведенных в работе критериев.

Ключевые слова: цифровая платформа, ответственность за нарушение обязательств, договор, исключительное право, научная проблема.

Для цитирования: Арнаутов В.Д. Ответственность владельцев цифровых платформ при нарушении договорных обязательств и интеллектуальных прав: постановка научной проблемы // IP: теория и практика. – 2026. – № 1(13).

Original article

Responsibility of digital platform owners in violation of contractual obligations and intellectual property rights: setting a scientific problem

Vladislav D. Arnautov,

Russian State Academy of Intellectual property, Moscow, Russia

Postgraduate Student

vdarnautov@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0009-6660-8258>

Abstract. The article is devoted to the formulation of a scientific problem on the topic of liability of owners of digital platforms in violation of contractual obligations and intellectual property rights. The article analyzes the existing legal gaps in the regulation of platforms, the lack of clear mechanisms for holding them accountable for the actions of sellers (performers) and users who post content with violations. Based on the conducted research, the possibility of solving this scientific problem is substantiated by introducing subsidiary liability of digital platform owners to consumers for violations of obligations by sellers (performers), provided that the criteria derived in the work are met.

Key words: digital platform, liability for breach of obligations, contract, exclusive right, scientific problem.

For citation: Arnautov V.D. Responsibility of digital platform owners in violation of contractual obligations and intellectual property rights: setting a scientific problem // IP: Theory and Practice. 2026. No.1(13).

Введение

В XXI в. стал активно развиваться сектор цифровой экономики, ключевыми игроками которого являются цифровые платформы. В настоящий момент все больше покупок потребители совершают в онлайн-сегменте, что сделало цифровые платформы (маркетплейсы, сервисы размещения объявлений) основными источниками для поиска и покупки различных товаров и услуг.

Вместе с ростом сектора цифровой экономики увеличивается влияние цифровых платформ на гражданский оборот: как на продавцов и исполнителей, ведущих деятельность на таких платформах, так и на

потребителей. Это способствует тому, что владельцы цифровых платформ используют свое положение «сильной стороны» в правоотношениях с пользователями платформ для нарушения договорных обязательств.

Помимо этого, большинство современных платформ предоставляет пользователям возможность публиковать различный контент (фотографии, текст, видеозаписи и др.) без его предварительной модерации со стороны владельцев цифровых платформ. Зачастую публикуемая пользователями информация может нарушать интеллектуальные права третьих лиц, поскольку интеллектуальная собственность используется без согласия правообладателей.

В то же время ни в отечественной доктрине, ни в законодательстве и правоприменительной практике не устанавливаются конкретные основания и пределы ответственности владельцев цифровых платформ за нарушения.

Указанные обстоятельства обуславливают актуальность проведения исследований, посвященных проблеме ответственности владельцев цифровых платформ за нарушения договорных обязательств и интеллектуальных прав.

Методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение) и специально-юридические (формально-юридический).

Основное исследование

Факторы, рассмотренные во введении настоящей статьи, обуславливают необходимость решения практических вопросов «в таких сферах, как конкуренция и защита прав потребителей»¹, а также в сфере охраны интеллектуальных прав. Однако ни отечественная цивилистическая доктрина, ни действующее законодательство не решают их в полной мере.

Вначале рассмотрим вопрос ответственности владельцев цифровых платформ за нарушения прав потребителей, приобретающих товары или

¹ Доклад «Регулирование цифровых экосистем и платформ»: сайт АНО «Цифровая экономика». URL: https://files.data-economy.ru/Docs/Otchet_4_v12.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

заказывающих услуги с использованием платформ. На практике при нарушении заключенных договоров, как следствие нарушения прав потребителей и причинения вреда, возникают споры относительно того, кто должен нести ответственность за нарушение: владелец платформы, непосредственно продавец/исполнитель (далее – Партнер) или же оба субъекта.

Разрешение спора может быть осложнено юридическим статусом Партнера на платформе (юридическое лицо, индивидуальный предприниматель или же физическое лицо без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, которое заключило сделку, не связанную с предпринимательской деятельностью, либо физическое лицо, применяющее режим налога на профессиональный доход), а также степенью непосредственной вовлеченности такой платформы в процесс продажи товаров или оказания услуг. Чтобы разрешить возникающие на практике вопросы, необходимо дифференцировать ответственность за нарушение прав и причинения вреда между цифровыми платформами и непосредственно самими Партнерами.

Как было указано ранее, контент, размещаемый пользователями цифровых платформ, может нарушать интеллектуальные права третьих лиц. Следовательно, непосредственная вина владельца цифровой платформы в распространении материалов с нарушением интеллектуальных прав отсутствует. В то же время п. 3 ст. 1250 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусматривает возможность привлечения субъектов предпринимательской деятельности, к которым относятся владельцы цифровых платформ, к безвиновной ответственности в определенных случаях.

Существующий в гражданском законодательстве институт информационного посредника частично решает вопрос об исключении ответственности владельца цифровой платформы при соблюдении критериев, которые применяются для соответствующего вида информационного

посредника, к которому относится та или иная цифровая платформа. При этом владелец цифровой платформы, используя статус информационного посредника, может «саботировать запросы суда и не выполнять их под недобросовестными предложениями» [1] в случае истребования судом доказательств нарушения интеллектуальных прав конкретным пользователем цифровой платформы.

Во взаимоотношениях с Партнерами владельцы цифровых платформ, пользуясь своим положением, могут также нарушать условия заключенных договоров: утилизировать товары продавцов, блокировать личные кабинеты без оснований и совершать иные нарушения обязательств. Такие действия представляют для исследования научный интерес, поскольку их анализ позволит выделить признаки нарушения владельцем цифровой платформы договорных обязательств и признаки злоупотребления правами.

Стоит отметить, что 2025 г. был принят Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», который «определяет правовые основы платформенной экономики в Российской Федерации и регулирует отношения, возникающие между владельцами и операторами посреднических цифровых платформ, их партнерами, пользователями и иными лицами в связи с продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг»². Указанный закон вступит в силу только 1 октября 2026 г., а часть профильных постановлений Правительства РФ во исполнение данного закона еще не принято к моменту написания настоящей статьи. Однако данный закон не решает обозначенные вопросы. Более того, из-под действия закона будут исключены полностью или частично некоторые разновидности цифровых платформ (аудиовизуальные сервисы, платформы, которые не включены в реестр посреднических цифровых платформ, и другие).

² Ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Указанные факты свидетельствуют о том, что практическое решение поставленных вопросов затруднено вследствие наличия научной и правовой неопределенности, для преодоления которой требуется проведение исследования.

Для обоснования необходимости проведения исследования по поставленной проблеме возможно также обратиться к существующим научным работам и актуальной правовой доктрине в указанной области в целом.

Некоторые отдельные вопросы регулирования деятельности цифровых платформ уже были затронуты в научных работах, однако исследования, посвященные анализу ответственности владельцев цифровых платформ в рамках договорных отношений с их пользователями, отсутствуют.

Так, А.О. Маслов в своей диссертации «Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект» проводит анализ разновидностей цифровых платформ и регулирования их деятельности преимущественно с точки зрения антимонопольного права. Объектом исследования указанного автора выступают «общественные отношения, связанные с антимонопольным регулированием экономической деятельности хозяйствующих субъектов-владельцев цифровых платформ в правовом аспекте» [2]. Автором не рассматриваются, например, вопросы ответственности владельцев цифровых платформ за нарушения, допущенные партнерами-исполнителями или продавцами таких платформ, а также вопросы нарушения интеллектуальных прав.

Еще одним примером научных работ по рассматриваемой теме можно привести диссертацию Л.А. Ханчукаевой «Злоупотребление субъектами предпринимательской деятельности доминирующим положением с использованием цифровых платформ: правовые аспекты» 2025 г. Автором также рассматривается преимущественно антимонопольное регулирование, а именно злоупотребление «субъектами предпринимательской деятельности доминирующим положением с использованием цифровых платформ» [3]. Как

и в предыдущей работе, автором не исследованы вопросы нарушения договорных обязательств.

В российской юридической доктрине существуют научные исследования, посвященные ответственности владельцев цифровых платформ перед потребителями за нарушения договорных обязательств. В качестве примеров можно привести таких авторов, как С.А. Краснова [4], К.К. Краулин [5], М.А. Рожкова [6] и др. Однако данные работы были опубликованы до принятия закона «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» и, как следствие, не учитывают актуальное правовое регулирование в исследуемой сфере.

Среди зарубежных авторов также можно отметить, например, Kreiczger-Levy, чья работа посвящена обязанностям цифровых платформ и рассматривает актуальную судебную практику в США [7].

Вопросу ответственности информационных посредников, к которым могут быть отнесены цифровые платформы, за нарушения исключительных прав в сети Интернет в российской доктрине посвящено достаточное количество исследований. Можно отметить таких авторов, как А.А. Алексейчук [8], а в части ответственности маркетплейсов (которые также являются разновидностями цифровых платформ) – Д.Ю. Борисенко [9]. Однако ими рассматриваются только некоторые разновидности цифровых платформ и не выделяются особенности ответственности владельцев цифровых платформ за нарушения интеллектуальных прав в целом.

Рассмотрим один из аспектов, обозначенных в качестве направлений исследования, а именно ответственность владельца цифровой платформы за нарушение договорных обязательств Партнером перед потребителями для формулирования существующего противоречия.

Владельцы цифровых платформ осуществляют все больше контроля над действиями Партнеров, реализующих свои товары (услуги) через платформы: осуществляют проверку товаросопроводительных документов, разрешений, лицензий; осуществляют хранение и доставку товаров; осуществляют

контроль качества товаров (услуг); осуществляют модерацию материалов, размещаемых на цифровых платформах и др. В то же время ответственность владельцев цифровых платформ за нарушение договорных обязательств не достаточно урегулирована. Пункт 2.1 ст. 12 Закона РФ «О защите прав потребителей» предусматривает, что ответственность за исполнение договора по общему правилу несет продавец (исполнитель), если иное не установлено договором или не вытекает из фактических отношений. Правоприменительная практика не содержит примеров применения данной нормы и не отражает существующих правоотношений с владельцами цифровых платформ.

Таким образом, можно сформулировать обнаруженное противоречие следующим образом: владельцы цифровых платформ фактически осуществляют контроль за деятельностью и товарами Партнеров на цифровой платформе, однако на практике не несут никакой ответственности перед потребителями за нарушение Партнерами договорных условий.

В научной литературе также отмечается, что действующее регулирование в сфере ответственности владельцев цифровых платформ недостаточно [4]. Высказываются предположения, что действующее регулирование вопросов привлечения владельцев цифровых платформ к ответственности «будет недостаточно эффективным до тех пор, пока в судебной практике не будут устранены имеющиеся противоречия, в том числе в части применения норм о владельцах агрегатора к тому или иному лицу» [5]. Иные же исследователи относятся более скептически к расширению ответственности владельцев цифровых платформ и отмечают, что при решении о привлечении к ответственности необходимо «детально разбираться в действительной природе отношений и в зависимости от их характера применять те или иные нормативные положения, в том числе положения об агентировании» [6]. На необходимость соблюдения «баланса между стимулированием развития платформ и защитой интересов всех субъектов платформенной экономики» [10] при государственном регулировании

вопросов привлечения к ответственности владельцев цифровых платформ также обращается внимание в научной доктрине.

Таким образом, приведенные выше доктринальные позиции свидетельствуют о том, что в рамках существующей доктрины выявленное противоречие не разрешено.

Указанные обстоятельства позволяют определить существующую проблему: порядок привлечения к ответственности владельцев цифровых платформ за нарушение договорных обязательств Партнерами не определен в существующих нормативном регулировании, правоприменительной практике и научной доктрине.

Для ответа на вопрос о принципиальной возможности разрешения поставленной проблемы проанализируем существующие правовые институты в сфере гражданско-правовой ответственности, а именно солидарную и субсидиарную ответственность, поскольку они подразумевают возможность привлечения к ответственности не только основного должника по обязательству, но и третьего лица.

Вначале рассмотрим возможность солидарной ответственности владельца цифровой платформы за нарушение обязательств Партнером. Сама по себе возможность привлечения к субсидиарной ответственности устанавливается либо договором, либо законом. Очевидно, что владельцы цифровых платформ не будут включать в договоры условия о солидарной ответственности с Партнером, поэтому потребуется дополнительное положение законодательства, которое установит солидарную ответственность для данных случаев. Согласно п. 1 ст. 323 ГК РФ, кредитор вправе требовать исполнения обязательства как от всех должников, так и от любого из них в отдельности, т.е. покупатель сможет предъявить требование отдельно к Партнеру, или отдельно к владельцу цифровой платформы или же сразу совместно к ним. При распространении института солидарной ответственности на владельцев цифровых платформ в случае нарушения обязательств Партнерами могут возникнуть ситуации, в которых владелец

цифровой платформы никак не мог повлиять на исполнение обязательства Партнером и проконтролировать его действия. В таких ситуациях установление солидарной ответственности окажется несправедливым по отношению к владельцу цифровой платформы, поскольку покупатель вероятнее всего пойдет по пути «наименьшего сопротивления» и предъявит полностью требования к владельцу цифровой платформы. В случае удовлетворения требований владелец цифровой платформы будет нести несоразмерные убытки.

Перейдем к рассмотрению возможности решения существующей проблемы с помощью применения института субсидиарной ответственности. Субсидиарная ответственность также устанавливается законом или договором, следовательно, для оптимального регулирования потребуется внести в законодательство соответствующее положение. В отличие от солидарной ответственности, при субсидиарной ответственности владельца цифровой платформы за действия Партнера, в соответствии с п. 1 ст. 399 ГК РФ, покупатель вначале должен будет обратиться с требованиями непосредственно к Партнеру. Только в случае, если Партнер не удовлетворит требования покупателя, он сможет обратиться с требованиями к владельцу цифровой платформы.

Однако введение субсидиарной ответственности за действия Партнеров для всех видов цифровых платформ предполагается излишним, поскольку не во всех моделях взаимодействия владельца цифровой платформы и Партнера предусматривается контроль за действиями и товарами (услугами) Партнеров со стороны владельца. Следовательно, необходимо также и предусмотреть критерии, при соблюдении которых возможно привлечь владельца цифровой платформы к субсидиарной ответственности за действия Партнера.

Первым критерием является контроль владельца цифровой платформы за деятельностью Партнера. При этом под контролем понимается: установление критериев для допуска Партнера на платформу; установление требований к товарам (услугам), в том числе к их стоимости и

ценообразованию; контроль качества товара (услуг); осуществление доставки и хранения товаров. Перечисленный перечень охватывает существующие модели взаимодействия между владельцами цифровых платформ и Партнерами к моменту написания настоящей работы.

Вторым критерием является невозможность удовлетворения требований покупателя непосредственно продавцом. Предлагаемый критерий подразумевает, что в случае ликвидации компании, смерти индивидуального предпринимателя или в случае отсутствия ответа на претензию потребителя в течение сроков, установленных Законом РФ «О защите прав потребителей» потребитель вправе будет обратиться с требованиями к владельцу цифровой платформы.

Таким образом, поставленная научная проблема об ответственности владельцев цифровых платформ за нарушения обязательств Партнерами может быть решена при помощи введения субсидиарной ответственности.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что при растущем контроле владельцев цифровых платформ за деятельностью Партнеров будет справедливым введение субсидиарной ответственности владельцев цифровых платформ перед потребителями за нарушение обязательств Партнерами. Такое нововведение позволит обеспечить баланс и предоставит дополнительную защиту потребителям в случае нарушения обязательств со стороны Партнеров.

Список источников

1. Коверченко И.И. Особенности ответственности операторов цифровых платформ за нарушение исключительных прав / И.И. Коверченко // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2025. – № 3 (49). – С. 130–141.
2. Маслов А.О. Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект: дис. ...канд. юрид. наук: 5.1.3. – Москва, 2023. – 196 с.
3. Ханчукаева Л.А. Злоупотребление субъектами предпринимательской деятельности доминирующим положением с

использованием цифровых платформ: правовые аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. – Москва, 2025. – 297 с.

4. Краснова С.А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее / С.А. Краснова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 1 (244). – С. 67–82.

5. Краулин К.К. Пределы гражданско-правовой ответственности владельцев маркетплейсов перед потребителями в РФ и США / К.К. Краулин // Цифровое право. – 2022. – Т. 3, № 3. – С. 20–42.

6. Рожкова М.А. Об ответственности агрегаторов в контексте понимания их деятельности как агентирования / М.А. Рожкова, Л.В. Кузнецова // Хозяйство и право. – 2019. – № 1. – С. 27–34.

7. Kreiczler-Levy, S. The duties of online marketplaces / S. Kreiczler-Levy // San Diego Law Review. – 2021. Т. 58, № 2. – P. 269–308.

8. Алексейчук А.А. Особенности ответственности информационных посредников за нарушения в сети: Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты: коллективная монография / А. А. Алексейчук. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный академический университет гуманитарных наук», 2023. – С. 212–229.

9. Борисенко Д.Ю. Ответственность маркетплейсов за нарушение исключительных прав в России и за рубежом / Д.Ю. Борисенко // Труды по Интеллектуальной Собственности. – 2025. Т. 53, №. 2. – С. 93–103.

10. Шелепов А.В. Регулирование цифровых платформ в России / А.В. Шелепов, О.И. Колмар // Вестник международных организаций. – 2024. Т. 19, №2. – С. 110–126.

References

1. Koverchenko I.I. Peculiarities of liability of digital platform operators for violation of exclusive rights. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam = Journal of the Intellectual Property Court*. 2025, No. 3 (49), pp. 130-141 (In Russ.).

2. Maslov A.O. Antimonopoly requirements for the functioning of digital platforms: a legal aspect: Dis... PhD of Law: 5.1.3. Moscow, 2023, 196 p (In Russ.).

3. Khanchukayeva L.A. Abuse of a dominant position by business entities using digital platforms: legal aspects: Dis... PhD of Law: 5.1.3. Moscow, 2025. p. 297 (In Russ.).

4. Krasnova S. A. The civil status of online platform operators: uncertain present and possible future. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*

= *Property relations in the Russian Federation*. 2022. No. 1 (244), pp. 67–82 (In Russ.).

5. Kraulin K. K. The limits of the civil liability of marketplace owners to consumers in the Russian Federation and the USA. *Tsifrovoye pravo = Digital law*. 2022, vol. 3, No. 3, pp. 20–42 (In Russ.).

6. Rozhkova M. A., Kuznetsova L. V. On the responsibility of aggregators in the context of understanding their activities as an agency. *Khozyaystvo i pravo = Economy and law*. 2019, No 1, pp. 27–34 (In Russ.).

7. Kreiczler-Levy S. The duties of online marketplaces. *San Diego Law Review*. 2021, vol. 58. No. 2, pp. 269–308.

8. Alekseychuk A.A. Features of responsibility of information intermediaries for online violations // Intellectual Property Rights in the Digital Age: selected aspects. Moscow: *Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "State Academic University of the Humanities" Publ.*, 2023. pp. 212–229 (In Russ.).

9. Borisenko D.Y. Responsibility of marketplaces for violation of exclusive rights in Russia and abroad. *Trudy po Intellektual'noy Sobstvennosti = Works on Intellectual Property*. 2025, vol. 53. No. 2, pp. 93–103 (In Russ.).

10. Shelepov A.V., Kolmar O.I. Regulation of digital platforms in Russia. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy = Bulletin of International Organizations*. 2024, vol. 19. No. 2, pp. 110–126 (In Russ.).

Статья поступила 13.03.2026, принята к публикации: 16.03.2026.

© Арнаутов В.Д., 2026

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Научная статья

УДК 347

Научно-техническое творчество и интеллектуальная собственность несовершеннолетних как основа технологического суверенитета России

Сергей Владимирович Иванов,

Федеральный исследовательский центр «Пушкинский научный центр биологических исследований Российской академии наук», Пушкино, Россия

Заместитель директора института по правовой и инновационной работе

Магистрант Российской государственной академии интеллектуальной собственности, Москва, Россия

ser.vla.ivanov@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0000-2227-1723>

Аннотация. Статья посвящена правовому анализу места и роли научно-технического творчества несовершеннолетних в обеспечении технологического суверенитета и достижении технологического лидерства России. Исследованы отдельные аспекты правового статуса несовершеннолетних граждан в контексте их прав на интеллектуальную собственность. В этой связи отдельное внимание уделено патентоспособным объектам интеллектуальных прав, создаваемым несовершеннолетними обучающимися в процессе освоения ими образовательных программ различных уровней, а также особенностям реализации их прав на такие результаты интеллектуальной деятельности. Предлагается ввести в нормативный и научный оборот такие понятия, как «учебные результаты интеллектуальной деятельности» («учебные РИД»), «образовательные РИД», «учебные изобретения» и др. Вносятся предложения по совершенствованию гражданского законодательства по рассматриваемой в статье проблематике.

Ключевые слова: несовершеннолетние, научно-техническое творчество, интеллектуальная собственность, учебные результаты интеллектуальной деятельности, технологический суверенитет, трансфер технологий

Для цитирования: Иванов С.В. Научно-техническое творчество и интеллектуальная собственность несовершеннолетних как основа технологического суверенитета России // IP: теория и практика. – 2026. – № 1 (13).

Scientific and technical creativity and intellectual property of minors as the basis of technological sovereignty of Russia

Sergey V. Ivanov,

Federal State Budgetary Scientific Institution, Federal Research Center, Pushchino Scientific Center for Biological Research, Russian Academy of Sciences, Pushchino, Russia

Deputy Director of the Institute for Legal and Innovation Work

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Master's Student

ser.vla.ivanov@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0000-2227-1723>

Abstract. The article is devoted to a legal analysis of the place and role of scientific and technical creativity of minors in ensuring technological sovereignty and achieving technological leadership in Russia. The article examines certain aspects of the legal status of minors in the context of their intellectual property rights. In this regard, special attention is paid to patentable objects of intellectual rights created by underage students in the process of mastering educational programs at various levels, as well as the specifics of the implementation of their rights to such intellectual property results. It is proposed to introduce into the normative and scientific circulation such concepts as "educational results of intellectual activity" ("educational RID"), "educational RID", "educational inventions" and others. Proposals are being made to improve civil legislation on the issues discussed in the article.

Keywords: minors, scientific and technical creativity, intellectual property, educational results of intellectual activity, technological sovereignty, technology transfer

For citation: Ivanov S.V. Scientific and technical creativity and intellectual property of minors as the basis for Russia's technological sovereignty // IP: theory and practice. 2026. No. 1 (13).

Введение

Технологическая независимость Российской Федерации
(технологическое лидерство) – одна из семи национальных целей развития

России на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года¹. Комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер по обеспечению технологического лидерства России и экономического развития на основе отечественных технологий составляет содержание технологической политики государства² и его технологического развития³. При этом именно научно-технологическая сфера обеспечивает основу технологического суверенитета России и ее устойчивого развития.

Согласно подп. «и» п. 4 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (далее – Стратегия НТР, НТР), под технологическим суверенитетом (суверенитетом Российской Федерации в технологической сфере) понимается «способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства»⁴.

Целью научно-технологического развития России, определенной Стратегией НТР, является обеспечение независимости и конкурентоспособности государства, достижение национальных целей развития и реализации стратегических национальных приоритетов путем создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации (п. 23 Стратегии НТР). Создание возможности для выявления и воспитания талантливой молодежи, построения успешной карьеры в области науки, технологий и технологического предпринимательства, обеспечение сохранения и развития

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ, 13.05.2024, № 20, ст. 2584.

² Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 30.12.2024, № 53 (Часть I), ст. 8533.

³ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 29.05.2023, № 22, ст. 3964.

⁴ Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.03.2024, № 10, ст. 1373.

интеллектуального потенциала науки, повышение престижа профессии ученого и инженера, является ключевой задачей достижения цели НТР (п. 30 Стратегии НТР).

Интеллектуальный потенциал нации в данной сфере в первую очередь формируется за счет совокупности личностных качеств, компетенций граждан (их знаний, талантов, навыков и пр.) и условий, в которых они рождаются, развиваются и реализуются, а также за счет неразрывной взаимосвязи между образовательным, научным, научно-техническим, технологическим, промышленным потенциалом страны и взаимозависимости их развития.

Обеспечение технологического суверенитета и достижение технологического лидерства страны – процессы, требующие долгосрочного государственного стратегического планирования, а также раскрытия творческого потенциала нации, в особенности детей.

Дети, которые станут первоклассниками 1 сентября 2026 г., уже к 2037 г. достигнут 18 лет и окончат 11-й класс (получат среднее общее образование). Дети, которые пошли в первый класс в сентябре 2022 г., в 2026 г. окончат 4-й класс (начальное общее образование), а в 2030–2031 гг. уже получают основное общее образование (9 классов) и будут также стоять перед выбором следующего уровня образования, будущей специальности или профессии. Таким образом, уже данное поколение российских школьников будет участвовать в реализации большинства принятых сегодня нормативных актов, документов стратегического планирования в рассматриваемых сферах и результатов «Десятилетия науки и технологий в России» (2022–2031 гг.)⁵. Настоящее поколение малолетних граждан составит основу интеллектуального и кадрового потенциала страны, обеспечивающего суверенитет России в технологической сфере уже в ближайшей перспективе.

⁵ Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий» // Собрание законодательства РФ, 02.05.2022, № 18, ст. 3052.

В этой связи государству и обществу сегодня необходимо позаботиться о создании самых благоприятных условий для развития и стимулирования научно-технического творчества несовершеннолетних детей.

Методы

В процессе исследования была применена методология научного познания, основанная на различных методах. В частности, использованы методы теоретико-правового, сравнительно-правового, логического и системного анализа норм российского законодательства, а также положений правовой доктрины, освещающих различные аспекты реализации интеллектуальных прав несовершеннолетних, в частности на создаваемые ими результаты научно-технического творчества. В работе применялись формально-юридический (догматический) метод, метод теоретического обобщения и метод статистического анализа. Для разработки практических выводов и предложений также использовались методы ретроспективного анализа и ретрополяции (ретроспективного прогнозирования).

Основное исследование

Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России и будущим нации. Создание условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей – обязанность государства (ст. 67.1 Конституции РФ)⁶. Каждый имеет право на свободный выбор творчества, а также каждому гарантируется свобода научного, технического и других видов творчества (ст. 26 Конституции РФ).

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

В ст. 1 Конвенции о правах ребенка закреплено, что «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее»⁷. Данная международно-правовая норма нашла свое отражение в ряде норм российского законодательства, также определяющих понятие «ребенок» как лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия)⁸.

С позиции действующего гражданского законодательства Российской Федерации, несовершеннолетние в возрасте от 6 до 14 лет признаются малолетними и сделки от их имени, за исключением небольшого спектра действий, могут совершать только их родители, усыновители или опекуны (п. 1 ст. 28 ГК РФ). Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет имеют расширенный объем правомочий и совершают сделки с письменного согласия своих законных представителей – родителей, усыновителей и попечителя, за исключением сделок, названных в п. 2 ст. 26 ГК РФ.

Среди прочих исключений, перечисленных в п. 2 ст. 26 ГК РФ, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет могут самостоятельно (без согласия родителей, усыновителей и попечителя) осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности (далее – РИД), а также распоряжаться своим заработком и иными доходами, в том числе, полученными от распоряжения правами на РИД.

Определившись с некоторыми положениями технологической политики и особенностями правового статуса несовершеннолетних, следует подробнее остановиться на отдельных вопросах научно-технического творчества и интеллектуальной собственности несовершеннолетних в данных условиях.

⁷ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.

⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета, № 17, 27.01.1996; Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Российская газета, № 147, 05.08.1998; и др.

В соответствии со ст. 1228 ГК РФ каждый гражданин, творческим трудом которого создан РИД, признается автором такого результата⁹, а также наделяется соответствующими интеллектуальными правами (ст. 1226 ГК РФ). «Интеллектуальные права» являются составной частью права на «свободу творчества», – справедливо замечает А.Б. Никишов [1].

Несовершеннолетние, реализуя свое право на свободу творчества, как правило, создают объекты авторских и смежных прав. Это могут быть как первые написанные ребенком стихи, картины или уникальные танцы и исполнения, ставшие, например, популярными интернет-мемами, а также составные произведения (базы данных, интернет-сайты и др.) и сложные объекты интеллектуальных прав (аудиовизуальные произведения, мультимедийные продукты и прочие).

Следует подчеркнуть, что в доктрине сегодня подробно исследованы теоретические и практические аспекты интеллектуальных прав несовершеннолетних (Гаврилов Э.П., Рабец А.М., Сергеева Н.Ю., Бекеров О.А., Кистерев Д.Д. и др.) [2]. При этом отдельное внимание ученых уделено актуальным проблемам реализации и судебной защиты интеллектуальных прав несовершеннолетних (Ермаков А.В., Сергеева Н.Ю.) [3], особенностям коммерциализации интеллектуальной собственности несовершеннолетними (Сергеева Н.Ю.) [4], а также особенностям осуществления и защиты интеллектуальных прав несовершеннолетних в цифровой среде (Ситдикова Л.Б.) [5]. При этом вопросам их научного и технического творчества, равно как и проблемам подготовки квалифицированных кадров в контексте обеспечения технологического суверенитета России (Ромахова И.Е. и др.) [6].

В свете сказанного интересно отметить, что результатами научно-технического творчества несовершеннолетних все чаще становятся объекты патентных прав (изобретения, полезные модели, промышленные образцы), реже – нетрадиционные объекты интеллектуальных прав (селекционные

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.

достижения). Конечно, создание, например, современной топологии интегральной микросхемы несовершеннолетним лицом сегодня пока маловероятно [7].

В последние годы, однако, Федеральная служба по интеллектуальной собственности констатирует рост патентной активности среди несовершеннолетних, что является важным показателем и шагом в развитии научно-технического творчества в стране. Так, с начала 2025 г. зарегистрировано 14 заявок на патенты на изобретения и полезные модели, созданные несовершеннолетними. 1/3 таких заявок получила правовую охрану в виде патентов. В 2024 г. в общей сложности была подана 21 заявка, как и в 2023 г. Следует сказать, в 2002 г. было подано всего три такие заявки. Итого, за период 2022–2025 гг. в России зарегистрировано около 60 патентных заявок на охраняемые результаты научно-технического творчества несовершеннолетних¹⁰.

В 2025 г. российские дети-изобретатели стали победителями и призерами Международной выставки юных изобретателей IEYI-2025 (Осака, Япония). Среди их проектов: пластик на основе водорослей; система безопасной добычи торфа, включающая беспилотный СМАРТ-трактор «ТорфоТрак»; автономная система контроля и поддержания климатических параметров и концентрации CO₂ в помещении; разработка насоса системы охлаждения двигателя внутреннего сгорания (Cold Engine) и иные¹¹. В предыдущие годы «юными Кулибиными» также были созданы и другие «недетские изобретения», в том числе: перчатка-экзоскелет для космонавтов; микроводоросли для очистки водоемов от нефти; система высадки деревьев с беспилотников; надувные сани для МЧС; переносная микроГЭС и др.

¹⁰ Благоприятная установка: какие разработки патентуют дети-изобретатели: сайт ФИПС. – Москва, 01.06.2025. URL: <https://www1.fips.ru/news/blagopriyatnaya-ustanovka-kakie-razrabotki-patentuyut-deti-izobretateli/?ysclid=miphm05e9g228958768> (дата обращения: 17.01.2026).

¹¹ International Exhibition for Young Inventors IEYI-2025. URL: <https://koueki.jiii.or.jp/ieyi2025/worklist/Russia/> (дата обращения: 17.01.2026).

Вышеперечисленные и ряд прочих РИД несовершеннолетних имеют практическое значение и промышленно применимы. При должной доработке (повышении уровней готовности технологий) такие результаты научно-технического творчества уже сегодня могли бы внести вклад в укрепление экономики нашей страны и обеспечение ее технологического суверенитета. Творческий труд детей сегодня – залог достижения технологического лидерства России завтра.

Вместе с тем обладателями исключительных прав на указанные объекты нередко становятся не сами несовершеннолетние авторы, а их родители, преподаватели, наставники или организации (например, школы, колледжи, дома творчества и др.), на базе которых создаются данные результаты. Правовым инструментом в таких отношениях, как правило, становится гражданско-правовой договор (договор об отчуждении исключительного права (ст. 1234 ГК РФ), договор об отчуждении права на получение патента (ст. 1357 ГК РФ) и др.). При этом законодательно порядок и размер какой-либо обязательной выплаты несовершеннолетним авторам-учащимся не установлен.

Проблема усиливается тем, что в правоотношениях со взрослыми субъектами или организациями несовершеннолетние заведомо являются слабой стороной договора. К примеру, несовершеннолетние авторы, создавшие охраноспособный РИД в процессе обучения, выступают в отношениях с образовательными организациями не как работники, а как обучающиеся. Следовательно, они оказываются лишены гарантий, предусмотренных для работников – авторов служебных РИД. Как отмечается в этой связи в доктрине, это две разные группы правоотношений, имеющие только общие внешние признаки¹². Поэтому механизм служебных РИД в этих отношениях полностью не может быть применен по аналогии [8].

¹² Протокол заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 25.11.2016 № 15 // Журнал Суда по интеллектуальным правам. URL: <https://ipcsmagazine.ru/court/1729512/?ysclid=mkoyi1qht4279420959> (дата обращения: 17.01.2026).

По нашему мнению, РИД, создаваемые несовершеннолетними обучающимися в процессе освоения ими образовательных программ соответствующих уровней, условно можно назвать «учебными результатами интеллектуальной деятельности» («учебные РИД»). В этой связи видится целесообразным введение в нормативный и научный оборот таких понятий, как «учебные объекты интеллектуальных прав» («учебные ОИП»), «учебные изобретения», «образовательные РИД», аналогичные им и производные от них понятия.

Ключевое отличие учебных РИД от служебных РИД заключается в том, что исключительное право, первоначально возникающее у обучающегося – несовершеннолетнего автора (п. 3 ст. 1228, п. 2 ст. 1345, ст. 1347 ГК РФ), также у него и остается, не принадлежит (не передается) образовательной организации, с которой у такого автора отсутствуют трудовые отношения. Как это происходит, например, со служебными РИД (произведениями, изобретениями и др.) (ст. ст. 1295, 1370 ГК РФ и др.).

Однако для соблюдения баланса интересов сторон, образовательные организации тоже должны быть заинтересованы в «трансфере детских технологий», иметь необходимые правовые и экономические основания для практического применения (внедрения) учебных РИД, что должно найти законодательное закрепление и получить соответствующую государственную поддержку. Включая соответствующее финансовое обеспечение для выплаты вознаграждений несовершеннолетним авторам РИД и дальнейшего повышения уровня готовности таких технологий.

Решению обозначенных в статье проблем могло бы способствовать принятие и развитие следующих практических и теоретических положений.

1. В целях закрепления гарантий приоритета интеллектуальных прав несовершеннолетних авторов результатов научно-технического творчества, видится обоснованным дополнить ст. 1355 ГК РФ пунктом 2 следующего содержания:

«2. Государство признает приоритет интеллектуальных прав несовершеннолетних, являющихся авторами изобретений, полезных моделей, промышленных образцов в научной, научно-технической и технологической сферах, а также предоставляет им льготы, компенсации и вознаграждение в соответствии с законодательством Российской Федерации».

2. Предлагается также внести изменения в ст. 1246 ГК РФ (Государственное регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности), дополнив ее пунктом 7 следующего содержания:

«7. Правительство Российской Федерации вправе устанавливать ставки, порядок и сроки выплаты вознаграждения за изобретения, полезные модели, промышленные образцы, созданные несовершеннолетними авторами в процессе освоения ими образовательных программ общего образования (начального, основного, среднего), среднего профессионального образования, дополнительного образования и профессионального обучения.

Данные ставки, порядок и сроки применяются в случае, если образовательная организация и несовершеннолетний обучающийся не заключили договор, устанавливающий размер, условия и порядок выплаты вознаграждения за результаты интеллектуальной деятельности, предусмотренные абзацем первым настоящего пункта».

3. В развитие предлагаемой нормы целесообразно утверждение Правительством РФ «Правил выплаты вознаграждения за изобретения, полезные модели, промышленные образцы, созданные несовершеннолетними авторами в процессе освоения ими образовательных программ общего образования (начального, основного, среднего), среднего профессионального образования, профессионального обучения и дополнительного образования детей». Основой для их разработки могли бы послужить действующие сегодня Правила выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные

полезные модели, служебные промышленные образцы¹³, адаптированные под рассматриваемые в статье правоотношения.

4. В свою очередь, за образовательными организациями предлагается нормативно закрепить ограниченное право требовать предоставления им безвозмездной простой (неисключительной) лицензии на использование созданных учебных РИД для собственных нужд на весь срок действия их исключительного права или определенный срок (например, 3 года), но без права на возмещение расходов, понесенных организациями в связи с созданием несовершеннолетним обучающимся таких учебных изобретений, полезных моделей или промышленных образцов.

5. Вышеуказанные и другие инициативы в перспективе могли бы найти закрепление в положениях гражданского законодательства, посвященных различным видам учебных РИД. В частности, § 4 главы 72 части четвертой ГК РФ, а также, например, ст. 1370.1 ГК РФ в этом случае могут иметь следующие наименования:

«§ 4. Изобретение, полезная модель и промышленный образец, созданные в связи с выполнением служебного задания, освоением образовательных программ или при выполнении работ по договору»;

«Статья 1370.1 Учебное изобретение, учебная полезная модель, учебный промышленный образец».

Заключение

Подводя общий итог сказанному, отметим, что, безусловно, несовершеннолетние граждане являются кадровым и интеллектуальным потенциалом нашей страны, а также основой обеспечения ее технологического суверенитета уже сегодня. В ходе реализации государственной технологической политики и совершенствования правового

¹³ Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 № 1848 «Об утверждении Правил выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы» // Собрание законодательства РФ, 23.11.2020, № 47, ст. 7548.

регулирования в рассмотренных сферах роль научно-технического творчества несовершеннолетних, а также доля создаваемых ими учебных и иных РИД, несомненно, будет только расти.

Обозначенные в настоящей статье предложения могут быть положены в основу разработки концепции «образовательных РИД», в т.ч. создаваемых уже совершеннолетними обучающимися, осваивающими образовательные программы среднего профессионального, высшего образования и др. в образовательных и научных организациях, что также должно способствовать росту научного и технического творчества среди молодежи и достижению технологического лидерства России.

Список источников

1. Никишов А.Б. Право на свободу творчества в Российской Федерации: монография / А.Б. Никишов. – Москва: Проспект, 2023. – С. 33.
2. Гаврилов Э.П. Интеллектуальные права несовершеннолетних / Э.П. Гаврилов // Хозяйство и право. – 2011. – № 9. – С. 56–63.
3. Ермаков А.В. Интеллектуальные права несовершеннолетних: особенности реализации и судебной защиты / А.В. Ермаков, Н.Ю. Сергеева // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2020. – № 27. – С. 41–49.
4. Сергеева Н.Ю. Особенности коммерциализации интеллектуальной собственности несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет / Н.Ю. Сергеева // Гражданин и право. – 2020. – № 4. – С. 60–67.
5. Ситдикова Л.Б. Особенности осуществления и защиты интеллектуальных прав несовершеннолетних в цифровой среде / Л.Б. Ситдикова // Гражданское право. – 2025. – № 3. – С. 2–5.
6. Ромахова И.Е. Развитие детского технического творчества как составляющая научно-технологического суверенитета России // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 5-2. С. 310–316.
7. Интеллектуальные права: учебник / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Павловой. – Москва: Статут, 2023. – С. 677.
8. Правовые основы обеспечения трансфера технологий: учебник / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. – Москва: Проспект, 2025. – С. 177.

References

1. Nikishov A.B. *Pravo na svobodu tvorcestva v Rossijskoj Federacii = The right to freedom of creativity in the Russian Federation: a monograph.* – Moscow: *Prospekt Publ.* 2023. P. 33 (In Russ.).
2. Gavrilov E.P. Intellectual rights of minors. *Xozyajstvo i pravo = Economy and law.* 2011. No. 9. Pp. 56–63 (In Russ.).
3. Ermakov A.V., Sergeeva N.Yu. Intellectual rights of minors: features of implementation and judicial protection. *Zhurnal Suda po intellektual`ny`m pravam = Journal of the Intellectual Property Rights Court.* 2020. № 27. P. 41–49 (In Russ.).
4. Sergeeva N.Yu. Features of commercialization of intellectual property by minors between the ages of fourteen and eighteen. *Grazhdanin i pravo = Citizen and law.* 2020. No. 4. P. 60–67 (In Russ.).
5. Sitdikova L.B. Features of the implementation and protection of intellectual rights of minors in the digital environment. *Grazhdanskoe pravo = Civil law.* 2025. No. 3. P. 2–5 (In Russ.).
6. Romaxova I.E. Development of children's technical creativity as a component of scientific and technological sovereignty of Russia. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education management: theory and practice.* 2025. No. 5-2. P. 310–316 (In Russ.).
7. Intellectual property rights: textbook / under the general editorship of the candidate. jurid. Sciences, Associate Professor E.A. Pavlova. Moscow: *Statute Publ.* 2023. P. 677 (In Russ.).
8. *Pravovy`e osnovy` obespecheniya transfera texnologij = Legal foundations of technology transfer: textbook / under the general editorship of L.A. Novoselova.* Moscow. *Prospekt Publ.* 2025. P. 177 (In Russ.).

Статья поступила 13.03.2026, принята к публикации: 19.03.2026.

© Иванов С.В., 2026.

Научная статья
УДК: 347.772

Эволюция изменений в Международной классификации товаров и услуг, связанных с искусственным интеллектом и развитием робототехники

Юлия Викторовна Манкевич,

Федеральный институт промышленной собственности, Москва, Россия

Научный сотрудник отдела Международных регистрационных систем

jul-2882@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0004-4892-5114>

Аннотация. Предметом исследования является эволюция инновационных идей человека в части развития искусственного интеллекта и робототехники и ее отражение в классификации МКТУ. Объектом исследования являются термины, связанные с искусственным интеллектом и робототехникой, с указанием их базовых номеров для целей их последующего анализа. Методологически работа представляет собой аккумуляцию и сопоставление перечня товаров и услуг по 45 классам МКТУ в действующей актуальной 13-й редакции на 1 января 2026 г. и в ретроспективе. В результате были получены данные, отражающие развитие искусственного интеллекта и робототехники за период 2014–2024 гг. в версиях МКТУ 2016–2026 гг. Полученная информация позволит проследить основные закономерности технологического развития, а также может являться базой для мониторинга и прогнозирования научно-технологического ландшафта страны. Практическая значимость работы заключается в возможности использования сформулированных автором выводов для учета в работе сектора государственного управления и управления бизнесом, а также построения среднесрочных планов развития технологий искусственного интеллекта и робототехники на перспективу.

Ключевые слова: Международная классификация товаров и услуг (МКТУ), искусственный интеллект (ИИ), робототехника, роботы промышленные, технологии, инновации, устойчивое развитие.

Для цитирования: Манкевич Ю.В. Эволюция изменений в Международной классификации товаров и услуг, связанных с искусственным интеллектом и развитием робототехники // IP: теория и практика. – 2026. – № 1 (13).

Original article

The evolution of changes in the ICGS related to artificial intelligence and the development of robotics

Yulia V. Mankevich,

Federal Institute of Industrial Property, Research Associate, Department of International Registration Systems

Moscow, Russia

jul-2882@mail.ru,

<https://orcid.org/0009-0004-4892-5114>

Abstract. The subject of the study is the evolution of innovative human ideas in terms of the development of artificial intelligence and robotics and its reflection in the classification of ICTU. The subject of the study are terms related to artificial intelligence and robotics, indicating their basic numbers. In issue were used general scientific methods of analysis, synthesis and induction. Methodologically the work consists of collecting and comparing the list of goods and services in 45 classes of ICGS in current 13th edition and in retrospective period from 2013(2016) to 2026 versions. As a result data reflecting the development of artificial intelligence and robotics in 2018–2024 were obtained. This information will help to identify the main trends and patterns of technological development, as well as to predict the further growth of science and technology. This can be useful for business and public administration sector.

Keywords: International Classification of Goods and Services (Nice Classification / NCL), artificial intelligence (AI), robotics, industrial robots, technologies, innovations, sustainable development.

For citation: Mankevich Y.V. The evolution of artificial intelligence and robotics based on changes in ICGS // IP: theory and practice. 2026. No. 1 (13).

Введение

Индустрия 5.0 (пятая промышленная революция) представляет собой концепцию развития промышленности на основе совместной работы человека и технологии, которая предполагает дальнейшую цифровую трансформацию, начатую в эпоху Индустрии 4.0. В основе нее лежат принципы человеко-ориентированности, жизнестойкости и устойчивости [1].

Все это является системообразующими условиями, в которых формируются новые товары и услуги, отражающиеся в 45 классах Международной классификации товаров и услуг (далее – МКТУ) [2]. Данная классификация представляет собой перечень товаров и услуг, действующий в

рамках Ниццкого соглашения от 15.06.1957 и применяется для регистрации товарных знаков. Ежегодно в зависимости от сложившейся социально-экономической ситуации в нее вносятся изменения, формируя новые версии МКТУ. Они представляют собой добавления перечня, удаления отдельных позиций или изменения в написании перечня товаров, услуг или заголовков классов [3]. Несомненно, основными причинами важнейших изменений в данной сфере является развитие науки и техники, в частности, рост прорывных технологий, лежащих в основе развития искусственного интеллекта и робототехники.

Методы

В данном исследовании применены разнообразные исследовательские методы, на основе которых были сделаны выводы об эволюционном характере развития сферы ИИ и робототехники. В частности, методы ретроспективного анализа, позволившие обозначить круг появившихся товаров и услуг в сфере искусственного интеллекта за определенный отрезок времени ранее. Методы статистического анализа, которые позволили произвести поиск значений, дали возможность эффективно охарактеризовать числовой массив данных. Метод визуализации данных в виде графиков и диаграмм, а также дескриптивная статистика позволили систематизировать данные, полученные на основе общенаучных методов, а также представить их в виде таблиц. Метод экспертного анализа заслуживает отдельного внимания, т.к. позволяет учесть мнение сотрудников патентного ведомства, имеющих соответствующую квалификацию и опыт работы в ведомстве.

Основное исследование

Искусственный интеллект имеет множество определений в зависимости от области рассмотрения. Однако самое емкое определение – это научное направление, ставящее своей целью моделирование процессов познания и мышления, применяемых человеком методов решения задач для повышения производительности техники [4].

Робототехника – это область науки и техники, ориентированная на создание роботов и робототехнических систем, предназначенная для автоматизации сложных технологических процессов и операций для замены человека при выполнении тяжелых, утомительных и опасных работ, а также создание необходимого программно-алгоритмического обеспечения, проектирования и эксплуатации для управления роботом [5].

По словам экспертов патентного ведомства, прототипами ИИ стали станки с ЧПУ (числовое программное управление) [6].

По мере дальнейшего развития науки и техники с развитием робототехники появились гибкие производственные системы, обеспечивающие полную автоматизацию производственного цикла. Роботы находят свое применение в промышленности, а также в других сферах народного хозяйства. Так, был разработан и действует ГОСТ Р ИСО 8373-2014, по которому роботы делят на промышленные – для выполнения промышленных задач по автоматизации и сервисные (обслуживающие) – для выполнения всех остальных видов работ.

Сегодня большинство роботов являются обслуживающими. Они заняты в непромышленной сфере – в науке, медицине, сельском хозяйстве, быту, выполняют функции контроля или обслуживания оборудования в экстремальных условиях. В большинстве своем они заняты в городском хозяйстве, в медицинских учреждениях, в общественных заведениях, в домашнем хозяйстве и сфере торговли [7]. Это можно видеть по разнообразию роботов в МКТУ сегодня: роботы-хирурги, роботы-игрушки, роботы-официанты, роботы-сторожа, роботы-пылесосы, роботы-мойщики, роботы-уборщики.

Однако в своем развитии промышленные роботы прошли три этапа и проходят сейчас четвертый.

Первый этап начался в 1968 г. с применением микропроцессоров для управления роботами; такие роботы выполняли определенную заранее запрограммированную последовательность операций. *Второй этап* связан с

появлением в 1972 г. адаптивных роботов: тогда начали значительно расширяться возможности роботов из-за большого ассортимента датчиков внешней информации и более сложной самонастраивающейся системы автоматического управления на базе микропроцессорной техники. Они уже могли воспринимать внешнюю обстановку, анализировать сенсорную информацию и приспосабливаться к изменяющимся условиям эксплуатации. Такие роботы умели манипулировать неориентированными деталями, осуществлять сложные сборочные операции, реагировать на препятствия в рабочей зоне. *Третий этап* характеризуется появлением в 1980 г. роботов с элементами искусственного интеллекта. Это были роботы другого поколения, которые принципиально отличались сложностью функций и совершенством системы автоматического управления и элементами искусственного интеллекта. Они были предназначены не только для имитации физических действий человека, но и для автоматизации его интеллектуальной деятельности. Отличительной чертой таких роботов стала способность к обучению в процессе решения задач. Такой интеллектуальный робот может вести диалог с человеком, формировать модель производственной обстановки. В условиях быстрого развития нейросетевых технологий появились роботы с нейронными системами управления, в основе которых принципы нейронного управления аналогичные принципам работы мозга и нервной системы человека. Они не программируются заранее, а обучаются [8]. Такой робот системно интегрирован в производственные процессы и имеет наибольшую эффективность по сравнению с роботами предыдущих поколений.

Развитие технологий делает возможным использование устройств, механизмов, программ, с помощью которых человек создает объект, который наделяется определенными функциями для выполнения конкретных задач. Поэтому, как только такой объект становится способен выполнять конкретную задачу, он появляется в перечне МКТУ в разделе товаров или услуг. С данной целью были выявлены термины, содержащие «искусственный интеллект», «роботы» и «дроны». Необходимо также отметить, что для

изучения тенденций и обеспечения сопоставимости данных необходимо учесть и тот факт, что данные в МКТУ принимаются после предварительной подготовительной работы по сбору, представлению и обсуждению на сессию ВОИС, решением которой новый термин вносится в классификацию. В связи с этим отставание составляет 2–3 года [9].

Проследив качественные изменения в перечне товаров и услуг по 45 классам МКТУ, можно составить эволюционную картину изменений в сфере развития робототехники и искусственного интеллекта (ИИ) за указанный период.

Так, под влиянием технологических изменений класс 7 МКТУ (табл. 1), где сначала были представлены роботы-машины (в 2013 г. был введен базовый номер, который впервые дал упоминание роботам), а потом роботы промышленные (с 2016 г. как изменение базового номера 070422, где ранее значились роботы-машины), представляет специализированных роботов с искусственным интеллектом. Основные секторы экономики, которые используют сегодня роботов это – автомобильная промышленность, электронное и электрическое оборудование, химическая промышленность и металлургия. Сельскохозяйственные роботы – это роботы для мониторинга состояния растений и почвы, для пахоты земли, сева и посадки растений, прополки грядок, обрезки растений, сбора фруктов, ягод и овощей.

Данное изменение фиксируют исследователи Д. Пустохин, А. Ларина, и указывают на постоянный рост количества роботов, которые применяются на различных стадиях производства: погрузка/разгрузка, сборка, контроль [10].

ИИ в классе 7 МКТУ

Класс 7. Машины, станки, двигатели		
<i>Год введения</i>	<i>Наименование</i>	<i>Базовый номер</i>
2013/2016	Роботы-машины / Роботы промышленные	070422
2019	Роботизированные экзоскелеты, не предназначенные для медицинских целей	070582
2022	Роботы для уборки и стирки с искусственным интеллектом	070598
2023	Роботизированные манипуляторы для приготовления напитков	070611
2024	Устройства автоматические смены инструмента для промышленных роботов	070614
2026	Роботы-мойщики окон	070626
2026	Роботы-сборщики сельскохозяйственные	070627

Изменения по классу 9 (табл. 2), который априори является самым высокотехнологичным и прорывным с т.з. появления технически сложных новых терминов, показывают также усложнения в конструкциях роботов. Не удивительно, что самое большое количество терминов, связанных с искусственным интеллектом, аккумулировано именно здесь (9 терминов). В этом классе впервые появляются сначала узкоспециализированные роботы, а потом и роботы человекоподобные, предназначенные для сфер науки, обучения, уборки, досуга, развлечения и др.

ИИ в классе 9 МКТУ

Класс 9. Аппараты и инструменты для науки и исследований, оборудование для аудиовизуальных и информационных технологий, а также оборудование для спасения и защиты		
<i>Год введения</i>	<i>Наименование</i>	<i>Базовый номер</i>
2017	Роботы человекоподобные с ИИ для использования в научных исследованиях	090778
2018	Роботы лабораторные	090787
2018	Роботы обучающие	090788
2018	Роботы для охранного наблюдения	090789
2019	Роботы телеприсутствия	090822

2023	Роботы человекоподобные с функциями общения и обучения для помощи людям и их развлечения	090908
2023	Роботы человекоподобные с ИИ для приготовления напитков	090916
2023	Роботы, человекоподобные программируемые пользователем, ненастроенные	090917
2025	Роботы человекоподобные с ИИ для уборки и стирки	090953

Класс 10 (табл. 3) характеризует развитие науки и техники в области медицины, где представлены не только роботы хирургические и роботизированные экзоскелеты, но и медицинские нанороботы, которые представляют собой микроскопические устройства, которые могут манипулировать другими объектами на уровне наноразмеров.

Таблица 3

ИИ в классе 10 МКТУ

Класс 10. Приборы, инструменты, и изделия медицинские, хирургические, стоматологические, ветеринарные		
<i>Год введения</i>	<i>Наименование</i>	<i>Базовый номер</i>
2018	Роботы хирургические	100253
2019	Экзоскелеты роботизированные для медицинских целей	100264
2020	Нанороботы для медицинских целей	100278

В классе 12 (виды транспорта; табл. 4) присутствуют не только уже ставшие традиционными роботизированные автомобили, но и дроны разнообразного назначения, а также самоуправляемые роботы-доставщики. Так, роботизированные автомобили действуют на основе роботизированной коробки передач, которая имеет ряд особенностей, но робот при этом является одним из основных узлов в машине. Особенностью такого автомобиля является конструктивное сходство с механической коробкой передач, но принципом работы такое авто напоминает автоматическую коробку передач. Кроме технических особенностей работы сцепления, датчиков и

сервоприводов, роботизированная коробка может работать в разнообразных режимах: автоматическом, полуавтоматическом и мануальном¹.

Таблица 4

ИИ в классе 12 МКТУ

Класс 12. Средства транспортные, а также аппараты, перемещающиеся по земле, воде, воздуху		
<i>Год введения</i>	<i>Наименование</i>	<i>Базовый номер</i>
2016	Дроны военного назначения	120273
2016	Дроны гражданского назначения	120275
2018	Автомобили роботизированные	120300
2018	Дроны для фотосъемки	120301
2019	Дроны грузовые	120313
2022	Роботы-доставщики самоуправляемые	120335

Необходимо отметить, что дроны, или БПЛА, в зависимости от их среды использования и выполняемых задач могут иметь разную начинку и выполнять тем самым разные функции, например, услуги по наблюдению.

Таблица 5

ИИ в классе 15 МКТУ

Класс 15. Инструменты музыкальные всех типов, их части, аксессуары, сопутствующие предметы		
<i>Год введения</i>	<i>Наименование</i>	<i>Базовый номер</i>
2018	Роботизированные барабаны	150094

Класс 15 (табл. 5) представляет роботизированные барабаны, которые активно используются в музыкальной сфере как современные электронные музыкальные инструменты. Данный вид музыкальных инструментов позволяет воспроизводить звук и внешний вид ударной установки.

¹ Как ездить на машине с «роботом»: обслуживание, управление, плюсы и минусы. URL: <https://journal.sovcombank.ru/avtokrediti/kpp-robot-osobennosti> (дата обращения: 02.03.2026)
© Совкомблог. <https://journal.sovcombank.ru/avtokrediti/kpp-robot-osobennosti>.

ИИ в классе 28 МКТУ

Класс 28. Игрушки, аппараты для видеоигр, товары гимнастические и спортивные		
<i>Год введения</i>	<i>Наименование</i>	<i>Базовый номер</i>
2016	Дроны [игрушки]	280230
2016	Роботы игрушечные	280231

В классе 28 (табл. 6) представлены роботы игрушечные, которые давно присутствуют на рынке и пользуются стабильным спросом у музыкантов, и у детей.

Классы 39, 40, 41 показывают большую динамику в отражении услуг транспорта, хранения и упаковки. Так, на базе активного развития аренды развивается не только аренда промышленных роботов, но и роботов человекоподобных для развлечения и доставки.

Класс 42 предполагает развитие в виде исследований технологий ИИ и консультаций, а также аренду настраиваемых роботов-гуманоидов. Недавно появился новый термин, предполагающий расширение услуг в области ИИ в виде облачного хранения.

Таким образом, развитие ИИ и робототехники происходит по пути усложнения и специализации роботов-гуманоидов, которые все чаще присутствуют в каждом рассмотренном классе. Области присутствия также расширяются: от использования роботов в уже привычных областях промышленности и медицины роботы переходят в сферу музыки, развлечения, уборки и доставки. Анализ терминов в количественном разрезе показал приоритетные направления развития данной сферы. Основной рост приходится на 7–10, 12–42 классы. Сфера искусственного интеллекта и робототехники развивается преимущественно в следующих секторах экономики: создание и усовершенствование машин, станков, двигателей; научные и исследовательские аппараты и инструменты, оборудование для аудиовизуальных и информационных технологий, оборудование для спасения

и защиты; медицинские инструменты, в т.ч. хирургические, стоматологические и ветеринарные; транспортные средства и аппараты, перемещающиеся по земле, воде и воздуху; научные и технологические услуги.

Исследовав количественные данные МКТУ, автор предлагает агрегировать термины по базовым номерам с целью сведения их в единую таблицу, которая наглядно показывает их динамику. В таблице 7 представлено, как распределялись термины, содержащие термины ИИ, роботы, дроны, по указанным выше классам.

Таблица 7

Агрегированные данные по базовым терминам, содержащим термины ИИ

Клас с 7	Клас с 9	Клас с 10	Клас с 12	Класс 15	Класс 28	Класс 39	Класс 40	Класс 41	Класс 42	Класс 43	Класс 44	Класс 45
07042 2/ 2013 (2016)	09077 8/2017	10025 3/2018	12027 3/2016	150094/ 2018	280230 /2016	390118/ 2020	400135/ 2022	410221 /2019	420268 /2022	430212/ 2023	440232/ 2021	450251/ 2022
07058 2/2019	09078 7/2018	10026 4/2019	12027 5/2016	-	280231 /2016	390122/ 2022	-	410236/ 2022	420299 /2024	-	-	-
07059 8/2022	09078 8/2018	10027 8/2020	12030 0/2018	-	-	390131/ 2022	-	410237/ 2022	420277 /2022	-	-	-
07061 1/2023	09078 9/2018	-	12030 1/2018	-	-	390132/ 2022	-	410259 /2024	420278 /2022	-	-	-
07061 4/2024	09082 2/2019	-	12031 3/2019	-	-	390138/ 2026	-	410271/ 2026	420315 /2026	-	-	-
07062 6/2026	09090 8/2023	-	12033 5/2022	-	-	-	-	-	-	-	-	-
07062 7/2026	09091 6/2023	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	09091 7/2023	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	09095 3/2025	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Распределив данные термины по годам, автором было получены данные, характеризующие развитие сферы ИИ в период 2014–2024 гг. в версиях МКТУ 2016–2026 гг. (табл. 8).

Таблица 8

Распределение терминов ИИ в классах МКТУ по годам

<i>Классы</i>	<i>7</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>12</i>	<i>15</i>	<i>28</i>	<i>39</i>	<i>40</i>	<i>41</i>	<i>42</i>	<i>43</i>	<i>44</i>	<i>45</i>	Итог о терм инов (ед.) по годам
2016 (2013)	1	-	-	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	5
2017	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
2018	-	3	1	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	7
2019	1	1	1	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	5
2020	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	2
2021	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1
2022	1	-	-	1	-	-	3	1	2	3	-	-	1	12
2023	1	3	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	5
2024	1	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	3
2025	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
2026	2	-	-	-	-	-	1	-	1	1	-	-	-	5
Итого по классам	7	9	3	6	1	2	5	1	5	5	1	1	1	-
КЛАССЫ	<i>13</i>													47

Так, начиная с 2016 (2013) г. наряду с пиковыми значениями роста в 2018 и 2022 гг. со значениями в 7–12 ед. новых терминов. Отмечаются периоды роста в 5 ед. (2019, 2023, 2026 гг.), а также годы относительного падения и (или) стагнации – в 2017, 2021, 2025 гг. значения находились на одном и том же уровне – в количестве 1 ед. новых терминов. Это говорит о сложности и капиталоемкости разработок, которые обозначены такими терминами.

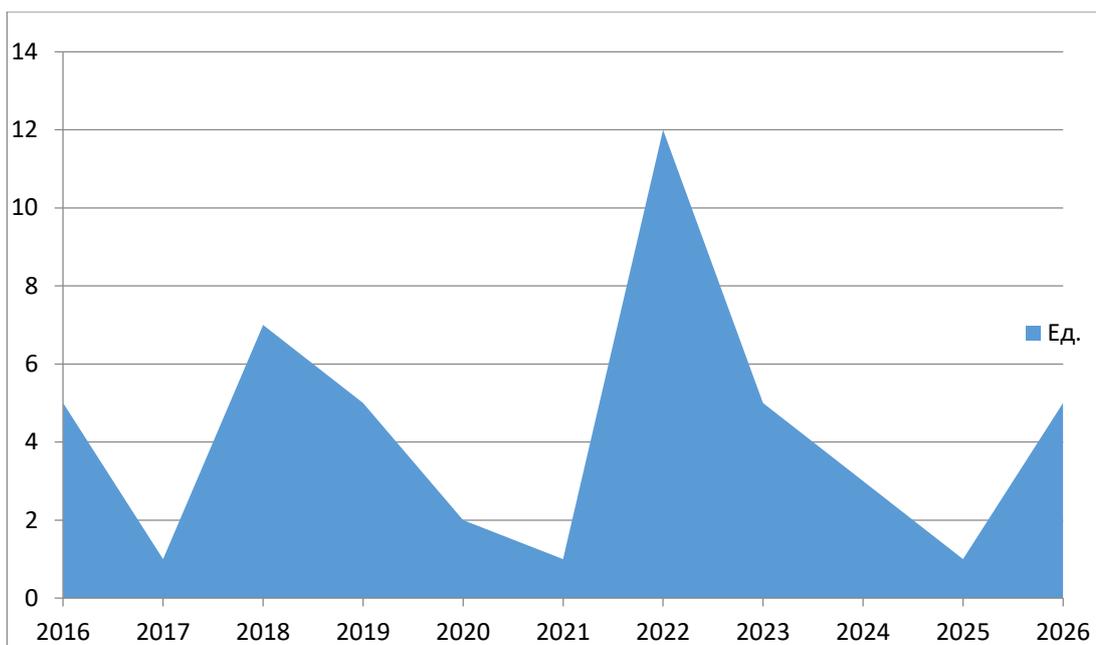

Рис. 1. Линия тренда роста ИИ по годам в версиях МКТУ

Анализируя тренд, представленный на рис. 1, необходимо сделать вывод об устойчивом росте и последовательном развитии сферы искусственного интеллекта и робототехники. Более же детальный анализ развития ИИ и робототехники позволяет говорить об устойчивом росте, что показывает восходящая линия тренда, которая свидетельствует об увеличении наработок в данной сфере.

Необходимо отметить, что тренд на увеличение количества и усложнение роботов отвечает общим тенденциям социально-экономического развития и ускорения развития науки и техники [11].

Однако отмечаются и негативные моменты, препятствующие устойчивому росту. Такие как внешние вызовы, нестабильность внешнеполитической обстановки, экономические кризисы [12]. Другие исследователи отмечают рост конкуренции на внутренних и внешних рынках, нехватку квалифицированных кадров, а также ограниченный доступ к ресурсам в условиях санкций [13].

Более наглядно динамика роста прослеживается на диаграмме рис. 2, где секторально обозначены годы версий МКТУ с количеством терминов.

Рис. 2. Эволюция ИИ в версиях МКТУ по годам

Заключение

Итак, эволюция изменений в МКТУ и особенно ввод новых терминов отражает развитие и совершенствование технологий искусственного интеллекта и робототехники. Термины усложняются и специализируются. Изменяется качество представленных терминов, растет их количество.

Последняя версия МКТУ показала рост количества новых терминов после незначительного падения в 2024–2025 гг. Было введено пять новых терминов, которые отражают основные тенденции дальнейшего развития в сфере ИИ. Происходит дальнейшее развитие робототехники. Так, были введены «роботы-мойщики окон» 070626 и «роботы-сборщики сельскохозяйственные» 070627, которые значительно изменили труд в области домашней и промышленной уборки, а также ускорили сбор такой сельскохозяйственной продукции, как яблоки, клубника, виноград, томаты.

О развитии класса услуг и, в частности, аренды говорит появление термина «аренда роботов-доставщиков» в классе 39. Следует отметить, что некоторыми компаниями уже было анонсировано широкое предложение по аренде таких роботов с аргументацией оптимизации затрат по доставке товаров, указывая на их относительную дешевизну по сравнению с уже

ставшими привычными услугами доставщиков, что говорит о замещении части человеческого труда в данной области.

Введение в версию 2026 г. термина «Презентация световых шоу дронов» 410271 существенно расширило представление о сферах применения дронов и стало ярким сочетанием зрелищ, музыки и развития технологий.

Ну и венцом добавления новых терминов в МКТУ стала услуга 420315 «Искусственный интеллект как услуга [Alaas]», которая представляет собой облачное решение доступа к новейшим технологиям и инновациям, основанным на интеграции с существующими системами и приложениями на дистанционной основе. Данная услуга существенно расширяет возможности компаний, повышает экономическую эффективность без необходимости привлечения крупных начальных инвестиций и тем самым, минимизирует возможные риски.

Проведенное исследование показало, что искусственный интеллект и робототехника в рамках терминов МКТУ развивается скачкообразно, но довольно последовательно. Итак, в разрезе классов изменения носят равновесный характер, практически равномерно распределяясь по классам товаров и услуг, что говорит о последовательности внесения новых товаров в МКТУ. При этом часто появление товара сопровождается дальнейшим появлением услуги. Например, вслед за появлением в МКТУ в 2016 г. 070422 «Роботы промышленные» в 2022 г. появился термин «Аренда промышленных роботов для использования в производстве» 400135. Или, например, в 2026 г. 390138 «Аренда роботов-доставщиков» появляется вслед за введением в 2022 г. 120335 «Роботы-доставщики самоуправляемые».

Следует отметить и сопутствующее развитие товаров, относящихся к области искусственного интеллекта. Так, например, введенные в 2024 г. «Устройства автоматические смены инструмента для промышленных роботов» 070614 последовали за введением в 2016 г. термина «Роботы-промышленные» 070422.

Количественный анализ показал пороговые значения, которые здесь явились индикаторами роста и имеют потенциал для развития.

Итак, можно сделать вывод о том, что технологическое развитие происходит последовательно с увеличением количества и качества накопленных знаний, а также технологических наработок в области искусственного интеллекта и робототехники, представленных в МКТУ.

В целом внедрение робототехники позволяет обеспечивать выход на более качественный уровень развития вследствие использования более гибких производственных схем в таких секторах экономики, как автомобилестроение, судостроение, авиация, химическая, фармацевтика и биотехнология.

Список источников

1. Кочетова А.А. Индустрия 5.0 и коллаборативные роботы: тренды развития / А.А. Кочетова // Инновации и инвестиции. – 2024. – № 10. – С. 291–292.
2. Международная классификация товаров и услуг. 13-я редакция 2026 URL: <https://www1.fips.ru/publication-web/classification/mktu?view=index> (дата обращения: 30.01.2026).
3. ВОИС – Руководство для пользователей. URL: <https://edwaks.ru/ftpgetfile.php?id=149> (дата обращения: 29.01.2026).
4. Петрунин Ю.Ю. Искусственный интеллект. Новая философская энциклопедия. Институт философии Российской академии наук, Национальный общественно-научный фонд / Ю.Ю. Петрунин. – Москва, 2001.
5. Соловьев В.В. Основы робототехники и области ее применения: учебное пособие / В.В. Соловьев, Л.О. Лауденшлегер. – Ухта: УГТУ, 2022. – 149 с.
6. Кочетова А.А. Индустрия 5.0 и коллаборативные роботы: тренды развития / А.А. Кочетова // Инновации и инвестиции. – 2024. – № 10. – С. 291–292.
7. Международная классификация товаров и услуг. 13-я редакция 2026 URL: <https://www1.fips.ru/publication-web/classification/mktu?view=index> (дата обращения: 30.01.2026).
8. ВОИС – Руководство для пользователей. URL: <https://edwaks.ru/ftpgetfile.php?id=149> (дата обращения: 29.01.2026).

9. Петрунин Ю.Ю. Искусственный интеллект. Новая философская энциклопедия. Институт философии Российской академии наук, Национальный общественно-научный фонд / Ю.Ю. Петрунин. – Москва, 2001.
10. Соловьев В.В. Основы робототехники и области ее применения: учебное пособие / В.В. Соловьев, Л.О. Лауденшлегер. – Ухта: УГТУ, 2022. – 149 с.
11. Никитин Н.С. История научных исследований в области автоматизации производства / Н.С. Никитин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 12. – С. 390–393.
12. Смирнов А.Б. Промышленные роботы и сервисные роботы: учеб. пособие / А.Б. Смирнов, А.Н. Тимофеев. – СПб, 2019. – 139 с.
13. Ступина Е.Е. Основы робототехники: учебное пособие / Ступина Е.Е., Ступин А.А, Чупин Д.Ю., Каменев Р.В. – Новосибирск: Агентство «Сибпринт», 2019. – 160 с.
14. Манкевич Ю.В. Социально-экономическое развитие страны в зеркале изменений услуг в классах МКТУ / Ю.В. Манкевич // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2025. – № 4. – С. 59–69.
15. Пустохин Д.А. Промышленные роботы и промышленная автоматизация / Д.А. Пустохин, А.Н. Ларина // Система менеджмента качества: опыт и перспективы. – 2020. – № 9. – С. 288–292.
16. Романов Р.М. Искусственный интеллект как фактор социально-экономического развития; Место и роль России в мировой экономике: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, посвященной 90-летию со дня рождения И.М. Русанова / Под ред. Л.А. Карасевой, Н.В. Новиковой. – Москва. – С. 165–170.
17. Береснев Е.М. Анализ динамичных темпов развития робототехники и искусственного интеллекта / Е.М. Береснев, П.А. Беспалова // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2024. – № 12. – С. 279–282.
18. Антонов-Дружинин П.В. О сущности и эволюции понятия искусственного интеллекта / П.В. Антонов-Дружинин // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2025. – № 2. – С. 82–86.

References

1. Kochetova A.A. Industry 5.0 and collaborative robots: development trends. *Innovatsii i investitsii = Innovations and Investments*. 2024. No. 10. Pp. 291–292 (in Russ.).

2. International Classification of Goods and Services. 13th edition, 2026. URL: <https://www1.fips.ru/publication-web/classification/mktu?view=index> (date of access: 30.01.2026) (in Russ.).
3. WIPO. User Guide. URL: <https://edwaks.ru/ftpgetfile.php?id=149> (date of access: 29.01.2026) (in Russ.).
4. Petrunin Yu.Yu. Artificial intelligence. *Novaya filosofskaya entsiklopediya = New Philosophical Encyclopedia* / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National Social and Scientific Foundation. – Moscow, 2001 (in Russ.).
5. Solovev V.V., Laudenshleger L.O. Fundamentals of robotics and its application areas: textbook. Ukhta: *UGTU Publ.*, 2022. 149 p. (in Russ.).
6. Nikitin N.S. History of scientific research in the field of production automation. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2019. No. 12. Pp. 390–393 (in Russ.).
7. Smirnov A.B., Timofeev A.N. Industrial robots and service robots: textbook. Saint Petersburg, 2019. 139 p. (in Russ.).
8. Stupina E.E., Stupin A.A., Chupin D.Yu., Kamenev R.V. Fundamentals of robotics: textbook. – Novosibirsk: *Sibprint Publ.*, 2019. 160 p. (in Russ.).
9. Mankevich Yu.V. Socio-economic development of the country in the mirror of changes in services in the classes of the ICGS. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava = Patents and Licenses. Intellectual Rights*. 2025. No. 4. Pp. 59–69 (in Russ.).
10. Pustokhin D.A., Larina A.N. Industrial robots and industrial automation. *Sistema menedzhmenta kachestva: opyt i perspektivy = Quality Management System: Experience and Prospects*. 2020. No. 9. Pp. 288–292 (in Russ.).
11. Romanov R.M. Artificial intelligence as a factor of socio-economic development; *Mesto i rol' Rossii v mirovoi ekonomike: materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya I. M. Rusanova = The Place and Role of Russia in the Global Economy: materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists dedicated to the 90th anniversary of the birth of I. M. Rusanov* / ed. by L.A. Karaseva, N.V. Novikova. Pp. 165–170 (in Russ.).
12. Beresnev E.M., Beshpalova P.A. Analysis of dynamic rates of development of robotics and artificial intelligence. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii = Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technologies*. 2024. No. 12. Pp. 279–282 (in Russ.).

13. Antonov-Druzhinin P.V. On the essence and evolution of the concept of artificial intelligence. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki = Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*. 2025. No. 2. Pp. 82–86 (in Russ.).

Статья поступила 16.03.2026, принята к публикации: 20.03.2026.

© Манкевич Ю.В., 2026.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 332.1

Современные проблемы обеспечения продовольственной безопасности России

Алексей Павлович Соколов¹, Айгуль Ильдусовна Садыкова²

¹ Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры цифровой экономики и предпринимательства

sap9556565@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6961-8632>

² Государственный университет просвещения, Москва, Россия

Кандидат экономических наук, доцент кафедры финансово-экономического и бизнес-образования

aigul-211159@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2807-9577>

Аннотация. В статье приведен обзор основных проблем обеспечения продовольственной безопасности России в современных условиях. Особое внимание уделено двум группам проблем: экономической и физической доступности продовольствия. Выбор данной классификации обусловлен утвержденной Доктриной продовольственной безопасности, где выделяются экономическая и физическая доступность продовольствия как одни из обязательных условий для обеспечения продовольственной безопасности страны. В качестве основных угроз продовольственной безопасности рассмотрены: высокий уровень зависимости от импорта машин и оборудования, дефицит кадров в АПК, высокий уровень инфляции, существенная дифференциация населения по уровню доходов, что приводит к дифференциации в потреблении и уровню жизни.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, инфляция, уровень жизни, уровень доходов, уровень бедности.

Для цитирования: Соколов А.П. Современные проблемы обеспечения продовольственной безопасности России / А.П. Соколов, А.И. Садыкова // IP: теория и практика. № 1 (13). 2026.

Original article

Current Problems of Ensuring Food Security in Russia

Aleksey P. Sokolov¹, Aigul I. Sadykova²

¹ Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Digital Economy and Entrepreneurship

sap9556565@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6961-8632>

² PhD of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Financial, Economic and Business Education, State University of Education, Moscow, Russia aigul-211159@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2807-9577>

Abstract. The article provides an overview of the main problems of ensuring food security in Russia in modern conditions. Particular attention is paid to two groups of problems: economic and physical availability of food. The choice of this classification is due to the approved Doctrine of Food Security, which highlights the economic and physical availability of food as one of the mandatory conditions for ensuring food security of the country. The main threats to food security are: high level of dependence on imports of machinery and equipment, shortage of personnel in the agro-industrial complex, high inflation, significant differentiation of the population by income level, which leads to differentiation in consumption and standard of living.

Keywords: food security, inflation, standard of living, income level, poverty level.

For citation: Sokolov A.P., Sadykova A.I. Modern problems related to pre-volume security of Russia // IP: theory and practice. No. 1 (13). 2026.

Введение

Обеспечение продовольственной безопасности является одной из основных задач государства. В современных условиях, обусловленных усилением санкционного давления на Россию со стороны стран Запада, данная проблема становится особенно актуальной. В то же время, на наш взгляд, в вопросах обеспечения продовольственной безопасности необходимо уделять

внимание обеспечению не только физической, но и экономической доступности продовольствия, что напрямую связано с вопросом уровня доходов населения и уровня инфляции. Также в Доктрине продовольственной безопасности¹ отдельное внимание уделено вопросам обеспечения безопасности продуктов питания и их качества. Все перечисленные элементы являются обязательными для повышения качества жизни населения и, как результат, роста ожидаемой продолжительности жизни до 80 лет, что является целевым ориентиром к 2030 г. При этом под физической доступностью продовольствия предполагается не только необходимый объем продовольствия, который должен быть не ниже рациональных норм потребления пищевой продукции, но также удовлетворение норм потребления, которые различаются в зависимости от пола, возраста, степени активности и места жительства граждан. Экономическая доступность подразумевает возможность приобретения населением продуктов питания в необходимом объеме.

Методы

В ходе исследования использовался метод анализа и группировки данных, предоставленных Федеральной службой государственной статистики. Данные представлены в статье в виде графиков и таблиц.

Основное исследование

Доктриной продовольственной безопасности определены целевые показатели продовольственной безопасности, представленные в таблице. В рамках реализации политики импортозамещения, стартовавшей в 2014 г., на сегодняшний день полное обеспечение населения продуктами питания достигнуто только по отдельным видам продуктов.

¹ Доктрина продовольственной безопасности РФ. URL. <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document108/> (дата обращения: 28.10.2026).

Показатели продовольственной безопасности [1]

Показатель	Значение
Зерно	95%
Сахар	90%
Растительное масло	90%
Мясо и мясопродукты	85%
Молоко и молокопродукты	90%
Рыба и рыбопродукты	85%
Картофель	95%
Овощи и бахчевые	90%
Фрукты и ягоды	60%
Семена основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции	75%
Соль пищевая	85%

Проблема усугубляется необходимостью импорта машин и оборудования (в 2023 г. на импорт приходился 51%), в том числе сельскохозяйственного, а также зависимостью от ввоза семян сельскохозяйственных культур и сельскохозяйственных животных. Также серьезной проблемой является дефицит пригодных для ведения сельского хозяйства земель. В России только 382 млн га (22%) приходятся на сельхозугодья, из которых на сегодняшний день засеивается и реально используется только 76 млн га. На регионы с благоприятным для выращивания культур климатом ложится нагрузка по обеспечению продовольствием не только граждан своего региона, но и фактически всей страны. В первую очередь, это регионы Южного, Северо-Кавказского, Приволжского и частично Центрального федеральных округов [1; 2].

Существенной проблемой в обеспечении физической доступности продовольствия является также дефицит кадров в агропромышленном комплексе, который обусловлен, в первую очередь, низким уровнем заработной платы работников, низкой привлекательностью отрасли для молодых специалистов.

По состоянию на апрель 2023 г., 2,2% работников получали заработную плату ниже МРОТ (рисунок 1), у более чем 60% работников размер заработной платы не достигал среднего значения по стране.

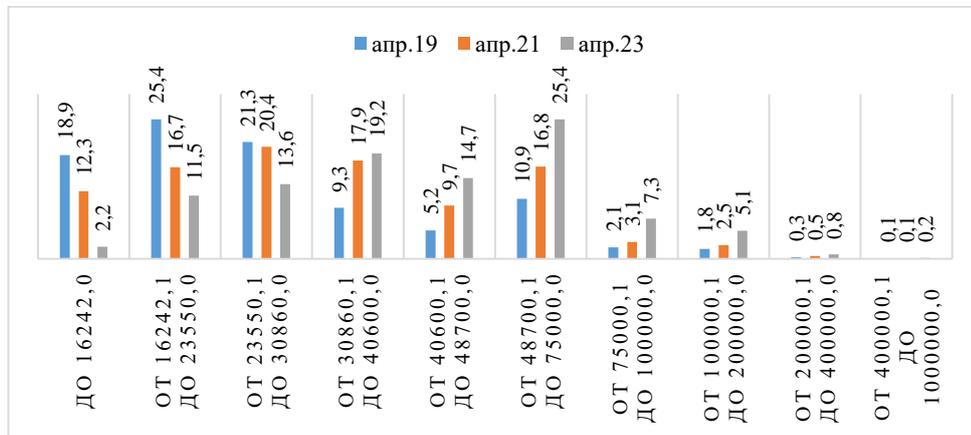

Рис. 1. Распределение численности работников сельского хозяйства, рыболовства, охоты и лесного хозяйства [3]

Основной проблемой в части обеспечения экономической доступности продовольствия следует отметить высокий уровень инфляции, приводящий к росту цен на продукты питания. По состоянию на ноябрь 2024 г., официальный уровень инфляции в годовом выражении составил 8,09% [4; 5; 6]. Реальный уровень инфляции в каждом домохозяйстве будет разным, поскольку он напрямую зависит от потребительской корзины.

Уровень реальных доходов при этом за анализируемый период рос примерно на значение официальной инфляции. По состоянию на конец III квартала 2024 г. прирост уровня реальных доходов составил 8,5%.

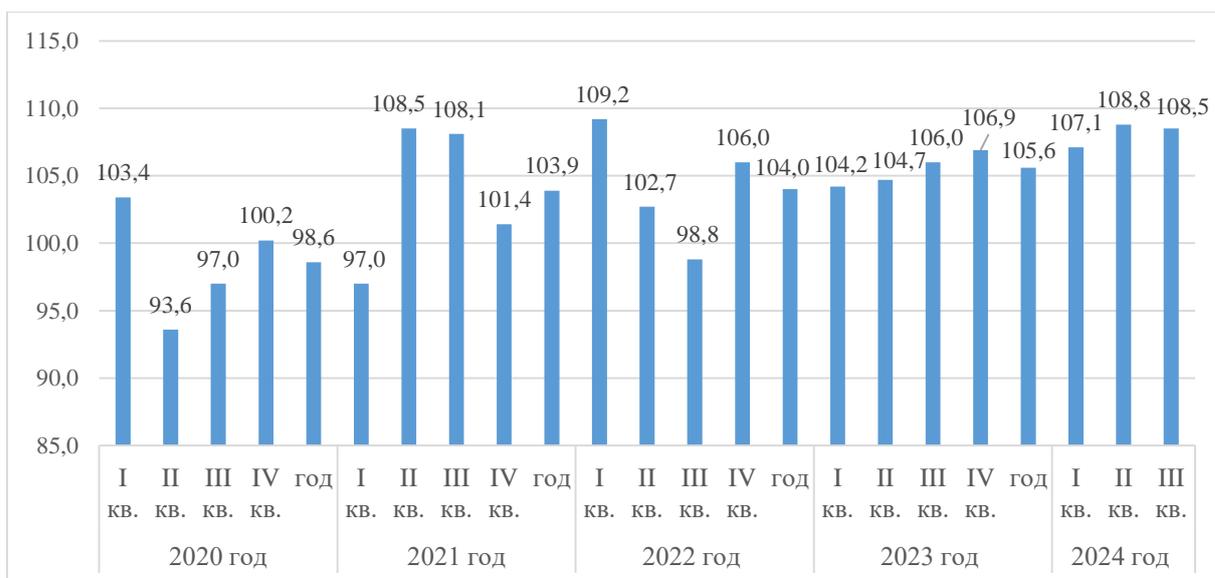

Рис. 2. Уровень реальных доходов населения [5]

В то же время следует отметить наличие существенной дифференциации населения страны по уровню доходов. Если рассматривать среднедушевые денежные доходы населения по 10-процентным (децильным) группам в абсолютной величине, то в конце 2023 г. уровень дифференциации достиг 16,5 раза [2]. Дифференциация по уровню доходов приводит к дифференциации и по уровню потребления.

Ввиду того, что граждане не могут направлять на покупку продуктов питания весь доход, интересно рассмотреть удельный вес расходов на покупку продуктов питания в общем объеме расходов населения (рисунок 3). Согласно международной практике, если удельный вес расходов на продовольствие не превышает 20%, то можно говорить об экономической доступности продовольствия. Если на продовольствие тратится больше 20%, но меньше одной трети доходов, то уровень доступности продовольствия можно считать средним, свыше одной трети, но менее 50% – низким, а свыше 50% – критическим, обычно сопровождающимся недоеданием. Как видно из рисунка, только 10% населения с наибольшими доходами направляет на покупку продуктов питания 17,9%. Доля расходов на питание в общем объеме потребительских расходов у половины населения превышает 40%, а у 4%

населения превышает 70%, что свидетельствует о низкой экономической доступности продовольствия [4]. К тому же в целях экономии средств население стремится приобретать продукты из низкой ценовой категории, что негативно сказывается на их качестве.

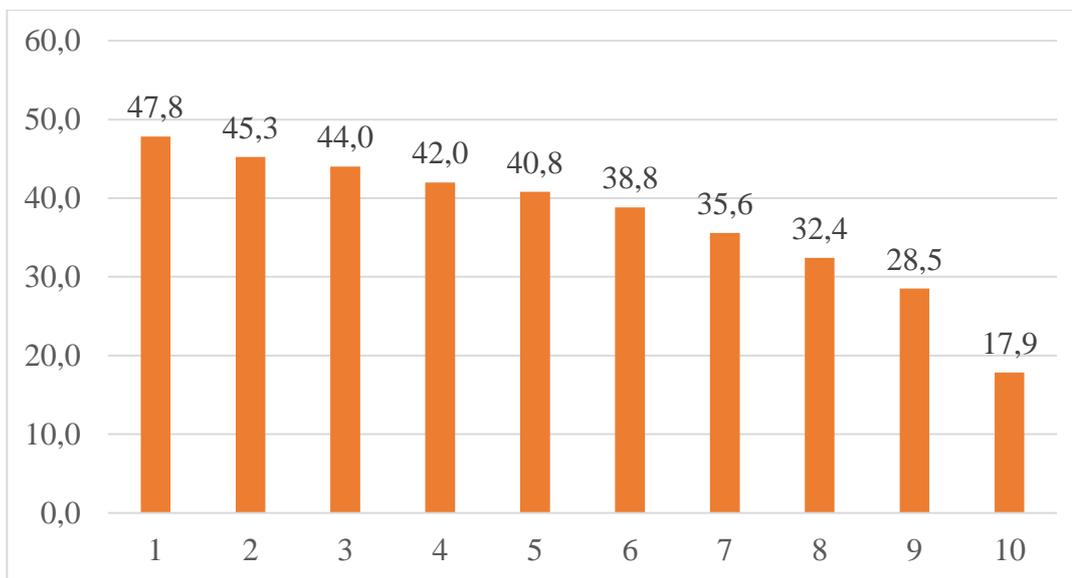

Рис. 3. Доля расходов на покупку продуктов питания в потребительских расходах домашних хозяйств в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов, по 10-процентным (децильным) группам населения, в % [4]

Также отметим, что чем меньше уровень доходов населения, тем больше предпочтение отдается продуктам из низкой ценовой категории, что также сказывается на их качественных характеристиках, составе и энергетической ценности. В структуре потребления с ростом доходов населения наблюдается рост доли продуктов животного происхождения, фруктов и ягод, рыбы и других продуктов.

Заключение

Таким образом, в современных условиях следует выделить две группы проблем обеспечения продовольственной безопасности России. С одной стороны, это проблемы, связанные с физической доступностью

продовольствия, с другой стороны – экономической доступностью продовольствия.

Проблема обеспечения физической доступности решается, но для этого необходимо длительное время, в течение которого отечественным ученым удастся вывести сорта различных культур и породы сельскохозяйственных животных, тем самым сократив зависимость от их импорта. Однако зависимость от импорта машин и оборудования остается довольно высокой. Кроме того, привлечение молодых специалистов в агропромышленный комплекс потребует дополнительных программ государственной поддержки, создания для них возможностей для жизни и карьерного роста на селе, создание соответствующей инфраструктуры.

Что касается проблем обеспечения экономической доступности, то здесь важным фактором является не только рост реальных доходов населения, но и сокращение дифференциации его по уровню доходов, борьба с бедностью. В решении данной проблемы может помочь развитие отраслей и создание новых рабочих мест. Как следует из представленных данных, чем ниже уровень доходов населения, тем выше доля расходов на продукты питания.

Список источников

1. Соколов А.П. Методические основы оценки состояния социально-экономической безопасности на региональном уровне / А.П. Соколов, М.О. Атаманчук // Региональная и отраслевая экономика. – 2023. – № 2. – С. 123–128.
2. Децильный коэффициент (соотношение минимальных доходов 10% наиболее обеспеченного населения и максимальных доходов 10% наименее обеспеченного населения). – Текст: электронный: официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://fedstat.ru/indicator/57430> (дата обращения: 01.10.2025).
3. Неравенство и бедность. – Текст: электронный: официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 01.12.2025).
4. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах. – Текст: электронный: официальный сайт Федеральной службы государственной

статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13292> (дата обращения: 02.12.2025).

5. Среднедушевые денежные доходы населения. – Текст: электронный: официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57039> (дата обращения: 01.12.2025).

6. Уровень инфляции. Текст: электронный. URL: <https://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn> (дата обращения: 01.12.2025).

References

1. Sokolov A.P., Atamanchuk M.O. Methodological Foundations for Assessing the State of Socioeconomic Security at the Regional Level. *Regional'naya i otraslevaya ekonomika = Regional and Sectoral Economics*. 2023. No. 2. Pp. 123–128 (in Russ.).

2. Decile Coefficient (the ratio of the minimum income of the 10% of the richest population to the maximum income of the 10% of the least well-off population). Text: electronic. Federal State Statistics Service. URL: <https://fedstat.ru/indicator/57430> (in Russ.).

3. Inequality and Poverty. Text: electronic. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (in Russ.).

4. Food Consumption in Households. Text: electronic. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13292> (in Russ.).

5. Per capita monetary income of the population. Text: electronic. Federal State Statistics Service. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57039> (in Russ.).

6. Inflation rate. Text: electronic. URL: <https://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn> (in Russ.).

Статья поступила 16.03.2026, принята к публикации: 19.03.2026.

© Соколов А.П., Садыкова А.И., 2026

Научная статья
УДК 338.24

**Развитие инициативного изобретательства в инновационной
деятельности организаций**

Антон Сергеевич Самосват,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия
Аспирант
asamosvat@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0002-2361-899X>

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы развития инициативного изобретательства в инновационной деятельности организаций, которые связаны с отсутствием общепринятого понятийного аппарата, применимого к понятию «инициативное изобретательство».

Проанализировано, как связаны между собой понятия «инициативное изобретательство» и «инновации». Какими типами инноваций необходимо оперировать при использовании понятия «инициативное изобретательство» в инновационной деятельности организаций. Особое внимание уделено модели развития инициативного изобретательства. Предложены решения для развития инициативного изобретательства.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, инициативное изобретательство, инициативные разработки, инновации, развитие инициативного изобретательства, модель развития инициативного изобретательства.

Для цитирования: Самосват А.С. Развитие инициативного изобретательства в инновационной деятельности организаций // IP: теория и практика. 2026. № 1 (13).

**Development of proactive invention in the innovative activities of
organizations**

Anton S. Samosvat,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia,

Postgraduate student

asamosvat@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0002-2361-899X>

Abstract. This article examines the challenges of developing proactive invention in organizational innovation, which stem from the lack of a generally accepted conceptual framework applicable to the concept of "proactive invention."

The relationship between the concepts of "proactive invention" and "innovation" is analyzed. The types of innovations that should be considered when using the concept of "proactive invention" in organizational innovation are discussed.

Particular attention is paid to a model for developing proactive invention in organizational innovation. Solutions for developing proactive invention are proposed.

Keywords: intellectual property, initiative invention, proactive development, innovations, development of initiative invention, model for the development of proactive invention.

For citation: Samosvat A.S. Development of proactive invention in the innovative activities of organizations // IP: Theory and Practice. 2026. No 1 (13).

Введение

Находясь под санкциями и ограничениями, Россия нуждается в обеспечении технологического суверенитета, что отражено в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Данный указ активно исполняется, о чем свидетельствует Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 16.07.2025 № 310-СФ «О мерах по обеспечению технологического суверенитета Российской Федерации», в котором указано, что «актуальной остается задача повышения эффективности внедрения результатов прикладных научных исследований и разработок».

Повышение эффективности результатов разработок требует не только увеличения их количества, но и тщательного анализа уже созданных

инноваций. Создание инноваций важно не только в рамках выполнения научно-исследовательских работ, но и в рамках неслужебного инициативного изобретательства сотрудников, проявивших активность по созданию нового или улучшению уже созданного объекта, т.к. «конкурентоспособность в современной экономике основана на инновациях, появляющихся как результат инициативных предложений. Анализ потока инициативных предложений, оценка и отбор наиболее перспективных из них – основа потока хорошо проработанных инновационных проектов» [1].

Развитие инициативного изобретательства является важным и необходимым условием для выполнения поставленных задач по обеспечению технологического суверенитета.

Методы

Применены методы структурно-функционального анализа, детерминизма, сравнения, дедукции/индукции, моделирования – изучение явлений путем построения условных образов и моделей.

Основное исследование

Развитие инициативного изобретательства без правильно выбранного вектора приведет к схожим показателям других систем (стран). Такое положение не сможет в полной мере обеспечить преимуществ на рынке технологий и повышения эффективности разработок, т.к. схожие новые релевантные технологии создаются в одном временном интервале разными субъектами. В качестве примера: сходство самолетов Ил-62 и VC10 [2], изобретение телефона (А.Г. Белл и Э. Грей), радио (А. Попов, Г. Маркони, Н. Тесла) и др.

Рассматривая систему развития как организм и учитывая принцип «конвергентной эволюции» [3], когда в процессе развития возникает сходство признаков между организмами различных систематических групп, необходимо принимать во внимание, что имеющийся задел в моделях развития (признаках) не всегда будет в авангарде. Параллельные системы также развивают свои модели, которые обеспечат им конкурентные преимущества.

Правильный вектор и надлежаще реализованное развитие инициативного изобретательства в инновационной деятельности организаций обеспечат место лидера в гонке технологий.

Для того, чтобы конкурировать на мировом рынке технологий, необходима разработка современной модели поддержки и развития инициативного изобретательства. С этой целью предлагается разработать современную модель для создания условий стимулирования изобретательской деятельности сотрудников при создании неслужебных инициативных разработок, особенно результатов интеллектуальной деятельности, не относящихся к основному профилю деятельности организации с учетом того, что знания, приобретенные при выполнении научно-исследовательских и/или опытно-конструкторских работ, являются передовыми, то их применение в других областях техники станет одним из источников новых технологий.

Развитие стимулирования основано на выстраивании модели паритетных социально-экономических отношений между участниками трудовых отношений в рамках инициативного изобретательства. Такое сотрудничество призвано обеспечить соблюдение прав и интересов сторон на каждом этапе жизненного цикла результата интеллектуальной деятельности, в том числе при коммерциализации и распределении прибыли.

Выстраивание политики организации, основанной на развитии инициативного изобретательства, станет ключевым элементом обеспечения технологического (научного) суверенитета и поспособствует созданию условий по выполнению задач повышения эффективности внедрения результатов прикладных научных исследований и разработок.

Эффективно внедренные разработки на базе инициативного изобретательства обеспечат увеличение прибыли, а при надлежащей патентной охране с использованием процедур, предусмотренных Договором о патентной кооперации (РСТ), открываются перспективы не только для конкуренции на мировом рынке технологий, но и для формирования имиджа страны – разработчика передовых решений.

Развитие, как любой процесс эволюции, сталкивается со своими сложностями.

Существует мнение, что «бороться с прогрессом бессмысленно, его все равно не поборешь» [4]. Разработка условий для развития инициативного изобретательства в инновационной деятельности организаций является важным элементом ускорения победы прогресса.

При наличии трудностей в развитии инициативного изобретательства в инновационной деятельности организаций, их преодоление является первостепенной задачей.

Проблемы, с которым предстоит столкнуться, следующие:

Первая – отсутствие разработанного общепринятого понятия «инициативное изобретательство» и возможности его использования в ситуациях требующих однозначного толкования;

Вторая вытекает из первой: какие именно инновации и/или РИД могут быть применены при оперировании понятием «инициативное изобретательство»?

Объединение двух проблем в одну невозможно, каждая из них требует своего глубокого анализа и решения.

Существуют различные типизации инноваций [5; 6; 7] и др. Типизация, согласно «Руководству Осло» [8], является приоритетной для использования, т.к. является наиболее известной.

Приведем классификацию по типам инноваций [8], предусматривающую градацию по четырем типам:

1. Продуктовая инновация – введение в употребление товара или услуги, являющихся новыми или значительно улучшенными по части их свойств или способов использования.

2. Процессная инновация – внедрение нового или значительно улучшенного способа производства, или доставки продукта. Сюда входят значительные изменения в технологии, производственном оборудовании и/или программном обеспечении.

3. Маркетинговая инновация – внедрение нового метода маркетинга, включая значительные изменения в дизайне или упаковке продукта, его размещении, продвижении на рынок или в назначении цены.

4. Организационная инновация – внедрение нового организационного метода в деловой практике предприятия, в организации рабочих мест или внешних связей.

С учетом приведенной типизации, необходимо проанализировать и обосновать, какие именно типы инноваций соответствуют инициативному изобретательству.

Третьей проблемой является отсутствие современной модели развития инициативного изобретательства.

Организация заинтересована в разработках по своему профилю в рамках выполняемых работ, но не всегда заинтересована в разработках по другим направлениям – неслужебные разработки. По различным причинам: политика организации (не развита инновационная деятельность), отсутствие ресурсной базы и пр.

Исключительное право на неслужебные разработки принадлежит автору, однако в силу различных причин – материальных, временных и пр., автор оставляет свою идею нереализованной.

Отсутствие единства терминологии, не развитые меры поддержки развития инициативного изобретательства, отсутствие четкой современной модели развития, экономико-математической модели оценки перспективности инноваций, созданных в рамках инициативного изобретательства, все это является проблемами на пути развития. Стоит также отметить бюрократические препятствия и социальную незащищенность работника при реализации инициативного изобретательства в инновационной деятельности организаций.

Для обеспечения технологического суверенитета и национальных интересов необходимо проведение стратегически выверенной многовекторной политики направленной на развитие инициативного

изобретательства в инновационной деятельности организаций, с учетом проблем, изложенных выше.

В качестве решений вышеназванных проблем необходимо рассмотреть следующее.

Во-первых, разработка общепринятого понятия «инициативное изобретательство». Создание условий для единообразного толкования используемого понятия в междисциплинарных областях позволит исключить ошибки, связанные с пониманием используемого термина и, как следствие, соблюдение принципа единства терминологии.

Во-вторых, необходимо располагать четким представлением об объекте, создаваемом инициативным изобретательством, свойствах, потребителях, возможностях правовой охраны и способах дальнейшей коммерциализации.

Учитывая, что инициативное изобретательство предполагает правовую охрану посредством патентных процедур «формальных методов защиты инноваций» [8], можно констатировать – продуктовые и процессные инновации в полной мере отвечают условиям патентоспособности, предусмотренным статьи 1350 и 1351 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Инициативное изобретательство необходимо рассматривать в связке с продуктовыми и процессными инновациями.

Рассмотрение маркетинговых инноваций в составе объектов, применимых к инициативному изобретательству в качестве результата интеллектуальной деятельности (промышленный образец), не предполагается.

Участие государства в регулировании политики показывает, что координация на законодательном уровне является существенным фактором развития любой сферы экономики, в том числе и интеллектуальной собственности. Необходимость прямой поддержки находит место и в трудах российских ученых: «Без сопряжения налоговых механизмов с мерами прямой поддержки, развитием инновационной инфраструктуры и институциональной среды налоговые стимулы не способны обеспечить устойчивый рост сферы

интеллектуальной собственности и связанных напрямую с ней инновационного и научно-технологического потенциала» [9].

В-третьих, предлагается участие государства в создании благоприятной среды для развития инициативного изобретательства. Например, предоставление налоговых льгот организациям, не располагающим производственными возможностями для патентования решений, созданных работниками, и пр.

Также необходимо проанализировать возможность привлечения работодателя в качестве венчурного инвестора в части предоставления имеющихся у него кадровых и материальных ресурсов для обеспечения правовой охраны посредством патентных процедур. Это даст возможность после получения патента приступить к коммерциализации созданного продукта и возврату инвестиций.

Для создания заинтересованности в таком социально-экономическом сотрудничестве, необходимо разработать модель, учитывающую возможность совместного правообладания и распоряжения исключительным правом работника и работодателя на разработку, запатентованную в рамках инициативного изобретательства в инновационной деятельности организации.

В качестве достоинств совместного правообладания можно отметить, что автор получает возможность самостоятельно искать пути коммерциализации разработки и/или нарушителей прав на патент. В случае нарушения исключительного права работодатель совместно с работником выступает патентообладателем, чье право было нарушено. В таком случае работодатель с учетом имеющихся ресурсов обеспечивает участие в патентных спорах.

Заключение

Разработка модели развития инициативного изобретательства в инновационной деятельности организации с учетом приведенных проблем и предлагаемых решений позволит патентным отделам предприятий научно-производственного сектора и иных организаций, заинтересованных в

инновационной деятельности, обеспечить надлежащую патентную охрану и защиту запатентованных разработок.

Организации, в зависимости от сферы деятельности и перспективности разработки, получают возможность переориентировать/адаптировать производственные мощности предприятия для выпуска нового продукта и/или искать другие пути коммерциализации.

Список источников

1. Куприянов К.В. Инновации. Новые задачи организаций и предприятий, переходящих к инновационной деятельности / К.В. Куприянов // Евразийское Научное Объединение. – 2018. – № 12-4(46). – С. 244–249.
2. The Observers books. The Observers book of aircraft Describing 150 aircraft with 271 illustrations / Comp. by William Green; With silhouettes by Dennis Punnett. 12. ed. London: Warner, 1963. 288 p. ill. (The Observers books).
3. Дарвин Чарлз Роберт. Происхождение видов / Чарльз Дарвин; Пер. и вводная статья К.А. Тимирязева; Под ред. акад. Н.И. Вавилова и В.Л. Комарова; Вступ. статья и общ. ред. акад. В.Л. Комарова. – Москва, Ленинград: Сельхозгиз, 1937. – Переплет, 608 с.
4. Воннегут К. Предисловие к сборнику «Табакерка из Багомбо» / К. Воннегут. – Москва: АСТ, 2011. – 384 с.
5. Пригожин А.И. Нововведение: стимулы и перспективы / А.И. Пригожин. – Москва: Политиздат, 1998. – 81 с.
6. Завлин П.Н. Оценка эффективности инноваций / П.Н. Завлин, А.В. Васильев. – СПб.: Бизнес-пресса, 1998. – 215 с.
7. Балабанов И.Т. Инновационный менеджмент: учеб. пособие для вузов / И.Т. Балабанов. – СПб.: Питер, 2017. – 304 с.
8. Руководство Осло рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям, совместная публикация ОЭСР и Евростата / Орг. экон. сотрудничества и развития, Стат. бюро европ. Сообществ; 3-е изд., [перераб. и доп.]. – Томск: ГУ Центр исследований и статистики науки, 2011. – 205, с. ил., табл.; 24.
9. Смирнова В.Р. Механизмы государственного управления сферой интеллектуальной собственности как объектом налогового стимулирования / В.Р. Смирнова // IP: Теория и практика. – 2025. – 4 (12). – С. 225–235.

References

1. Kupriyanov K. V. Innovations. New tasks for organizations and enterprises transitioning to innovative activities. *Evraziyskoe Nauchnoe Ob'edinenie = Eurasian Scientific Association*. 2018. No. 12-4(46). Pp. 244–249 (in Russ.).
2. The Observer's Books. The Observer's Book of Aircraft: describing 150 aircraft with 271 illustrations / compiled by William Green; with silhouettes by Dennis Punnett. – 12th ed. – London: Warner, 1963. – 288 p., ill. – (The Observer's Books).
3. Darwin Ch.R. On the origin of species / Ch. Darwin; transl. and introductory article by K. A. Timiryazev; ed. by acad. N. I. Vavilov and V. L. Komarov; introductory article and general editing by acad. V. L. Komarov. – Moscow, Leningrad: *Selkhozgiz Publ.* 1937. – Hardcover, 608 p. (in Russ.).
4. Vonnegut K. Preface to the collection “Bagombo Snuff Box”. – Moscow: *LLC AST Publ.* 2011. 384 p. (in Russ.).
5. Prigozhin A.I. Innovation: incentives and prospects. – Moscow: *Polizdat Publ.* 1998. 81 p. (in Russ.).
6. Zavlin P.N., Vasiliev A.V. Evaluation of innovation effectiveness. – St. Petersburg: *Business-Press Publ.* 1998. 215 p. (in Russ.).
7. Balabanov I.T. Innovation management: textbook for universities. – St. Petersburg: *Piter Publ.* 2017. 304 p. (in Russ.).
8. Oslo Manual: guidelines for collecting and analyzing innovation data: joint publication by OECD and Eurostat / Organisation for Economic Co-operation and Development, Statistical Office of the European Communities. – 3rd ed. [revised and supplemented]. – Tomsk: State Institution “Center for Science Research and Statistics”, 2011. 205 p., ill., tables; 24 cm. (in Russ.).
9. Smirnova V.R. Mechanisms of state management of the intellectual property sphere as an object of tax incentives. *IP: Theory and Practice*. 2025. Vol. 4, No. 12. Pp. 225–235 (in Russ.).

Статья поступила 15.03.2026, принята к публикации: 20.03.2026.

© Самосват А.С., 2026

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Научная статья
УДК 347.78

Издательская отрасль Китайской Народной Республики: правовая основа функционирования и развития

Сергей Сергеевич Ипполитов,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
профессор

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного
наследия имени Д.С. Лихачева,

главный научный сотрудник

Государственный научно-исследовательский институт реставрации
Москва, Россия

Доктор исторических наук

nivestnik@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3564-4271>

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу правовых и административных основ функционирования издательской отрасли Китайской Народной Республики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью углубленного понимания институциональных механизмов ключевого партнера России в условиях стратегического «поворота на Восток» и активизации гуманитарного сотрудничества. В работе систематизирована многоуровневая система регулирования, сочетающая партийное руководство и государственное администрирование. Детально исследованы ключевые регуляторные акты – Положение об управлении издательской деятельностью, Положение об управлении изданием иллюстрированных книг и Положение об управлении качеством газет и периодических изданий. Раскрыты специфические процедурные требования к созданию и деятельности издательств, механизмы идеологического и профессионального контроля на всех этапах – от тематического планирования и редакционной подготовки до полиграфического исполнения и распространения. Делается вывод о том, что китайская модель представляет собой синтез жесткого идеологического контроля, детальной правовой регламентации и внедрения высоких профессиональных стандартов, обеспечивающих функциональность издательской сферы как инструмента для реализации стратегических целей государства и Коммунистической партии Китая.

Ключевые слова: издательская отрасль КНР, регулирование СМИ, право Китая, идеологический контроль, Национальная администрация прессы и издательств (NPPA), издательские лицензии, ISBN, редакционно-издательский процесс, качество контента, партийное руководство.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Издательское дело на пространстве Шанхайской организации сотрудничества: социально-экономические, правовые, культурные и геополитические аспекты функционирования и развития» (9-ГЗ-2024-2).

Для цитирования: Ипполитов С.С. Издательская отрасль Китайской Народной Республики: правовая основа функционирования и развития // IP: теория и практика. – 2026. – № 1 (13).

The publishing industry of the People's Republic of China: the legal basis for its functioning and development

Sergey S. Ippolitov,

Russian State Academy of Intellectual Property,

Professor

D.S. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief

Researcher

The State Research Institute for Restoration

Doctor in Historical Sciences

nivestnik@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3564-4271>

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal and administrative foundations of the publishing industry of the People's Republic of China. The relevance of the research is determined by the need for an in-depth understanding of the institutional mechanisms of Russia's key partner in the context of a strategic "turn to the East" and the intensification of humanitarian cooperation. The work systematizes a multi-level regulatory system combining party leadership and state administration. Have been studied in detail – the "Regulation on the Management of Publishing Activities" and the "Regulation on the Management of the publication of illustrated books", as well as the "Regulation on the Quality Management of Newspapers and Periodicals". The specific procedural requirements for the establishment and operation of publishing houses, the mechanisms of ideological and professional control at all stages – from thematic planning and editorial preparation to printing and distribution - are disclosed. It is concluded that

the Chinese model is a synthesis of strict ideological control, detailed legal regulation and the introduction of high professional standards that ensure the functionality of the publishing sector as a tool for implementing the strategic goals of the state and the Communist Party of China.

Keywords: publishing industry of China, media regulation, Chinese law, ideological control, National Administration of Press and Publishing Houses (NPPA), publishing licenses, ISBN, editorial and publishing process, content quality, party leadership.

Funding: The study was carried out as part of the research project "Publishing in the Shanghai Cooperation Organization: Socioeconomic, Legal, Cultural, and Geopolitical Aspects of Functioning and Development" (9-GZ-2024-2).

For citation: Ippolitov S.S. The Publishing Industry of the People's Republic of China: Legal Basis for Functioning and Development // IP: Theory and Practice. 2026. No. 1 (13).

Введение

Инфраструктурный, экономический, но, главное, ментальный поворот Российской Федерации на Восток в условиях обострившегося геополитического противостояния потребовал от руководства нашей страны не только переосмысления существовавших долгие годы стереотипов, развития новых экономических связей и логистических маршрутов, но и формирования новой реальности в двусторонней гуманитарной сфере. Оказалось, что многовековое культурное и экономическое взаимодействие России со своим восточным соседом – Китайской Народной Республикой (далее – КНР) вовсе не гарантирует быстрого и точного взаимопонимания двух народов. Особенно заметны гуманитарные различия в сфере творческих индустрий, где сотрудничество двух стран развивается ускоренными темпами (в кинематографе, IT-сфере, издательской отрасли).

Поддержание и развитие издательской отрасли по самым современным инновационным стандартам является одним из важнейших элементов политики Коммунистической партии Китая. Идеологические, организационные, технологические стандарты функционирования и развития издательской отрасли закреплены в целом ряде нормативных актов,

являющихся правовой основой деятельности всех без исключения издательств страны.

Целью настоящей статьи является систематизация и анализ правовых и административных механизмов регулирования издательской отрасли КНР, выявление иерархии, ключевых инструментов и идеологических оснований.

Для достижения цели выявлены уровни и субъекты контроля, проанализированы ключевые нормативные акты, рассмотрены процедурные требования к издательствам, оценена роль системы стандартов и контроля качества, определены особенности китайской издательской модели.

Методы

Применены методы догматического (нормативно-правового) анализа, институционального анализа, систематизации и элементы сравнительно-правового подхода.

Основное исследование

Следует отметить, что изучению издательской отрасли КНР в нашей стране уделяется незаслуженно малое внимание. Между тем качественные стандарты китайского книгоиздания очень высоки, и соблюдаются на всех этапах производственного процесса: от анализа и редактирования рукописи до полиграфического производства и распространения готового тиража.

Опубликованные в нашей стране научные исследования китайской издательской отрасли малочисленны [1; 2; 3]. Причем значительная доля таких работ на русском языке принадлежит китайским специалистам, подавшим свои статьи в российские научные журналы и сборники [4; 5; 6; 7]. К сожалению, правовые вопросы функционирования издательской отрасли КНР в российских научных публикациях практически не затрагиваются.

Китайскоязычный сегмент научных публикаций, посвященных национальному издательскому делу, велик. Особенно пристальное внимание китайские исследователи уделяют вопросам авторского права. Они отмечают, что издатели часто сталкиваются с многочисленными юридическими проблемами, в том числе со спорами, возникающими из-за неясных

формулировок в издательских контрактах, потенциальным нарушением права автора на защиту целостности произведения и сложностями с защитой интеллектуального труда, вложенного в публикацию произведения. Некоторые авторы отстаивают необходимость соблюдения баланса интересов между защитой прав авторов и развитием издательской индустрии на основе соответствующих положений Закона об авторском праве, отмечая юридические дилеммы, с которыми сталкиваются издатели при внесении изменений в произведения в процессе книгоиздания. Так, предлагается на законодательном уровне обеспечить защиту прав издателей на конкретные версии произведений, признав вклад книжных издательств в их распространение [8].

Пристальное внимание китайские ученые уделяют изучению проблемы внедрения искусственного интеллекта в издательскую индустрию: от планировании выбора тематики книг и создания контента до редактирования, корректуры, печати и распространения, а также маркетингового продвижения готовых тиражей. Авторы научных статей утверждают, что подобная практика может повысить эффективность публикации и снизить затраты. Одновременно затрагиваются этические вопросы, возникающие при применении искусственного интеллекта в издательском деле. Отмечается, что, хотя искусственный интеллект открыл инновационные возможности для книгоиздательской индустрии, он также вызвал множество сложных этических дилемм [9; 10]. Многие авторы констатируют, что в области авторского права определение права собственности на контент, созданный искусственным интеллектом, вызывает трудности, и существует дискуссия по поводу разделения прав и интересов между автором оригинала, разработчиком и пользователем; сохранения конфиденциальности данных о читателях и их личной информации. Затрагивается проблема «предвзятости алгоритма», которая может приводить к дисбалансу в рекомендуемом контенте, усугубляя эффект «информационного кокона»; проблема распространения ложной информации с помощью интеллектуальных каналов связи. Поднимаются

вопросы занятости в традиционной издательской индустрии, некоторые традиционные должности находятся под угрозой ликвидации из-за ИИ [11; 12].

Однако едва ли не важнейшее место в объеме китайских исследований национальной издательской отрасли занимает изучение роли государственной идеологии. Генеральную линию и повестку всех издательств и СМИ страны определяет Отдел пропаганды ЦК КПК (中共中央宣传部) – главный идеологический штаб компартии. Именно отсюда выходят в свет постановления и циркуляры, определяющие содержательную и идейную направленность всей издательской продукции КНР [13]. Отдел пропаганды ЦК КПК оказывает влияние не только на творческую сферу, но и занимается регулированием деятельности научных журналов КНР [13].

На низовом уровне действует система партийных ячеек (党支部) внутри издательств: во всех государственных и большинстве частных (работающих по модели кооперации) издательств существуют первичные партийные организации. Главный редактор, как правило, является секретарем партийной ячейки, что гарантирует единство профессионального и идеологического руководства. Партийная ячейка проводит работу по разъяснению текущей партийной линии, осуществляет предварительный идеологический контроль над рукописями и кадровыми решениями. Дополнительным элементом партийной вертикали в издательской отрасли КНР является институт номенклатуры (система назначений): ключевые руководящие должности (главный редактор, директор издательства) относятся к партийной номенклатуре. Их назначает вышестоящий партийный комитет по главному и основному критерию: лояльности партии. Особое внимание в этом смысле уделяется студенческой прессе и университетским издательствам: «Осуществление всеобъемлющего партийного руководства – основная миссия, возложенная на университетскую прессу» [14].

Следующий уровень контроля и регулирования издательской сферы Китая – Национальная администрация прессы и издательств (NPPA, 国家新闻出版署), являющаяся главным исполнительным регулятором отрасли. Ее основной инструмент реализации партийной политики – лицензирование издательской деятельности, без которого осуществление работы издательства невозможно. Она же контролирует квоты на ISBN/ISSN для каждой книги и журнала – один из действенных рычагов контроля издательской сферы¹.

Наконец, действенным инструментом партийного и государственного контроля является система учредительства: согласно закону, у каждого СМИ и издательства должен быть государственный учредитель (вуз, академия наук, профсоюз и т.д.), который несет полную ответственность за идеологическое содержание и кадровую политику в контексте ее лояльности. Учредитель, в свою очередь, подчиняется своему партийному комитету².

Основными нормативными актами, регулирующими книгоиздание в КНР, являются Положение об управлении издательской деятельностью (出版管理条例)³ и подзаконный нормативный акт более низкого уровня – Положение об управлении изданием иллюстрированных книг (图书出版管理规定)⁴, которые во многом пересекаются и дублируют друг друга.

В ст. 2 Положения об управлении изданием иллюстрированных книг дается определение термина «книги», который используется в расширительном толковании. К нему авторы документа отнесли собственно книги, карты, новогодние открытки, рисунки, альбомы с картинками,

¹ Национальная администрация прессы и издательств. URL: <https://www.nppa.gov.cn/bsfw/xksx/cbfxl/tsspsx/> (дата обращения: 13.12.2025).

² Уведомление об изменении руководящего состава и редакции журнала China National Folk Medicine // China National Folk Medicine 30.03(2024):81. doi:10.16041/j.cnki.cn15-1175.2024.03.010. ("关于变更《中国民族医药杂志》主管单位和主办单位的公告." 中国民族医药杂志 30.03(2024):81. doi:10.16041/j.cnki.cn15-1175.2024.03.010.).

³ Положение об управлении издательской деятельностью (出版管理条例). URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2016/content_5139389.htm (дата обращения: 06.01.2026).

⁴ Положение об управлении изданием иллюстрированных книг (图书出版管理规定). URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2009/content_1399850.htm (дата обращения: 06.01.2026).

альманахи, календари с текстовым и графическим содержанием, а также иные носители контента, признанные Главным управлением печати и издательств⁵.

Под термином «издательская деятельность» в Положении об управлении издательской деятельностью понимаются публикации, печатание, размножение, импорт и распространение публикаций. Термин «публикации» в данном документе относится к газетам, периодическим изданиям, книгам, аудиовизуальной продукции, электронным публикациям и т.д.⁶

Оба положения обязывают издательства строго придерживаться «направления служения народу и социализму, придерживаться марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина и важных идей Трех представителей, научного взгляда на развитие, правильной ориентации общественного мнения и направления издательской деятельности, принципа приоритета социальных благ, объединения социальных и экономических выгод, распространения и накопления научных, технологических и культурных знаний, которые полезны для улучшения качества страны, содействия экономическому развитию, социальной гармонии и прогрессу, продвижения превосходной национальной культуры, способствуя международному культурному обмену и обогащая духовную и культурную жизнь людей»⁷.

И далее в Положении об управлении издательской деятельностью подробнейшим образом прописывается процедура учреждения издательства и те регистрационные действия, которые необходимо осуществить перед началом издательской деятельности. Стоит отметить, что сложнейшая бюрократическая процедура создания издательства в Китае разительно отличается от аналогичных процедур в Российской Федерации. Как известно, согласно Федеральному закону от 08.08.2001 № 128-ФЗ «О лицензировании

⁵ Распоряжение Государственного управления по делам печати и издательского дела. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2009/content_1399850.htm (дата обращения: 13.12.2025).

⁶ Положение об управлении издательской деятельностью (出版管理条例). URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2016/content_5139389.htm (дата обращения: 06.01.2026).

⁷ Распоряжение Государственного управления по делам печати и издательского дела. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2009/content_1399850.htm (дата обращения: 13.12.2025).

отдельных видов деятельности» лицензирование издательской деятельности в РФ было прекращено, и сегодня этим видом деятельности может заниматься любой гражданин или юридическое лицо – никаких квалификационных, организационных или иных требований к субъектам предпринимательской деятельности в издательской сфере российское государство не предъявляет. Исключение составляют средства массовой информации, чья работа в РФ регулируется Законом о СМИ, но и эта сфера издательской деятельности в РФ носит крайне либеральный характер.

В КНР организатор, претендующий на создание издающей организации или подразделения, должен пройти процедуру регистрации в течение 60 дней. За этот срок он обязан обратиться в Отдел прессы и издательства административного департамента провинции, автономного региона или муниципального образования, где он собирается заниматься своей деятельностью. При этом учредитель издательства должен соответствовать следующим условиям: иметь название и устав книгоиздательской организации; иметь «компетентное подразделение», отвечающее условиям Главного управления печати и издательского дела; иметь определенную и утвержденную сферу книгоиздательского бизнеса; зарегистрированный капитал. Главное ответственное лицо издательства должно быть гражданином Китая с полной дееспособностью, которое долгое время проживало на территории страны; иметь постоянное рабочее место в том же административном районе провинции, что и учредитель.

Контроль над издательской деятельностью не ограничивается сложной и многоступенчатой процедурой регистрации – строгому регулированию подлежит редакционно-издательский процесс, где подробно регламентированы все этапы и ответственность. Так, в Положении об управлении изданием иллюстрированных книг в ст. 19 обозначено требование, что ни одна книга не должна содержать контент, запрещенный Положением об управлении издательской деятельностью и другими соответствующими законами, постановлениями и нормативными актами штата. В соответствии со

ст. 20 «книгоиздательство внедряет систему редакционной ответственности для обеспечения соответствия содержания книг национальным законам и нормативным актам».

Следующие далее статьи подробнейшим образом регламентируют редакционно-издательский процесс, соблюдение требований к которому является обязательным для всех издающих организаций КНР. Так, в соответствии со ст. 24 книгоиздательское подразделение должно внедрить систему управления, подразумевающую четкий алгоритм выбора темы будущей книги; систему ответственности за три рецензирования рукописей; систему ответственного редактирования; систему ответственной корректуры, предварительного рецензирования книг и архивирования рукописей для обеспечения контролируемого на каждом этапе допечатной подготовки качества книгоиздательского процесса.

Регламентации подлежат даже языки и шрифт, используемые в книгах, которые должны соответствовать национальным законам и нормативным актам о языке и шрифте (ст. 25). Качество книгоиздания должно соответствовать национальным стандартам, отраслевым стандартам и административным регламентам Главного управления печати и издательского дела по качеству книгоиздания.

Как уже отмечалось выше, одним из самых действенных инструментов партийного и государственного контроля за качеством и содержанием книгоиздания в КНР является государственная монополия на выдачу ISBN – международного стандартного книжного номера (International Standard Book Number). В отличие, например, от Российской Федерации, где ISBN может свободно приобрести любое физическое или юридическое лицо, и использовать его в дальнейшем для выпуска в свет своих произведений, в Китае эта сфера находится под жестким контролем. Использование чужого ISBN или номера другой страны может привести к болезненным санкциям для издательства, вплоть до отзыва лицензии и закрытия. Статья 27 Положения об управлении изданием иллюстрированных книг определяет, что

книгоиздательское подразделение «не должно продавать или иным образом передавать название своего подразделения, китайский стандартный номер книги или национальный унифицированный номер книги какому-либо подразделению или физическому лицу»⁸.

Достаточно сложным является процесс международного сотрудничества в издательской области, одной из сторон которого выступают китайские организации. Следует отметить, что за последние несколько лет интерес китайских и российских издателей друг к другу заметно возрос. Особенно взаимное сотрудничество стало заметным в сфере полиграфии – российские издатели часто размещают заказы на изготовление тиражей своих книг в китайских типографиях, и в сфере науки, где растет количество совместных российско-китайских исследований и публикаций. При этом необходимо учитывать требования ст. 30 Положения об управлении изданием иллюстрированных книг, указывающей, что книгоиздательская организация КНР и зарубежная издательская организация, которые осуществляют совместную публикацию в Китае, должны заручиться совместной подписью обеих сторон на совместно изданных книгах, которая в свою очередь должна быть одобрена Главным управлением по делам прессы и публикаций⁹.

Типографское изготовление тиражей в Китае также подлежит регулированию: книгоиздательское подразделение должно поручать печать книг издательскому типографскому подразделению, созданному в соответствии с законом, и использовать доверенность для печати в соответствии с государственными нормативными актами (ст. 32).

Нарушение какого-либо установленного положениями правила влечет административную ответственность издательского менеджмента. Неиспользование стандартного китайского номера книги (ISBN) или национального унифицированного номера книги, штрих-кода и данных

⁸ Положение об управлении изданием иллюстрированных книг (图书出版管理规定). URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2009/content_1399850.htm (дата обращения: 11.01.2026).

⁹ Положение об управлении изданием иллюстрированных книг (图书出版管理规定). URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2009/content_1399850.htm (дата обращения: 11.01.2026).

каталога книг в соответствии с правилами; совместная публикация между китайскими и зарубежными издательствами без разрешения; печать тиража в типографии, которая не была создана в соответствии с законом – эти и целый ряд других нарушений влекут за собой штрафы, размер которых начинается от 30 000 юаней (ок. 335 000 рублей на январь 2026 г.) (статьи 51–55)¹⁰.

В издательской отрасли КНР установлен и обязателен к исполнению принцип территориальной принадлежности, применяемый для надзора за книгоизданием и управления им. Административные департаменты прессы и издательств провинций, автономных регионов и муниципалитетов, непосредственно подчиняющихся центральному правительству, осуществляют надзор и управление книгоизданием в своих административных регионах в соответствии с законом, и несут ответственность за проверку и регистрацию книгоиздательских подразделений в соответствующих административных регионах, ежегодную проверку, а также обзор и оценку качества издаваемых ими книг.

Руководство издательства должно внедрить систему рецензирования, систему управления обеспечением качества, иерархическую систему управления издательскими подразделениями, систему ежегодной проверки издательских подразделений и систему управления профессиональной квалификацией специалистов-практиков издательского дела.

Главное управление печати и публикаций несет ответственность за рецензирование книг по всей стране. Административные департаменты прессы и публикаций провинций, автономных регионов и муниципалитетов, непосредственно подчиняющихся центральному правительству, отвечают за рецензирование книг, изданных в их соответствующих административных регионах, и регулярно представляют отчеты о рецензировании в Главное управление прессы и публикаций.

¹⁰ Положение об управлении изданием иллюстрированных книг (图书出版管理规定). URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2009/content_1399850.htm (дата обращения: 11.01.2026).

Помимо перечисленных мер контроля сами книгоиздательские подразделения обязаны внедрять систему ежегодной проверки, которые проводятся каждые два года. Издательские специалисты в КНР должны обладать профессиональной квалификацией, стандарты которой также устанавливаются государством. Так, руководитель и главный редактор книгоиздательской организации должны в обязательном порядке пройти профессиональное обучение, организованное административным департаментом прессы и публикаций, прежде чем они смогут приступить к своим должностям после получения сертификата о профессиональном обучении¹¹.

Не менее жесткие требования установлены в сфере издания средств массовой информации КНР. Система регулирования СМИ в Китайской Народной Республике представляет собой сложный институциональный комплекс, сочетающий административные, правовые и партийные механизмы. В условиях цифровой трансформации и роста информационного потока задача обеспечения стабильности, надежности и идеологической выверенности медиаконтента становится приоритетной для государственных органов. Этот сегмент издательской отрасли регулируется Положением об управлении качеством газет и периодических изданий, подготовленным Государственным управлением по делам печати и издательств.¹² Положение базируется на Законе Китайской Народной Республики о качестве продукции, Правилах управления издательской деятельностью, Правилах управления публикацией газет, Правилах управления публикацией периодических изданий и ряде других законов и нормативных актов КНР.

Понятие «качество газет и периодических изданий» в Китае включает четыре элемента: качество содержания, качество редактирования, качество

¹¹ Положение об управлении изданием иллюстрированных книг (图书出版管理规定). URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2009/content_1399850.htm (дата обращения: 11.01.2026).

¹² Положение об управлении качеством газет и периодических изданий. URL: <https://journal.cumt.edu.cn/info/1095/1454.htm> (дата обращения: 11.01.2026).

издательской формы и качество печати и подразумевает два уровня: квалифицированный и неквалифицированный.

Содержательное качество издания признается при одновременном соблюдении двух условий: его соответствия установленным законодательством общим требованиям к публикуемым материалам и его соответствия тематическому профилю, утвержденному для данного издания уполномоченным органом в сфере печати. Несоблюдение любого из указанных условий влечет за собой признание контента не соответствующим качественным стандартам (ст. 4).

При оценке уровня редакторской работы применяются действующие правовые нормы, национальные и отраслевые стандарты. Для газетной продукции допустимым пределом считается наличие не более трех редакторских погрешностей на каждые десять тысяч знаков текста. Превышение данного порога означает неудовлетворительное качество редактуры. Для журналов пороговое значение установлено на уровне не более двух погрешностей на единицу издания (том, номер). Методика подсчета погрешностей для каждого типа изданий определяется специальными стандартами.

Не менее жесткие требования предъявляются к издательскому оформлению. Для газеты допускается наличие не более трех нарушений в оформлении. Для периодических журналов данный лимит увеличен до пяти нарушений на один выпуск. Конкретные виды нарушений и методика их учета регламентируются специальными документами. Несоответствие указанным стандартам ведет к признанию качества печати неудовлетворительным.

Общим руководством и координацией работ по контролю качества СМИ занимается федеральный орган управления печатью. Непосредственный мониторинг и проверка качества изданий в регионах осуществляется профильными подразделениями на уровне провинций. Все уполномоченные инстанции обязаны систематически проводить оценочные мероприятия и обеспечивать гласность их результатов.

Учредитель средства массовой информации в КНР обязан помогать издательству или издающей организации во внедрении внутренней системы менеджмента качества. Издающая организация, в свою очередь, обязана реализовать процедуры многоуровневой проверки материалов («три проверки и три корректуры»), обеспечить профессиональную подготовку кадров и нести ответственность за итоговый уровень выпускаемой продукции.

Обязательной процедурой, предусмотренной законодательством КНР о СМИ, являются контрольные мероприятия, проводимые регулярно выборочным методом. Для газет анализу подлежит полное содержание отобранных случайным способом номеров, включая основной блок и сопутствующую информацию. При проверке журналов объектом оценки является основная часть тома, а также все элементы обложки, выходные данные, оглавление, рекламные блоки и вклейки. Отбор образцов для оценки качества печати осуществляется в соответствии с профильными техническими стандартами.

В случае выявления нарушений установленных стандартов уполномоченный орган обязан в письменной форме уведомить издательство и его учредителя. Заинтересованные стороны вправе в 15-дневный срок подать мотивированное возражение с запросом повторной экспертизы.

Выявление неудовлетворительного уровня содержания, редактуры или оформления влечет за собой применение мер, предусмотренных издательским законодательством. К нарушителю могут быть применены санкции – от официального предупреждения до приостановки деятельности для устранения недостатков или даже аннулирования лицензии вышестоящим лицензирующим органом. В случаях, повлекших серьезные общественные последствия, издателя могут обязать изъять и утилизировать весь бракованный тираж (ст. 12). При обнаружении дефектов полиграфического исполнения китайское издательство обязано незамедлительно организовать изъятие или замену всего тиража. Систематический выпуск продукции, не

соответствующей стандартам качества, является основанием для привлечения к ответственности.

Впрочем, помимо «кнута», предусмотрен и «пряник»: региональные и федеральные органы управления печатью должны обеспечивать публичное признание и поощрение организаций и специалистов, демонстрирующих высокие результаты в работе по обеспечению и контролю качества периодики¹³.

Положение об управлении качеством газет и периодических изданий КНР является ключевым элементом архитектуры современного китайского медиарегулирования. Оно систематизирует и формализует подход, при котором понятие «качества» детерминируется не только рыночным успехом или профессиональными стандартами журналистики, но прежде всего критериями идеологической и политической корректности. Документ создает правовую основу для превентивного и корректирующего вмешательства государства в медиасферу, обеспечивая ее функциональность как инструмента политической коммуникации, социальной консолидации и культурного развития в рамках стратегических целей, определяемых Коммунистической партией Китая.

Анализ показывает, что китайская модель управления качеством контента представляет собой синтез жесткого идеологического контроля, внедрения профессиональных стандартов и создания стимулов для производства социально одобряемого медиапродукта. Эта модель отражает общий тренд на усиление роли государства в цифровом информационном пространстве и служит примером институционализации идеологических приоритетов в практике повседневного медиапроизводства.

¹³ Положение об управлении качеством газет и периодических изданий. URL: <https://journal.cumt.edu.cn/info/1095/1454.htm> (дата обращения: 18.01.2026).

Заключение

Проведенный анализ правовых и административных основ функционирования издательской отрасли Китайской Народной Республики позволяет сделать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, китайская издательская модель представляет собой уникальный синтез тысячелетних традиций книжной культуры и современной системы централизованного государственно-партийного управления. Ее фундаментом является неразрывное единство двух регуляторных начал: идеологического руководства Коммунистической партии Китая и детального государственного администрирования. Партийная вертикаль, включающая Отдел пропаганды ЦК КПК, систему первичных ячеек в издательствах и институт номенклатуры кадров, определяет генеральную линию и ценностные приоритеты отрасли. Государственный аппарат, возглавляемый Национальной администрацией прессы и издательств (NPPA), обеспечивает практическую реализацию этой линии через лицензирование, стандартизацию и повседневный надзор. Эта двойственность делает китайскую систему глубоко целенаправленной и управляемой, подчиняющей рыночные и творческие процессы стратегическим задачам национального развития.

Во-вторых, правовое регулирование издательской деятельности в КНР характеризуется исключительной детализацией, комплексностью и системностью. Ключевые нормативные акты – Положение об управлении издательской деятельностью и Положение об управлении изданием иллюстрированных книг охватывают весь жизненный цикл издательского продукта: от идеологического обоснования и процедуры учреждения издательства до нюансов редакционно-издательского процесса, полиграфического исполнения и распространения. Особое внимание уделяется стандартизации и контролю качества, где механизм государственной монополии на распределение ISBN выступает в качестве одного из наиболее эффективных инструментов централизованного учета и

управления тиражами. При этом правонарушения в этой сфере влекут за собой серьезные административные санкции, создавая высокие барьеры для отклонений от установленных норм.

В-третьих, специфика китайского регулирования наиболее ярко проявляется в сфере периодической печати, регулируемой отдельным Положением об управлении качеством газет и периодических изданий. Понятие «качество» здесь конструируется как многосоставное, включающее идейно-содержательный, редакторский, оформительский и полиграфический компоненты, причем идейно-политическая составляющая является определяющей. Разработанные количественные критерии оценки (например, допустимая частота ошибок на 10 000 знаков) переводят идеологические требования в плоскость измеримых параметров, создавая видимость объективности контроля. Таким образом, высокая профессиональная и техническая культура издательского дела ставится на службу целям идеологического обеспечения и социальной стабильности.

В-четвертых, представленная модель формирует значительные институциональные барьеры для международного сотрудничества, включая российско-китайское. Жесткие требования к совместным проектам, необходимость многоступенчатого согласования, контроль над полиграфической базой и распределением номеров ISBN требуют от иностранных, в том числе российских, партнеров глубокого понимания местных реалий и готовности работать в рамках заданных административных рамок. Это обуславливает прагматичный и осторожный характер сотрудничества, которое сегодня наиболее активно развивается в сферах, наименее подверженных идеологическому контролю: полиграфических услуг и отдельных направлений научной коммуникации.

В итоге правовая основа издательской отрасли КНР обеспечивает трансформацию издательского сектора в высокоорганизованную индустрию, работающую на укрепление национального суверенитета, социальной гармонии и культурной идентичности под руководством компартии.

Понимание этой логики является критически важным для выстраивания эффективного и устойчивого гуманитарного диалога с Китаем, поскольку именно в правовых нормах и административных процедурах закрепляются глубинные различия в подходах к роли информации, творчества и культурного наследия в общественном развитии. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на сравнительный анализ эффективности либеральной (российской) и жестко регулируемой (китайской) моделей в условиях цифровой трансформации медиасреды.

Список источников

1. Ленский Б.В. Китайская Народная Республика – лидер мировой книжной индустрии / Б.В. Ленский, А.Н. Воропаев, А.А. Столяров // Полиграфист. В помощь руководителю и главному бухгалтеру. – 2015. – № 1(67). – С. 19-30. – EDN TOBRSZ.
2. Ткачева Н.В. Этапы формирования китайской медиасистемы / Н.В. Ткачева // Российско-китайские исследования. – 2019. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-formirovaniya-kitayskoy-mediasistemy> (дата обращения: 13.12.2025).
3. Цыганенко А.М. Взгляд китайских и индийских специалистов на состояние и развитие способов печати в книгоиздании / А.М. Цыганенко, В.Н. Румянцев // Вестник Академии медиаиндустрии. – 2023. – № 1(33). – С. 178-187. – EDN AVNRTV.
4. Ван Сюй. Изменение взглядов на политическое функционирование СМИ в Китае / Сюй Ван // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-vzglyadov-na-politicheskoe-funktsionirovanie-smi-v-kitae> (дата обращения: 13.12.2025).
5. Вэй С. Государственный план по составлению и изданию словарей / С. Вэй: Доклады о языковой ситуации в Китае: языковая политика: Сборник статей / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2020. – С. 365–374. – EDN MEFYCC.
6. Лю Бо. Исследование инновационных издательских услуг китайских библиотек в эпоху больших данных и интернета / Бо Лю // Власть и управление на Востоке России. – 2022. – №2 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-innovatsionnyh-izdatelskih-uslug->

kitayskih-bibliotek-v-epohu-bolshih-dannyh-i-interneta (дата обращения: 13.12.2025);

7. Цзя Лэжун. Сравнительный анализ влияния глобализации на китайские и российские СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2010. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyu-analiz-vliyaniya-globalizatsii-na-kitayskie-i-rossiyskie-smi> (дата обращения: 13.12.2025).

8. Ян Цзяньхун. Проблемы с авторскими правами при редактировании произведений в издательствах // Авторские права в Китае. – 2025. – № 5. – С. 108–115. (杨挺扬."图书出版中出版者修改作品的版权困境与解决路径." 中国版权. doi:CNKI:SUN:ZGBQ.0.2025-05-008).

9. Ван Цзяньчан. Применение технологии искусственного интеллекта в книгоиздательстве // Построение новостной культуры. – 2025. – № 17. – С. 141–143. (王建昌."人工智能技术在图书出版中的应用." 新闻文化建设. doi:10.20253/j.cnki.cn10-1677/g.2025.17.045).

10. Гао Янь. Издание книги о слиянии искусственного интеллекта и человека: возможности и проблемы редактирования // Новости культурного строительства. – 2025. – № 17. – С. 138–140. (高晶."人工智能融合图书出版:编辑工作的机遇与挑战." 新闻文化建设. doi:10.20253/j.cnki.cn10-1677/g.2025.17.048).

11. Сун Пэйцянь. Дискуссия о применении и этичности искусственного интеллекта в книгоиздательстве // Журнал журналистики и исследований. – 2025. – № 16. – С. 233–236. (宋佩谦."人工智能在图书出版中的应用与伦理探讨." 新闻研究导刊. doi:10.26918/j.xwyjdk.2025.16.050).

12. Чэнь Чун. Анализ инновационного пути научно-популярного книгоиздания в эпоху искусственного интеллекта // Журнал журналистики и исследований. – 2025. № 16.12. С. 196–199. (陈冲."人工智能时代科普图书出版的创新路径探析." 新闻研究导刊. doi:10.26918/j.xwyjdk.2025.12.043).

13. Чжу Цзяньцзюнь. Уведомление Министерства пропаганды ЦК КПК о реализации концепции углубления интеграции и развития издательской деятельности // Ежегодник «Новости Китая». Под ред. Чжу Цзяньцзюня. Издательство «Ежегодник «Новости Китая»», 2023, С. 12–15. (朱鸿军 主编."中共中央宣传部印发《关于推动出版深度融合发展的实施意见》的通知".中国新闻年鉴.Ed.朱鸿军 主编.中国新闻年鉴社).

14. Лу Цзяньшэн, Лю Шаопэн. University Press реализует требования эпохи и пути, выбранные всесторонним руководством партии // Современное издательское дело. – 2023. № 3. – С. 12–20. (吕建生,and 刘少鹏."大学出版社落

References

1. Lenskiy B. V., Voropaev A. N., Stolyarov A. A. The People's Republic of China as a leader of the global book industry. *Poligrafist. V pomoshch' rukovoditelyu i glavnomu bukhgalteru* = *Polygraphist. For the Manager and Chief Accountant*. 2015. No. 1(67). Pp. 19–30. EDN TOBRSZ (in Russ.).
2. Tkacheva N.V. Stages of Chinese media system formation. *Rossiiskokitayskie issledovaniya* = *Russian-Chinese Studies*. 2019. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-formirovaniya-kitayskoy-mediasistemy> (date of access: 13.12.2025) (in Russ.).
3. Tsyganenko A.M., Rumyantsev V.N. Views of Chinese and Indian experts on the state and development of printing methods in book publishing. *Vestnik Akademii mediaindustrii* = *Bulletin of the Academy of Media Industry*. 2023. No. 1(33). Pp. 178–187. EDN AVNRTV (in Russ.).
4. Wang Xu. Changing views on the political functioning of media in China. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* = *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2015. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-vzglyadov-na-politicheskoe-funktsionirovanie-smi-v-kitae> (date of access: 13.12.2025) (in Russ.).
5. Wei S. State plan for compiling and publishing dictionaries. *Doklady o yazykovoy situatsii v Kitae: yazykovaya politika* = *Reports on the language situation in China: language policy: collection of articles*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press, 2020. Pp. 365–374. EDN MEFYCC (in Russ.).
6. Liu Bo. Research on innovative publishing services of Chinese libraries in the era of big data and the internet. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* = *Power and Administration in the East of Russia*. 2022. No. 2(99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-innovatsionnyh-izdatelskih-uslug-kitayskih-bibliotek-v-epohu-bolshih-dannyh-i-interneta> (date of access: 13.12.2025) (in Russ.).
7. Jia Lezhong. Comparative analysis of the impact of globalization on Chinese and Russian media. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* = *Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism*. 2010. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vozdeystviya-globalizatsii-na-kitayskuyu-i-rossijskuyu-medi>

erleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-vliyaniya-globalizatsii-na-kitayskie-i-rossiyskie-smi (date of access: 13.12.2025) (in Russ.).

8. Yang Jianhong. Copyright issues when editing works in publishing houses. Copyright in China. = 杨挺扬."图书出版中出版者修改作品的版权困境与解决路径." 中国版权. 05(2025):108-115. doi:CNKI:SUN:ZGBQ.0.2025-05-008) (in Chinese).

9. Wang Jianchang. The use of artificial intelligence technology in book publishing. Building a news culture = 王建昌."人工智能技术在图书出版中的应用." 新闻文化建设. 17(2025):141-143. doi:10.20253/j.cnki.cn10-1677/g.2025.17.045 (in Chinese).

10. Gao Yan. Publication of a book on the fusion of artificial intelligence and humans: opportunities and problems of editing. News of cultural construction = 高晶."人工智能融合图书出版：编辑工作的机遇与挑战." 新闻文化建设. 17(2025):138-140. doi:10.20253/j.cnki.cn10-1677/g.2025.17.048) (in Chinese).

11. Song Peiqian. Discussion on the application and ethics of artificial intelligence in book publishing. Journal of Journalism and Research = 宋佩谦."人工智能在图书出版中的应用与伦理探讨.新闻研究导刊 16.16(2025):233-236. doi:10.26918/j.xwyjdk.2025.16.050 (in Chinese).

12. Chen Chun. Analysis of the innovative path of popular science book publishing in the era of artificial intelligence. Journal of Journalism and Research = 陈冲."人工智能时代科普图书出版的创新路径探析." 新闻研究导刊. 16.12(2025):196-199. doi:10.26918/j.xwyjdk.2025.12.043 (in Chinese).

13. Zhu Jianjun. Notification of the Ministry of Propaganda of the CPC Central Committee on the implementation of the concept of deepening integration and development of publishing activities. Yearbook "China News" = 朱鸿军 主编."中共中央宣传部印发《关于推动出版深度融合发展的实施意见》的通知".中国新闻年鉴.Ed.朱鸿军 主编.中国新闻年鉴社, 2023, 12–15 (in Chinese).

14. Lu Jiansheng, Liu Shaopeng. University Press implements the requirements of the era and the paths chosen by the comprehensive leadership of the party. Modern Publishing = 吕建生, and 刘少鹏."大学出版社落实党的全面领导的时代要求与路径选择. 现代出版 .03(2023):12-20. doi:CNKI:SUN:DXCB.0.2023-03-002) (in Chinese).

Статья поступила 08.02.2026, принята к публикации: 24.03.2026.

© Ипполитов С.С., 2026